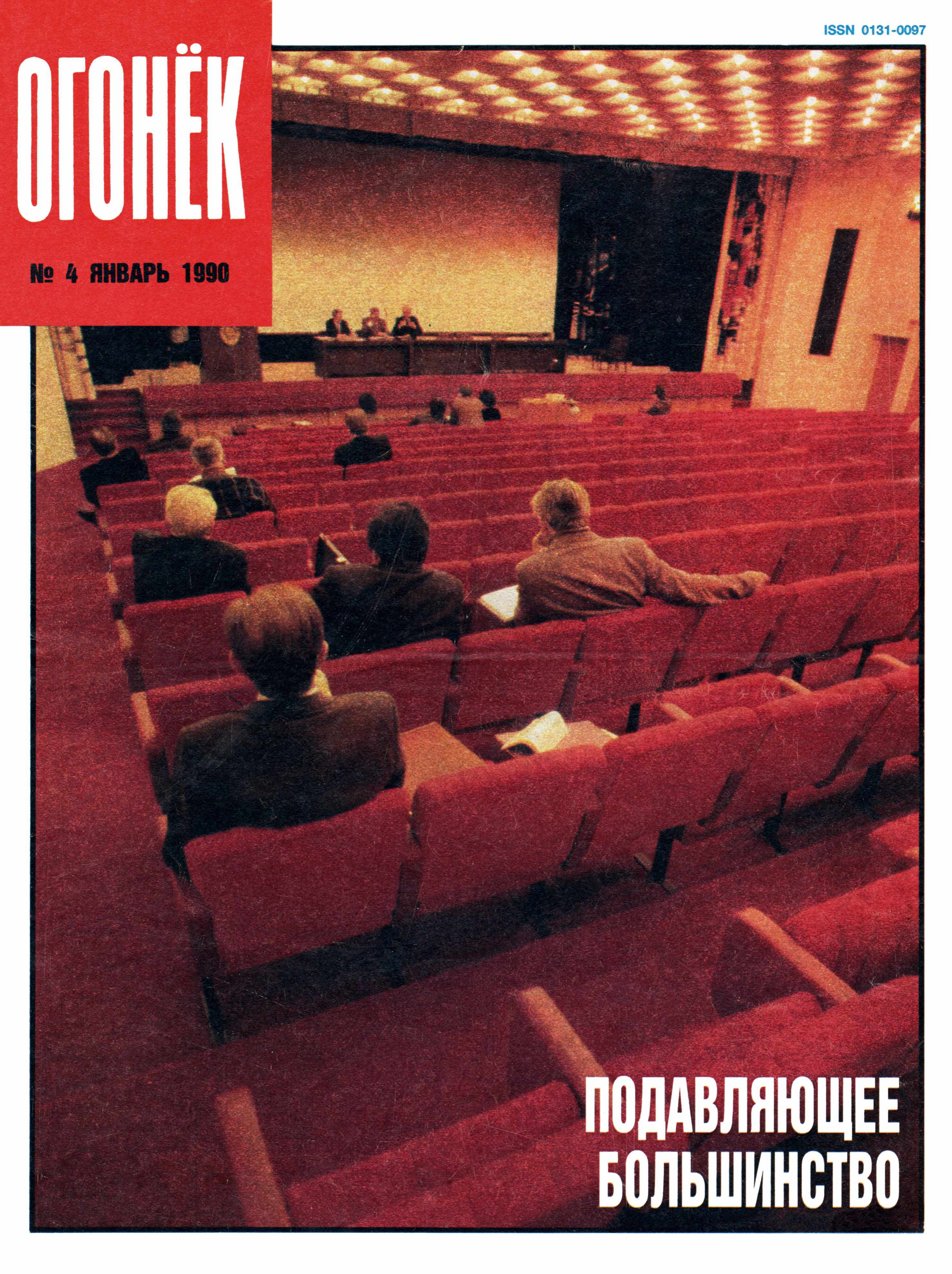
ISSN 0131-0097

ОГОНЁК

№ 4 ЯНВАРЬ 1990

ПОДАВЛЯЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (3261)

20 — 27 января

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Идет заседание ученого совета. «Мощный» коллектив определяет научные перспективы... (см. в номере очерк «Истощение»).

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

Сдано в набор 29.12.89. Подписано к печати 16.01.90. А 09401. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 1688. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

АНАТОМИЯ ОДНОЙ СУДЬБЫ

Осенью в Архангельске был отставлен «в связи с уходом на пенсию» первый секретарь обкома партии. Число кандидатов на ответственный пост первого человека в области ко дню пленума обкома составило двадцать три.

Из другой области сообщают, что у них набралось тридцать пять в сходной ситуации.

И некоторые люди восклицают: могло ли такое быть раньше? Когда нынешнему секретарю по идеологии Архангельского горкома партии Александру Вешнякову два с половиной года назад предложили попробовать себя в новой должности в горкоме, он в ответ выдвинул идею альтернативных выборов. Но ничего из этого не получилось, а получилось, как было всегда: он был единогласно «избран» на пленуме горкома.

Не было прецедента. И Вешняков вспоминает плохое время, когда даже если чему-то новому есть указание, но нет еще прецедента, то просто «рука не поднималась» вписывать это новое в документ своего парткома. Обычно хорошо было, если сосед уже собрался духом. Обычно косились в сторону соседа. Как в Ленинграде? Как в Мурманске? Ну, так как же там... в Коми республике у них?

— А теперь видите,— говорит Вешняков.

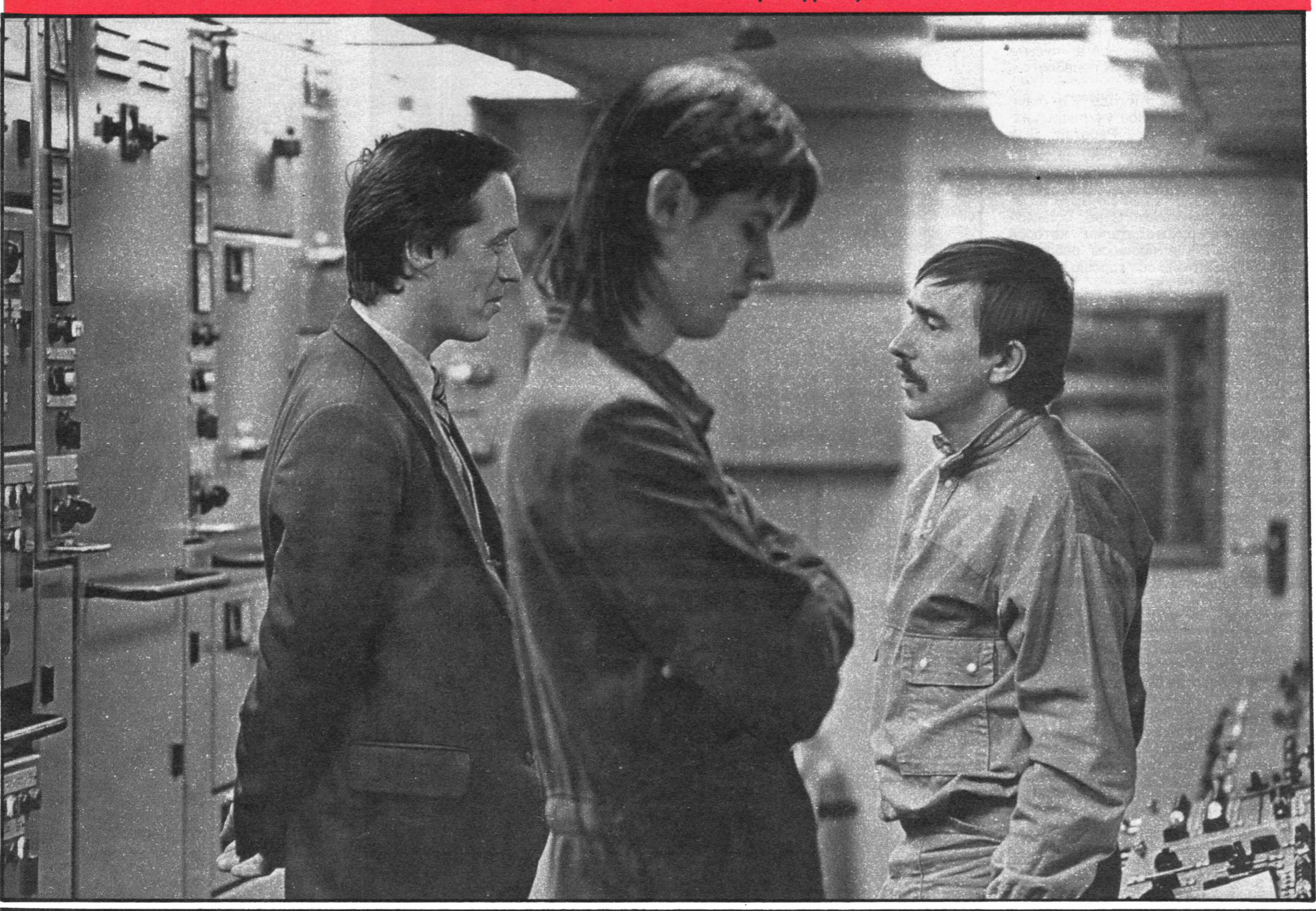
Но почему все-таки ушел «первый»?

Я имею в виду знаменитое на весь город и на всю область «письмо восьми» (Вешнякова подпись стояла первой, я поняла, что по рангу его должно-

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ПЕРЕМЕН

ПОГОДА НА ЗАВТРА

Нина ЧУГУНОВА, Павел КРИВЦОВ (фото)

сти). В этом письме, адресованном лично первому секретарю обкома, содержались серьезные обвинения в его адрес, а также прямое требование в виде просьбы товарищей по партии подать в отставку.

Может, пришло время, когда руководитель в такой ситуации просто уходит, этим жестом как бы охраняя честь?

Не так! На самом деле «первый» еще вполне бодр. Он был на «своем месте». Он «соответствовал» и «мог быстро собраться и реагировать». Почему же ушел? И я смотрю на ответственное лицо.

Человек в обкоме партии говорит мне прямо, что без звонка оттуда не обошлось. Там решили. Без этого «первый» своего шага не сделал бы.

И, я понимаю, что волнение вокруг письма восьми коммунистов, сильно, по-моему, рисковавших хотя бы партийной репутацией,— это ажитация для публики. Кто что ни говори, как говорит герой пьесы Вампилова, а жизнь всегда умнее всех нас, живущих и мудрствующих. Что кто ни говори!..

А за окном площадь Ленина подле набережной Ленина. Архитектурное решение площади получило не так давно высокую награду, и я примерно представляю себе, как это выглядело в проекте: много света и мало людей. Так стало и в жизни. Наше время славится воплощением проектов.

С Александром Вешняковым мы встретились год назад и тогда, помню, проговорили не более пяти минут, которых было вполне достаточно, чтобы секретарь по идеологии выразил свою точку зрения на предмет. Говорили об «афганцах», но не об амнистии. О ней год назад редкий мог помыслить.

А через два дня помело, площадь всю заволокло пургой, и наутро вышли тетеньки в ватниках и метлами на шестах живо памятник Ленину обмели.

Мне секретарь понравился тем, что обмолвился: он как бы нечаянно сказал: «...ведь в привычках партийного работника скорее самому надавить».

* * *

Александр Вешняков родился в деревне Байкалово в пятнадцати километрах от города Архангельска. Этот факт, именно что в деревне под Архангельском, впоследствии часто оказывал ему моральную поддержку, скажем, когда на собрании люди кричали всякому выступающему: «А ты откуда? Приезжий? Чужой? Тебе что наша жизнь!» — то Вешняков с легким тайным, представляю себе, удовольствием говорил, что родился здесь, неподалеку, здесь учился, отсюда ходил к берегам африканским, сюда возвращался от всех портов Франции и Британии.

Это очень подкупает людей.

Вешняков никогда не имел «аллергии к общественной работе», поэтому вступил в общественную жизнь еще в школе. Общественная работа привила черты, которых в характере не было. «Я не стал забитым и замкнутым в училище».

Он любил море, хотя в раннем детстве любил небо. И трудно привыкал к городу. На танцах он познакомился с девушкой, которая жила в общежитии в отдаленном районе первых пятилеток, она была тоже деревенская. Он окончил училище с отличием и, соглас-

но сложившемуся порядку, сначала поплавал мотористом, потом был четвертым механиком, потом третьим, стал лучшим по профессии. Он был счастлив, работа ему нравилась. Только потом море стало лишать его общения с семьей, и он затосковал по берегу...

— Встречались ли вам люди, мыслящие иначе, чем было принято?

— Нет. Диссидентов по нашему пароходству я не встречал.

Будучи в загранплавании, Александр Вешняков внимательно присматривался к *их* берегам.

Он проработал в комсомоле на освобожденной должности, пока не почувствовал, что «огонек гаснет».

Причины апатии он увидел в самом себе. Подумал: возраст? Он винил себя в том, что не может зажечь людей. Все эти рапорты...

Он ушел, назвав в качестве причины ухода «моральное неудовлетворение работой». Через восемь лет та же самая причина вызвала шаг, практически прямо противоположный: он в «письме восьми» посоветовал уйти первому секретарю обкома.

Что было с ним в эти годы? Он окончил Высшее мореходное училище, знаменитую «Макаровку». Работал. Был заместителем секретаря парторганизации Северного морского пароходства, потом получил возможность работать самостоятельно, став секретарем в Северном речном пароходстве, большой организации, руководителем которой был партийный в прошлом работник, следовательно, они оба хорошо понимали друг друга.

К этому времени относятся новые веяния относительно выборности руководящих кадров. Вешняков по себе увидел, как «рука не поднимается» в своих документах повторять непривычные формулировки, пусть даже и принятые уже там. Однажды его пригласили на заседание школы экономических знаний, и рабочие стали задавать ему вопрос: как же он видит это практически? Не зная, какие еще будут указания, он стал отвечать, как сам себе представлял, и в ответ получил: э, да вы, Александр Альбертович, какие-то сказки рассказываете!

И люди ему прямо говорили: мы еще морально к этому не готовы. Для нас как был наш начальник поставлен, так и будет стоять. Лучшего нам не надо.

Наверное, в это время Вешняков и познакомился с удивительной похожестью партийных документов, которые из года в год состояли из одних и тех же оборотов речи, из одних слов. «Усилить», «укрепить», «считать необходимым». Эти слова и обороты были просты, решительны и прямолинейны даже в тех случаях, когда в партийных документах стали трактовать о душе, предмете небывалом.

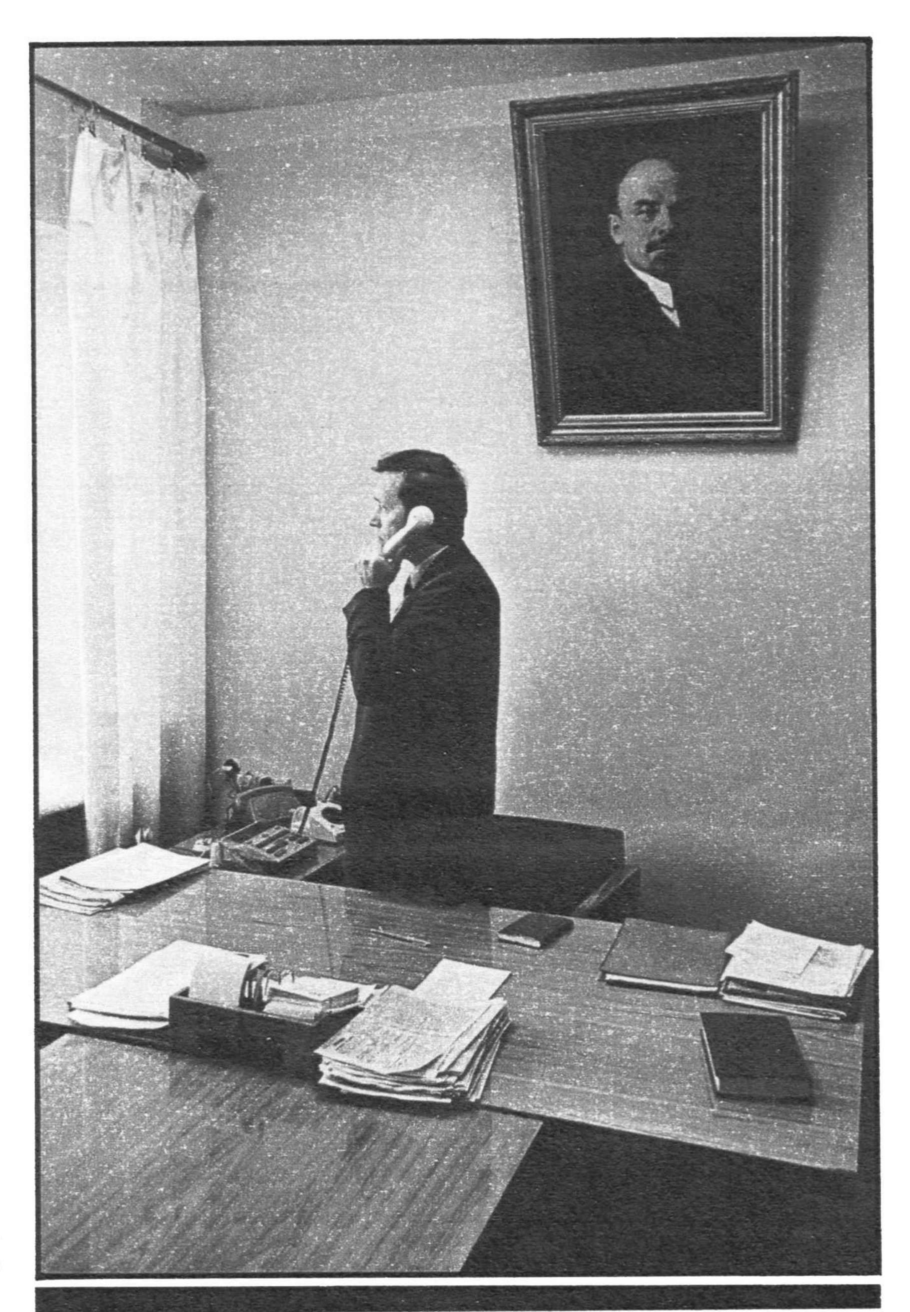
Летом восемьдесят седьмого года его пригласили в горком для беседы. Ну, в общем, он занял кабинет со светлой мебелью, из окна которого виден обком, и вечером, когда в обкоме горит свет, в каждом обкомовском окне — по портрету вождя.

Город тогда очень занимал скандал, разворачивающийся вокруг строительства «дома на набережной»...

Вешняков перед городом был чист: он жил в маленькой четырехкомнатной кооперативной квартире вшестером. И пайка он уже не получал. Правда, полгода еще оставались небольшие праздничные заказы, но потом и их упразднили, чтобы «не волновать народ».

Во время одного из самых первых своих выступлений он употребил непривычное выражение... «Надо искать новые подходы в решении наших задач, пусть даже и ошибаясь».

Вскоре был направлен в Москву на учебу, и в течение трех недель, что ли, слушал лекции, и был радостно удивлен смелостью высказываний некоторых товарищей, например, товарища Лукьянова. Он понял, что можно быть смелым и даже нужно. А ведь он по характеру и был смел! Он увидел, как будто свежим взглядом человека, зашедшего в душное помещение с улицы, насколько страшно ошибаться партийному работнику. Особенно тем, кто прошел все ступеньки партийной лестницы. В речном пароходстве он радовался, что там не прошел все ступеньки — ведь, пройдя их, он неминуемо бы напитался подобострастного духа, пусть даже и научился бы это скрывать. А теперь он был рад, что не прошел всю эту «лестницу» в горкоме. Особенно вновь радовался, что плавал, а не восходил от комсомола к профсоюзу, от профсоюза — к партии... Неминуемо он научился бы самой опасной форме выражения страха — готовности внедрять установку вышестоящего руководства.

А на этом и держался старый аппарат, говорит он. Каждый раз указания внедрялись все с большим рвением. Не получалось в конце концов — не важно, важно внедрить, важно соответствовать требованиям момента. Там уже вон, гляди, и новая установка грядет. Энергия есть!.. Прислали новую идею — все построились и пошли выполнять. Идей не так много, но все они очень ясны. Они прямы. Они как прямая линия между задачей и результатом. При чем здесь «пусть даже и ошибаясь»?

Он задумался над тем, почему был нужен никогда не ошибавшийся Ленин.

Тем временем строилась площадь; в центре по проекту должен был находиться фонтан, который и был построен. Впоследствии первый секретарь обкома высказал мысль о том, что посреди площади имени Ленина подобает находиться памятнику Ленину, так что фонтан перенесли... куда-то в другое место, а на его месте воздвигли хороший памятник Ленину работы замечательного скульптора Кербеля. Вешняков в числе прочих ответственных лиц этот памятник открывал. Он знал, сколько стоит перенос фонтана, знал и то, что никакого обсуждения осмысленности таких затрат не было. Эта непримечательная по старым временам мелочь привела к тому, что, глядя на памятник, люди говорят лишь о фонтане и о бессмысленно потраченных общественных деньгах. Такие настали хорошие времена. И на собрании общественности встает человек и задает Вешнякову вопрос относительно нового первого секретаря обкома:

— Значит, тот фонтан убирал, а этот будет фонтан обратно переносить?

Кроме Ленина и Маркса, Вешняков читал и Сталина и вдруг прочел у него выражение, воспринятое им как ключ к тайне.

Сталин говорит: мы должны иметь партию, подобную ордену меченосцев.

Просто, как прямая, соединяющая две точки.

Когда умер Л. И. Брежнев, у него произошел разговор с коллегой-партработником: есть ли борьба за власть в Политбюро? Сам он подобной мысли не допускал. Там монолитное единство. Он сказал усомнившемуся: зачем вы себе такое позволяете?

К слухам о том, что же происходит на самом деле там, он относился так же отрицательно, как к политическим анекдотам.

И лишь позже он, размышляя об ордене меченосцев, пришел к неожиданной для него самого догадке о том, что и он был частью массы, захваченной особенной, утонченной, размытой формой психоза, и он был тронут этой дурью.

«Мы дети и пленники времени» — запомнил он слова, произнесенные одним из наших руководителей.

Это были совсем новые, новейшие слова!

Спустя полгода после начала работы в горкоме Вешняков впервые выступил на телевидении.

— Когда я волнуюсь, я заикаюсь. Я боялся, что скажут: вот секретарь горкома. Он не может связать двух слов.

— Не знаю, у меня еще нет своего мнения по данному вопросу,— сказал тогда Вешняков странные, непривычные публике слова.

Собственно, к Вешнякову пора уж было присматриваться, когда, выступая на одном из пленумов обкома, он как член ревизионной комиссии позволил себе критику в адрес руководителей обкома, не имевшую, впрочем, никаких последствий.

* * *

На одном из последующих пленумов коммунист Половников выступил с резкой критикой в адрес первого секретаря обкома. Выступление никак не было связано с повесткой дня и явилось полной неожиданностью для присутствующих. Оно «разорвалось, как бомба». Но быстро стали подниматься один за другим люди, бравшие «первого» под защиту. Рядом сидящий сказал Вешнякову, наклонясь: некстати выступил, но ведь все верно, все! Люди с трибуны в один голос клеймили Половникова. Вешняков не выдержал, вышел к трибуне и заявил, что «со многими позициями согласен, хотя не все критические замечания принимает». После опять кто-то осуждал Половникова и хвалил «первого». Вешняков потом сказал мне, что его занимала мысль о том, как все будут смотреть потом в глаза друг другу и особенно Половникову. Только потому и выступил.

Последствий не было никаких. В газете, опубликовавшей отчет, вообще не говорилось о Вешнякове. Вешняков позвонил редактору газеты, написал заявление на бюро обкома партии с просьбой опубликовать его выступление. Этот поступок и последующие он теперь объяснил мне просто: он очень боялся, что «точку поставят».

В заявлении на бюро он писал: возможно, совершена ошибка? Через неделю его пригласили на заседание бюро, где попросили подтвердить: настаивает ли он на опубликовании своего выступления? Вешняков подтвердил: настаивает. Ему отвечали: хорошо. Затем попросили более доказательно выступить по поводу Половникова и критики в адрес «первого». Вешняков стал отвечать было... Он «снял свой вопрос». Вышла газета: под странным заголовком «По просьбе читателей» публиковались недостающие выступления и Вешнякова в том числе.

(Наутро мы встретились ради короткого разговора об «афганцах», и тогда он произнес фразу о партийном работнике, которому легче «самому надавить».

— И во мне, конечно, эта черта есть, и мне приходится с ней бороться, чем же отличаюсь от остальных,— добавил он, и ничто не выдавало в нем вчерашнего волнения.)

Последовали предвыборная кампания, выборы... Первый баллотировался по сельскому округу. Вешняков на встречах с избирателями звал всех смотреть теледебаты, заранее назначенные и объявленные, с участием «первого».

Накануне теледебатов объявляется об их отмене. В кабинете Вешнякова

раздались звонки — его уличали во лжи.

«Первый» был забаллотирован, набрав около пятнадцати процентов голосов.

На пленуме, прошедшем до отчетно-выборной конференции, уже «двадцать человек топтали Половникова», Вешняков обратил внимание на то, как «мы умеем создать в зале настроение, и вот уже рабочий, сам не свой, встает и кричит Половникову: за что вы поливаете грязью нашу партию в лице товарища первого секретаря обкома? Мол, кто вы такой, чтоб чернить? И чуть ли не до исключения из партии».

В газете, естественно, подробностей не было. Прошла партийная областная конференция, на которой, уже ясно видел Вешняков, «постарались, чтоб демократия была минимальной». Первым секретарем обкома партии вновь был избран тот же «первый».

Вешняков говорит, что одиночество и досада, испытанные им после конференции, были тяжелы несравненно. Он сделал вывод, что «мы еще недалеко ушли от страшных периодов в истории нашей партии». Он убедился, что «можно точку зрения нескольких лиц запросто навязать всем». Он сам с собой рассуждал о том, что принцип демократического централизма на глазах всех превращается в оружие «в руках сектантов». И опять возвращался к «железному организму партии», о котором мечтал Сталин. Он задавал себе вопрос, можно ли партию сделать постоянно обновляющимся организмом...

Написание письма заняло два дня. Я могу только догадываться, кто был его инициатором. Знаю, что Вешняков отнес письмо, пройдя через площадь мимо Ленина и ненадолго и привычно окунувшись в тепло и душистую ухоженность обкома (почему в этих домах всегда так тепло? Теплее, чем в детском саду...) Через несколько дней подписавшие были приглашены в обком. С ними беседовали более двух часов. Примирение не состоялось, не получилось и надавить: приглашенные постарались подготовиться.

«Зима будет долгой. Надо подготовиться»,— говорит печальный персонаж фильма-сказки о драконе.

О, если бы «первый» обнаружил хотя бы растерянность! Правда, потом Вешнякову было очень жалко «первого», и он мне твердил об «опасной страсти искать конкретного виновника, ведь это может начать расти, как снежный ком, когда все убеждены, что есть указание искать и наказать конкретное лицо...»

«Первый» явно пытался избежать мучительной огласки письма.

После того, как своенравный «Северный комсомолец» (я думаю: а если б не «Комсомолец»?) набрал письмо в гранки, из обкома послышалось: решено провести пленум и огласить письмо,— чего и добивались, собственно, авторы: огласки, а больше ничего, совсем не дворцового переворота! После этого гранки полетели в разбор, состоялся пленум, письмо было зачитано, пленум подтвердил свое доверие «первому», а некоторые товарищи по партии поговарически выговаривали восьмерым подписавшим... До победы было еще далеко, победа (или ее белый парус только?) мелькнула поздней осенью.

Почему-то не хочется продолжать.

Какой-то осадок. Как будто вдруг до боли ясен путь...

* * *

Мне не очень нравится выражение «мы дети и пленники времени», и единственно из-за последнего слова. Долгое время мы жили по крайней мере в двух временных измерениях. Одно было героическое. Другое... черт знает какое! Но идея плена, конечно, замечательная идея. Только время здесь ни при чем. Кто-то другой и родил нас, и держал в плену, как держали в деревянных колодках детские ступни древних китаянок, добиваясь определенной формы. Уничтожение времени было необходимым условием кропотливой работы. Это уничтожение я воспринимаю как вполне материальное действие и знаю орудие этого труда. По этой специальности я окончила университет. Вернее, мы и это там изучали. Под другим, конечно, названием. В той, молодой науке сознание общества нам наглядно изображали в виде концентрических кругов... в моем сознании от всего этого осталось слово «реципиент»: видимо, я плохо успевала.

«Вообще, следует отметить, что первой жертвой разговоров об Утопии — желаемой или уже обретенной — прежде всего становится грамматика, ибо язык, не поспевая за мыслью, задыхается в сослагательном наклонении и начинает тяготеть к вневременным категориям» (И. Бродский. Предисловие к «Котловану» А. Платонова).

Этот задохнувшийся язык и является единственным средством борьбы за человека против самого человека в руках того, чьи мы дети и пленники. Забыла добавить: во имя человека и согласно его воле.

Никто не против памятника Ленину в Архангельске, хотя вся площадь сильно напоминает архитектуру современной демократической Кореи. Не хочу никого обижать, но, только побывав в Корее, понимаешь, что хотя в этом деле совершенства нет, но в Корее к нему приблизились. Там каждый камень, положенный в основание памятника, обязательно символизирует что-то из истории. Тем более количество камней. Нас все что-то останавливает. Как бы неловко. Как бы заметят?..

Во время дебатов относительно Закона о печати с экрана телевизоров в народ вылетело, как ржавая железка, словосочетание «идеологическое управление».

— Не будем же забывать о необходимости идеологического управления! — воскликнул народный депутат.

Понятно всем, что степень идеологизации общества (его публичной, общей и частной жизни) означает степень порабощения этого общества аппаратом. В нашем случае партийным, но я и не знаю другого. Есть лишь точно скопированные структуры, точно так же действующие и с тем же результатом.

Любопытно, что «идеологизация» практически ничего общего, кроме формального корня, не имеет с «идеологией». И провозглашение деидеологизации не означает уничтожения идеологии.

«Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи». В пору моего детства этот лозунг висел в предбаннике женской бани у кинотеатра «Победа». Я помню шрифт и пожелтелый ватман. В семьдесят седьмом году меня фотографировали за ткачиху с проектом Конституции в руках (там и появилась не одним человеком не замеченная, всем сегодня известная шестая статья).

Была веселая игра. Пятый курс университета. Через полгода однокурсника, шедшего по многолюдному перрону Ярославского вокзала, остановили, приняли от него чемодан, открыли, нашли «самиздат». А он считался надеждой журналистики, гордостью курса.

Через семь лет меня принимали в партию, в комиссии сидел рабочий, тяжело обхвативший голову руками, он так и не пошевелился, также старушка в кружевном воротничке (такой же посоветовали надеть и мне, «чтоб не было мрачно в черном»), пучеглазый человек с отполированным лицом киношного злодея развернул мою кандидатскую карточку, обнаружил исправление в цифре, сказал, что «дело пахнет персональным делом»... и перрон Ярославского вокзала качнулся подо мной. Документы «на партию» я переписывала пять раз, и напоследок партийка сказала:

— Любой рабочий лучше вас заполняет. Ра-бо-чий.

Я отвечала, что тот рабочий, видимо, рабочий Левша. Она улыбалась. Она была моей ровесницей. У нее были коса и взгляд.

Кажется, никогда не было тайной, как живут и благоденствуют аппарат и приближенные к нему лица. Но что-то защищало его от гнева так прочно, что гнева и не возникало. К партии и к марксизму это не имело отношения. Руководитель предприятия (поставленный, разумеется, на должность аппаратом) мог обращаться с секретарем партийной организации своего предприятия по-дружески или по-хамски, но почти никогда подчинительно, хотя формально он был партийно подчинен секретарю.

Аппарат только ассоциировался с партией (за что теперь партии приходится расплачиваться на митингах, например), на самом деле он был совершенно отдельной, отдельно гуляющей организацией.

Мой личный опыт общения с аппаратом хранит подробности телефонного разговора с сотрудником Большого дома, когда мне дружески посоветовали «не бежать впереди состава».

Аппарат — это не вся Коммунистическая партия.

Что защищало аппарат от гнева коммунистов?

Его надежная, проверенная десятилетиями и десятилетиями отполированная конструкция. Собственно, аппарат — отнюдь не люди, а именно конструкция, структура, вечный, хоть и мертвый, механизм, обновляющийся лишь в той мере, в какой это необходимо для сохранения неподвижности.

Аппаратное сочинение обычно представляло собой ясное обещание перспектив и изложение простых и надежных путей их достижения. На протяжении десятилетий к этим формулировкам нельзя было придраться. Вешняков говорит, что за последние годы стиль и язык партийного документа практически не менялись, состоя из фраз со словами «усилить», «укрепить», «в дальнейшем содействовать». Можно было быстро и без мозговых усилий создать новый документ, обратясь к прежнему за тот же период прошлого года или позаимствовав обороты у соседа из Мурманска, Ленинграда и Коми АССР.

Именно от этого задохнувшегося языка с ожесточением отказывается сегодня народ, совершая в своем порыве и акты вандализма, каковым можно считать требование снять лозунг «наша цель — коммунизм» на том основании, что ступенька «социализм» оказалась прогнившей... и к этому народу тоже выходят Вешняковы с увещеванием и мольбой.

Как иносказание аппаратный документ, всегда как бы обращенный единственно к народу и к массам коммунистов, представлял собой директивное указание по управлению.

За все время своего правления аппарат подготовил несметные отряды, если не сказать полчища, понимающих. Им принадлежит выражение «народ не поймет».

Перестройка не изменила аппаратчиков и не ослабила рвения приближенных и прислуживающих лиц. Отныне требовался лишь самый изощренный слух и ум. Я знаю, что несколько раз предрекался конец перестройке на основании запрятанного в чьем-либо высоком выступлении верного к тому знака.

С механическим упорством наталкивали в народ и в нашу историю все новых тиранов и любимых руководителей, плодили уменьшенные копии и уродливые подобия; а у подножия этой махины сидит вахтер в полувоенном френче и видит тебя насквозь.

Вешняков говорит: надо плохих заменить на хороших. Тогда к работнику аппарата не будут относиться с предубеждением. Он уверен, что надо для начала изжить некоторые пережитки, начиная с внешности.

Мне очень нравится Александр Вешняков.

И я не хочу, чтоб Вешняков пал безымянной жертвой сослагательной грамматики Утопии. Нельзя заменить плохих на хороших. Нельзя пристроить некий флигелек, в котором будет учиняться контроль над правильным соотношением демократизма и централизма в применении принципа демократического централизма.

— А то,— говорит Вешняков,— если будет много демократизма, партия превратится в дискуссионный клуб, а кому это нужно?

Он молод, верен, дисциплинирован. Восстав, он не преступил границ. Он запечатал письмо в конверт, пересек площадь и оставил конверт в орготделе. «Попросись я на прием — ну и что? Ничего бы не было». Документ должен получить ход. Но он знает, что существуют способы «не дать ходу», и обдумывает ответные шаги, также не противоречащие Уставу. Ему известно, что произойдет, если бунтовщик перешагнет рамки Устава. То, что первый секретарь обкома партии запросто может перекрыть кислород прессе, его не удивляет. Это не криминал, а закон построения аппарата. Надо обойти препятствие, воспользовавшись ходами, оставленными открытыми по редкости их использования. Он пишет жалобу в бюро. Но прежде он звонит редактору газеты. Нет, он не изобличает его. Он спрашивает, и ему отвечают вопросом: вас что-то не устраивает? Жалуйтесь. Он кладет трубку. Не принято уличать зависимое лицо в унизительной холопьей зависимости. Вешнякову неловко продолжать разговор, «выворачивать руки». Кроме того, он знает, что, даже и сделай сейчас признание, завтра редактор от него открестится. «Такое в моей жизни бывало»,— опять обмолвился Вешняков. Он продолжает действовать умно, оставаясь в рамках системы, но закрывая глаза на партийную и профессиональную аморальность редактора газеты, на аморальное молчание тех, кто по долгу партийной совести обязан и мог его поддержать на заседании бюро обкома.

— Они промолчали. Я снял вопрос.

Не кричал. Не вышел на улицу с плакатом — то есть не впал в безумие по вчерашним меркам.

Он пристойно вел аппаратную схватку.

...К нему, Вешнякову, отбросившему невозмутимость или же не владеющему еще этим даром, обращается со своим пристальным вниманием народ, который еще верит в партию; который срывает лозунг о коммунизме; который устал ждать улучшения и в принципе не прочь жить, как вчера, не зная о реальности и питаясь газетной действительностью (тем более, что тогда было сытнее, подсказывает аппарат); и который все ждет от партии публичного покаяния; который создает свои Фронты, списывая программу у эстонцев; который ждет «сокрушения аппарата» (по данным Центра социологических исследований Академии общественных наук, 86 процентов опрошенных коммунистов требуют также «беспощадного очищения» рядов партии); но и тот, что «не позволит нападать на нашу партию в тот самый момент, когда она должна быть особенно сплоченной».

А в газеты пишут: есть ли в Америке райкомы...

Знаю, что, пока честен, Вешняков будет вызывать тревогу аппарата, родившего и воспитавшего его. Эта тревога может сделаться «всевозрастающей», и тогда Вешнякова можно будет уничтожить по линии партийной дисциплины или руками большинства.

Мне страшно за него. Долго ли еще он будет строптив, сможет ли в конце концов понравиться и прижиться в коридорах власти со всей своей «возмутимостью», волнением... Где твои дети, аппарат? Сколько их прошло по ковровым дорожкам в детсадовском душистом тепле, сколько новой выучкой и новыми манерами научило гибкости хребет... сколько энергии потрачено зря...

Архангельск

НЕТЕРПИМОСТЬ И НЕТЕРПЕНИЕ

БАКИНСКОЕ ВРЕМЯ

Разница во времени между Баку и Москвой — всего лишь час. Разница во времени между Баку и Москвой огромна — не всем здесь легко понять, как решение Верховного Совета Армянской ССР о выделении специального бюджета для Нагорного Карабаха сорвало с горного склона смертоносную лавину. Я только что оттуда, из Баку, у меня перед глазами рассеянные по бакинским стенам плакаты, с хищной армянской рукой, стремящейся вырвать из азербайджанской груди алое сердце — Нагорный Карабах,— и властная бакинская рука, перехватывающая воровскую руку, на стенах научные трактаты о том, что «Великой Армении» не было и не будет, на перекрестках люди мне говорят: «Эти армяне...». А где-то далеко Ереван, живущий зеркальным отражением, все наоборот. Люди сражаются на тонущем корабле.

Активист Народного фронта (так, по крайней мере, он представился) говорит в телефонную трубку: «Завтра будет очень тяжелый день. Ожидается демонстрация, трудно сказать, с каким исходом. Ситуация, как накануне штурма Зимнего дворца. В ЦК можете не звонить — там никого нет. Они, наверное, уже все разбежались. В женском платье». Бодрый голос человека, в эйфории не могущего уяснить самому себе смысла сказанного. Как пьяный.

Ночь. Я не могу спать, мне мешает странный грохот с улицы, будто оторвал ветер кусок жести на крыше и гоняет его с упорным постоянством; я застываю у окна — во дворе скромного голубого дома с закрашенными стеклами зачарованной верениццей, будто повинуясь неумолимой дудочке Крысолова, спускаются солдаты, громыхая изредка огромными с мертвенным отблеском щитами, поправляя за спиной автоматы.

Я иду в город, сосед советует: «Возьмите паспорт показать, что русский...» Суббота начинается хмуро и ветрено, ветер сушит последние лужи, прохожих немного, горничная говорит: «Не выходите на улицу».

На улицах меньше прохожих, но уже собираются легкими черными сгустками кучки черноголовых мужчин в черных пальто — они стоят на перекрестках, рассматривая прохожих с молчаливым, изучающим вниманием, что-то коротко говорят за спиной, у киосков замирают, глядясь в развернутые зеркала газетных страниц, люди подписывают какое-то воззвание, на улицах заметно еще не ясное, но все более определенное движение людей к центру, к площади; много подростков, женщин почти нет; и вот, наконец, первый громовой выкрик, и толпа хлынула к площади, вознеся над головами трехцветный флаг, как кусок, отпиленный от общей семицветной радуги, тротуары опустели, я становлюсь в тень киоска, и колонна идет мимо меня, и вдруг, срываясь на бег, люди мчатся через скверик на соседнюю улицу.

На площади уже вещают ораторы, и толпа густеет, люди сбиваются в плотную массу, не оставляя между собой просветов, ощетинившись флагами и транспарантами; вокруг этого черноголового поля, прорастающего ненавистью, прямо на глазах образуется пустое окаймление асфальта. Трудно сосчитать, сколько здесь людей: сто, двести тысяч?

«Горбачев забыл про нас...— плачет русская женщина.— Как мы тут будем жить? Я домой ходить боюсь. Вчера окружили у метро и говорят: «Вы, русские, вы почему не с нами?» Куда мне ехать? У меня отец с пятнадцати лет в Баку. Я коренная».

После трехчасового митинга толпа расползается, как лава из жерла вулкана, распаленные люди окружают милицейский «уазик» лимонного цвета, взбираются по нему, пинают ногами, не позволяют выехать из толпы, подростки забегают вперед, смотрят номера машин: не армянские ли? И сразу эти машины окружает торопливая толпа, небо над городом темнеет, наливаясь грозовой синевой, люди идут рядами, задрав головы, подолгу задерживая взгляд на людях, смотрящих на них из окон, будто хотят увидеть чей-то взгляд, в их глазах странное ожидание.

— Куда они пошли? — спрашиваю я молчаливого соседа.

— Армян искать,— мрачно отвечает он.— Да где их сейчас найдешь-то? — медленно добавляет он.

Я тогда еще не знал, что этот вечер станет последним для десятков человеческих судеб.

Банды погромщиков не жалели никого — бакинский погром кроваво войдет в историю, как вошли в историю Сумгаит, Фергана, Тбилиси,— историю трагических ошибок народа, историю преступлений. Милиция, армия пытались сделать все от них зависящее, люди разных национальностей укрывали армян от озверевшей толпы. Но все же кровь пролита. И она останется на бакинских улицах навсегда. Печать преступления останется на совести тех неформальных организаций, которые подвигли народ к насилию,— месть не имеет права на людские жизни, чем бы она ни мотивировалась. Маятник вернется — прошел огромный митинг в Ереване, брошен клич собирать оружие, мстить, отплатить кровью, чуть ли не десантом обрушиться на Баку. Мельница ненависти продолжает свою работу.

Самый невыносимый дефицит ситуации, по-моему, это дефицит реального руководства, а не фантомов, которые сажаются в кресла невидимыми аппаратными играми и безвольно тащатся за событиями, лишь изредка пытаясь их схватить под уздцы с помощью внутренних войск. Нужно правительство, способное остановить кровь, все остальное потом.

Потом, может, через десятилетия, мудрые потомки решат проблемы Карабаха. А сейчас правительства народного доверия должны уяснить очевидные сегодня горькие факты: идет война, мы признаем это, мы заключаем перемирие, выводим боевиков, отвечаем за жизнь ваших соотечественников, как вы за наших, создаем делегации на переговорах, и пусть эти делегации седеют и стареют за «круглым столом» — лишь бы не пролилась кровь...

Проблема в людях, которые могли бы ответственно говорить от имени народа. О том, как этим людям приходить к власти, должны подумать наши депутаты, которые заседали и голосовали на Съезде с таким спокойствием, будто в запасе времени еще вагон. Свободы нужно не столько, сколько хватит большинству. Свободы нужно столько, чтобы хватило всем.

Сегодня — уже поздно. Но завтра уже будет — никогда.

Эти строки я пишу 14 января. Новый год по старому стилю. Неужели по старому?..

А. ТЕРЕХОВ

* * *

Пульс страны, как никогда, ускорен, и мы едва поспеваем за бурно развивающимися событиями. Не оттого ли происходят драматические опоздания — газет, законов, правительств?..

Журналист Владимир Иванидзе вернулся из Нагорного Карабаха намного раньше коллег, которые побывали в Азербайджане. Его репортаж «Карабах, боль моя...» читайте на стр. 26—29.

ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ?..

Сигнализация сработала мгновенно. Рубиновые лампочки тревожно замерцали на табло всех погранзастав. Одна за одной над советско-иранской границей зависали сигнальные ракеты. Начиналась немедленная эвакуация семей пограничников в глубь страны...

Тревожные группы застав ждали команды «В ружье!»...

КАК ЭТО БЫЛО...

Но команды так и не прозвучало. Хотя как раз в те самые минуты и нарушался режим границы СССР: на протяжении всего советско-иранского пограничья крушилась сигнально-оградительная система с колючей проволокой и погранзнаками, разделяющими два государства. Тем не менее обескураженные пограничники в те минуты практически отсиживались на заставах. Весь парадокс ситуации был в том, что границу ломали изнутри.

Местное население, вооружившись топорами, ломами, пилами и бутылками с зажигательной смесью, рвало колючую проволоку, жгло вышки. Иными словами, советская граница уничтожалась руками советских же граждан... Так какие причины побудили народ взяться за ломы? События, предшествовавшие разрушению, выглядели так:

01.12.1989 г.— Многотысячный митинг в г. Нахичевани с лозунгами «Долой границу!», «Убрать колючие заграждения!».

04.12.— Проведение акции «Живая стена». Взявшись за руки, люди выстроились в живую цепь на протяжении всех 137 километров границы. Иран срочно принимает меры к усилению охраны своих рубежей.

12.12.— Тридцатитысячный митинг.

13.12.— Массовый выход к границе.

19.12.— Вблизи границы населением установлены палатки. Лозунг тот же.

23.12.— Двухтысячный митинг в г. Нахичевани. Раздавались призывы сжечь заграждения на границе. Выдвинут ультиматум командиру погранотряда полковнику Жукову.

26.12.— Предприняты попытки разломать сигнальную систему. С прибытием тревожной группы разрушение удалось предотвратить. *(Из газеты «На рубежах Родины».)*

29.12. 20.30.— Выступление начальника погранотряда по телевидению с призывом одуматься.

30.12.— Разведение костров вдоль границы. Заявлен протест пограничного комиссара с иранской стороны.

31.12.— В 12.10. началось разрушение границы СССР... На одном из участков обнаружен неопознанный труп мужчины.

Именно эти сумбурные декабрьские события предшествовали нашему прибытию на границу. Вооруженные силы Ирана в тот день были приведены в полную боевую готовность.

Сожженные вышки, обезображенные погранзнаки... На заставах продолжали мигать тревожно вспыхнувшие сигнальные лампочки. Они погаснут лишь тогда, когда ограждения будут возведены заново. Вопрос их восстановления стоял так же остро, как и вопрос охраны границы без сигнализации...

«КОММУНИЗМ» ЗА КОЛЮЧИМ ЗАБОРОМ...

Но прежде чем продолжить разговор об инциденте на границе, два слова об истории ее зарождения. Ее узкая полоска возникла в результате войны России с Ираном, и с 1828 года, согласно договору, стала пролегать по Араксу. Река разделила два государства. Но неразрывными остались родственные связи. Одни семьи посещали другие, устраивались общие свадьбы, молились в одних мечетях.

...Шли 30-е годы, одним из атрибутов которых стала колючая проволока. За железным занавесом оказалась страна. Целые народы, призванные строить светлое будущее — коммунизм, очутились за колючкой.

Рекой-разлучницей стали называть Аракс на обоих берегах, слагая грустные предания. Согласно одному из них, вода в реке — это слезы разлученных семей. Брат оказался разлученным с сестрой, отец с сыном. И неудивительно, что одним из требований было: встреча с близкими.

...6 января я был на массовом выходе к границе. Люди общались на расстоянии 400 метров с помощью громкоговорителей, по очереди выкрикивая имена близких.

85-летнему аксакалу Нуре Мамедову повезло — отозвалась сестра, которую не видел десятилетия. На том берегу давно выросли его племянники, уже сами ставшие родителями. Я слышал, как сын выкрикнул имя матери, с горечью услышав о ее кончине. О посещении ее могилы он и не думал.

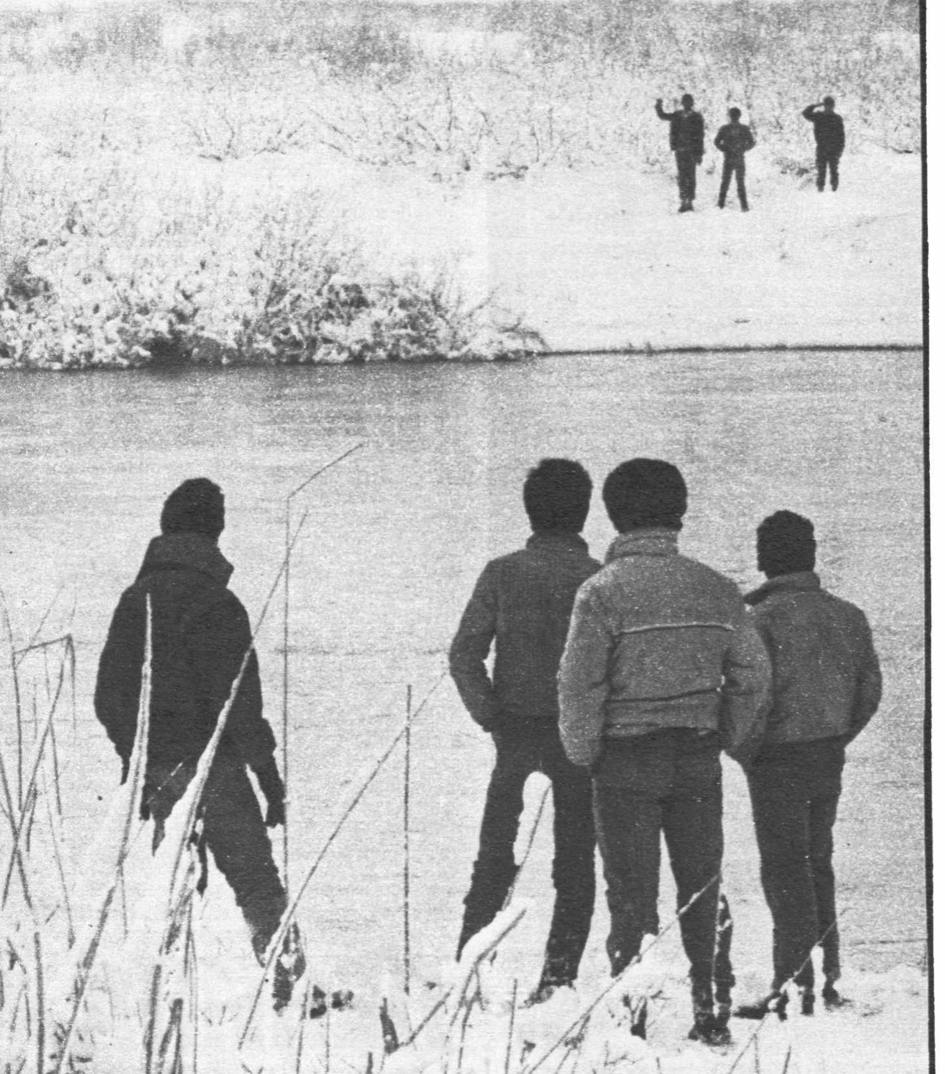
Шестидесятилетней Х. Мамедовой, например, из советской части г. Джульфы хватило бы пяти минут, чтобы перейти по мосту в иранскую часть города и обнять отыскавшегося сына. Но вместо прогулки по мосту ей пришлось проделать долгий путь из Джульфы северной в Джульфу южную по маршруту Нахичевань — Баку — Москва — Тегеран.

Время ломки стереотипов, к счастью, прошло. Начинает рушиться тот железный занавес, за которым жили мы. Постепенно меняет свое содержание и граница. Упали колючие путы на ряде европейских границ. С советско-китайской границы также исчезли те неприглядные колючки, которые довелось видеть мне, когда служил в одном из погранотрядов Забайкалья. Обмен делегациями с КНР, совместные ярмарки, упрощенный пропуск, встречи с близкими — все это стало возможным сегодня и на тех границах. А на Араксе? Невозможно?

— Ошибаетесь,— возразил мне зам. начальника политуправления погранвойск СССР, генерал-майор Г. В. Мартынов, оказавшийся во время тех событий на границе.— Данный вопрос решится, но на более высоком уровне. Что касается пограничников, то мы то готовы были сами убрать заграждения, менять режим. Но решать этот вопрос варварским путем, согласитесь, не дело...

И с последним трудно не согласиться. Ме-

Михаил КОРЧАГИН,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото Игоря ГАВРИЛОВА

тоды, при которых тракторами сметали систему, и впрямь далеки от цивилизованных. Но если бы только это... Вот запись пограничника Рейно в журнале наблюдения:

«В 15.00 со стороны соседней заставы подъехал трактор. В нем четыре человека. Двое из них с оружием. Вели стрельбу. Вернулись к трактору с белыми лебедями. Возле трактора одному лебедю отрезали голову, демонстрируя нам кровь, которую можем пролить и мы, если не очистим границу...»

Кому же понадобилось стрелять в белых лебедей, давно ставших в этом заповедном краю ручными? Кому понадобилось угрожать пограничникам?

Из объяснительной пограничников Голубева и Ивонина:

«6 января к нам подошли неизвестные, назвавшиеся жителями Тумбула. Они сказали, что нас через день-два увезут отсюда в гробах... На следующий день к нам подошли еще три человека. Снова начались угрозы. Сказали, что в поселке стоит машина с оружием и нам скоро придет возмездие...»

Возмездие за что? За охрану границы? Когда я был на Джульфинском кладбище, то видел армянские и русские могилы, оскверненные в день ломки системы. Какое отношение к движению «Граница» имел и этот прах усопших? Кто эти люди?

— Я не знаю имен этих экстремистов,— сказал мне в беседе, касаясь вопроса разрушенного кладбища, ахунд Нахичеванской мечети «Джаме» С. М.Новрузов,— но я буду просить Аллаха, чтобы покарал как этих осквернителей, так и тех, кто крушил могилы мусульман в Армении. Все они глубже вбивают клин между двумя народами, нарушая заповедь Корана: не тревожь дух усопших...

По этому же поводу член правления Нахичеванского областного отделения НФАз. А. Шамилов сказал:

— Кучка неизвестных экстремистов позорит наше движение, сталкивая пограничников и местное население в надежде на вооруженный конфликт. Случай с кладбищем — факт вандализма, не имеющий ничего общего с нашими намерениями по демократизации границы. Мы-то отлично понимаем, что отсутствие проволочных ограждений осложняет пограничникам охрану рубежей. Поэтому готовы оказать любую помощь в формировании добровольных отрядов по охране границы. Граница должна быть. Но без колючей проволоки...

ЧТО ВЫСВЕТИЛО ПЛАМЯ НА ГРАНИЦЕ

Пытаюсь понять, почему в руках местного населения оказались ломы, а не ножницы для торжественного перерезания ленточек. Почему в Нахичевани все происходило не так, как было это в ноябре прошлого года у Бранденбургских ворот? За ответами на эти вопросы я и отправился в обком партии.

— Но чтобы удовлетворить требования населения,— ответили там,— нам понадобилось бы выходить с инициативой выше и в МИД. Для этого нужно время, а требования народа были выдвинуты 4 декабря. 27 дней не решали ничего... Нереальные сроки...

Сроки же, как выяснилось в штабе НФАз., были самыми что ни на есть реальными. Ведь еще на июньском митинге 1988-го вопрос ставился ребром: «Проводить дни открытых дверей, чтобы могли встречаться жители Южного и Северного Азербайджана... Решить вопрос об освобождении посевных участков между рекой и колючими заграждениями».

До ломки колючих ограждений оставалось целых 19 месяцев!

Эти же вопросы поднимались на митингах 20 мая и 22 ноября того же года. Их же повторили 28 мая, 9 августа, 20 и 30 ноября 1989 года. Об этом же говорил член НФ А. Р. Рагимов на сессии Верховного Совета АССР 10 октября. Помнят нахичеванцы и августовское пикетирование, устроенное ими прямо напротив здания обкома при пятидесятиградусной жаре, когда люди теряли сознание, а их родное правительство отсиживалось в прохладных кабинетах, так и не пожелав вступать в открытый диалог.

Помнится мне и тот эмоциональный митинг 11 января, но уже на пронизывающем морозе, когда власти, наблюдая за митингующими через окна утепленных кабинетов, снова не решились выйти к народу. На этом митинге поздно было говорить об уже разрушенной границе. Хотя обстановка вокруг границы в те дни накалялась. И именно тогда не хватало открытых, без бумажки, бесед-экспромтов на площадях. «Экспромты» начались лишь на седьмой день после инцидента.

Не случайно перелистывал я в те дни орган обкома партии — газету «Советская Нахичевань». О чем же вещал орган в дни, когда ломалась граница? Выяснилось, о многом: об успешном производстве карамели и досрочном выпуске комплектов мужского нижнего белья; о «кормовом рационе животных» и куче навоза, «высящейся на краю поля». Темы, несомненно, нужные, но для них, согласитесь, можно было бы найти более подходящее время, освободив полосы газет под главную тему. В парторгане не проронено ни слова собственного анализа сложившейся обстановки. Но не молчала пограничная газета «На рубежах Родины», где прочитал характерную для ситуации строчку: «Местные органы власти бездействовали...»

Но только ли в те дни бездействовали власти? Целый сонм проблем, окутавших республику, годами ждал своего разрешения. Безработица, кумовство, мздоимство, вечные соцбытовые неурядицы и местная, щедрая на обещания бюрократия — от всего этого давно устали разуверившиеся нахичеванцы.

Граница в результате стала и местом протеста против социальной несправедливости в богом и центром забытой Нахичевани. Народ уже не верил в обещания своего правительства и, попирая закон, взялся за топоры. Власти, привыкшие к командно-административной системе, долгие месяцы не осмеливались проявить собственную инициативу. По старинке они ждали особой указки сверху. И дождались — незаконных действий снизу. Но и в этой ситуации не обошлось без крайних. Это пограничники, хоть как-то пытавшиеся предотвратить разрушения. Они единственные, кто остался в неприглядной этой истории на должной высоте,— неразряженными остались магазины их автоматов, в чехлах покоились саперные лопатки...

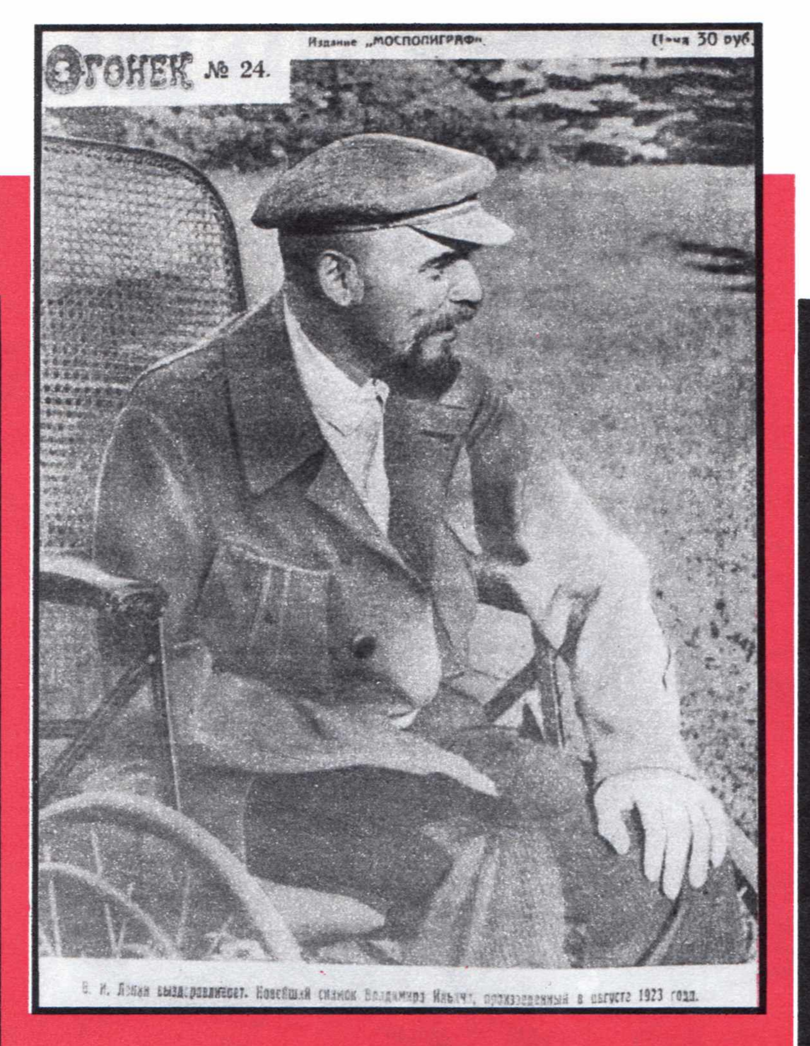
Множество проблем высветил огонь на границе. И одна из них сегодня — самая, пожалуй, главная, безотложная: запираться ли на все засовы, замки, оставаться ли за колючкой или?.. Каков практический механизм реализации принципов нового мышления в отношениях между странами? Каков механизм прогнозирования эксцессов, подобных нахичеванскому?

Граница ждет ответа...

Нахичевань — Москва

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ В. И. ЛЕНИНА

Профессор В. ОСИПОВ

Печальная судьба постигла многие научные журналы 20—30-х годов, особенно узкоспециальные, издававшиеся отдельными ведомствами. К ним относится журнал «Наша Искра» — ежемесячный орган коллектива Р. К. П. (б) Медицинской академии Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Флота (ныне Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова), в котором были опубликованы воспоминания о болезни и смерти В. И. Ленина одного из лечивших его врачей, профессора В. П. Осипова.

Этого журнала сейчас практически нет. Его экземпляры в частных собраниях, не говоря уже о государственных хранилищах, сжигали, уничтожали из страха как «крамолу», сдавали в макулатуру.

В архиве моего отца хранились материалы, связанные с болезнью и смертью В. И. Ленина, с дарственной надписью авторов. В этих материалах содержатся трагические подробности последних двух лет жизни Владимира Ильича.

Осипов Виктор Петрович с 1915 года — начальник кафедры психиатрии Санкт-Петербургской военно-медицинской академии, с 1917-го — председатель Петроградского общества психиатров и невропатологов, с 1933-го — заслуженный деятель науки РСФСР, с 1939-го — член-корреспондент Академии наук, с 1944-го — действительный член (академик) Академии медицинских наук СССР, умер в 1947 году.

Кроме подробных записей в истории болезни, имеют значение малейшие свидетельства, проливающие свет на жизнь, последние дни и смерть вождя революции.

В. ШКЛОВСКИЙ,
профессор,
руководитель Всесоюзного центра патологии речи.

Многоуважаемые товарищи, мне уже не в первый раз приходится рассказывать о болезни покойного Владимира Ильича Ульянова-Ленина, сопровождая это некоторыми личными воспоминаниями из этого периода. Каждый раз я при этом испытываю чувство значительного волнения, вполне понятного и объяснимого...

Начну с описания его болезни. Я лично познакомился с Владимиром Ильичем в качестве врача в первых числах мая 1923 года и затем почти все время был у него, за исключением очень коротких промежутков. Вся болезнь его может быть разделена на три больших периода. Начало первого из них относится к марту 1922 года, второго — к декабрю 22-го года и третьего — к марту 23-го года. Это деление болезни на три периода показывает, что она не текла, непрерывно нарастая, а шла скачками, давая промежутки, во время которых больной оправлялся, чувствовал себя относительно хорошо, а потом она обострялась, процесс развивался дальше, болезнь двигалась вперед. Болезнь, которая была у Владимира Ильича, обыкновенно не начинается внезапно, и нужно допустить, что перед началом заболевания, которое относится к марту 1922 года, был некоторый подготовительный период времени, когда она еще не принимала таких размеров, которые бы привлекали внимание окружающих и к которым сам больной отнесся бы с известной серьезностью. Поэтому точно установить, с какого именно момента Владимир Ильич заболел, трудно, но что болезнь началась раньше марта 1922 года — на это есть некоторые доказательства. По крайней мере люди, близко к нему стоявшие, говорили, что временами Владимир Ильич жаловался на небольшое недомогание, а иногда были и более серьезные признаки, заставлявшие задумываться. Владимир Ильич был страстным охотником, и вот один из тех, кто ездил с ним на охоту, рассказывал, что он иногда на охоте присаживался на пень, начинал растирать правую ногу, и на вопрос, что с ним, говорил: «Нога устала, отсидел».

Владимир Ильич был человеком исключительной воли, который ставил свои идейные задачи выше всего и шел к ним неуклонно, жертвуя личными интересами и своим здоровьем, так что вполне понятно, что если он что-нибудь и замечал, то не обращал на это должного внимания и даже скрывал кое-что от окружающих. Но с марта 1922 года начались такие явления, которые привлекли внимание окружающих... Выразились они в том, что у него появились частые припадки, заключавшиеся в кратковременной потере сознания с онемением правой стороны тела. Это были мимолетные явления: онемеет правая рука, затем движение восстановится. Во время таких припадков начала расстраиваться речь, то есть после припадка наблюдалось, что в течение нескольких минут он не мог свободно выражать свои мысли. Эти припадки повторялись часто, до двух раз в неделю, но не были слишком продолжительными — от 20 минут до двух часов, но не свыше двух часов. Иногда припадки захватывали его на ходу, и были случаи, что он падал, а затем припадок проходил, через некоторое время восстанавливалась речь, и он продолжал свою деятельность. В этом периоде болезни и были приглашены русские и заграничные профессора, под наблюдением которых Владимир Ильич находился в течение дальнейшего времени. В начале болезни, еще до марта, его иногда навещали отдельные врачи, но признаков тяжелого органического поражения мозга в то время не было обнаружено, и болезненные явления объясняли сильным переутомлением, так как Владимир Ильич, признавая для всех шести- и восьмичасовой рабочий день, для себя не признавал срока работы и иногда работал сутки почти напролет. Тогда ему был предписан отдых и выезд из Москвы в деревенскую обстановку. Он переехал в усадьбу Горки (по имени деревни, которая там находится, по Каширскому тракту, в 35 верстах от Москвы), там очень хороший, удобный дом, в котором он поселился, отдыхал и лечился. Лечение пошло настолько успешно, что к августу месяцу Владимир Ильич был здоров настолько, что уже желал приступить к работе. Припадки прекратились, прошли также тяжелые головные боли, но тем не менее ему не было разрешено приступить к занятиям, и только в октябре ему позволили снова вернуться к работе, но с большими ограничениями, в смысле времени. В это время здоровье его было настолько удовлетворительным, что он, не придерживаясь строго предписаний врачей, выступал с большими речами. Насколько он тогда владел речью, видно из того, что в большом заседании Коминтерна он произнес речь на немецком языке, которая продолжалась 1 час 20 минут. Так продолжалось до декабря месяца, после чего наступает новое ухудшение в состоянии его здоровья. Оно выразилось в развитии паралича правой стороны тела. Речь тогда не пострадала, парализованы были правая рука и нога. Через некоторое время паралич уступил лечению, движения улучшились, но полного восстановления движений уже не получилось. Правые рука и нога были в полупарализованном состоянии. Понемногу оправившись, он даже начал работать, но домашним образом, то есть писал статьи,— не сам писал, правая рука у него была в параличе,— но диктуя их стенографистке и секретарше. К февралю месяцу 1923 года относятся его последние политические статьи.

С марта месяца наступает третий период заболевания, который выражается в тяжелом параличе правых конечностей и в резком поражении речи. Владимир Ильич должен был слечь в постель: в его распоряжении находилось всего несколько слов, которыми он пользовался; и не имея возможности выражать свои желания, он должен был прибегать к помощи этих нескольких слов и жестов; речи окружающих он

также не мог полностью усваивать. Первый раз я увидел Владимира Ильича в мае 1923 года совместно с другими профессорами. Положение его тогда было настолько тяжело, что возникал вопрос о том, как долго может протянуться болезнь. Нельзя было утверждать, что его состояние улучшится и что он снова оправится. Но крепкая натура больного, заботливый уход и лечебные мероприятия все-таки сделали свое дело. Владимир Ильич начал оправляться настолько, что около 20-х чисел мая оказалось возможным из кремлевской квартиры опять перевезти его в Горки, где рассчитывали на действие хорошего воздуха, покоя и лечения. Он был перевезен со всеми мерами предосторожности в автомобиле, шины которого, для устранения тряски, были насыпаны песком. Перевозка производилась медленно и произошла вполне благополучно. В Горках началось постепенное оправление, и к концу мая он чувствовал себя уже настолько хорошо, что начал интересоваться восстановлением речи.

Вы понимаете, какое несчастье для такого человека, каким был Владимир Ильич, лишиться способности выражать свои мысли. В таких случаях прибегают к особым упражнениям речи, которые ведутся специалистами этого дела. Тогда же был приглашен из Ленинграда врач, специалист по части речевых упражнений, которого Владимир Ильич встретил радостно и очень заинтересовался этими упражнениями. Они велись регулярно почти в течение месяца и имели успех. К этому времени Владимир Ильич прекрасно мог понимать речь окружающих и даже мог сам повторять слова. Но около 22 июня начинается новое и последнее обострение болезни, которое продолжалось около месяца. У него было в то время состояние возбуждения, были иногда галлюцинации, он страдал бессонницей, лишился аппетита, ему трудно было спокойно лежать в постели, болела голова, и он только тогда несколько успокаивался, когда его в кресле возили по комнате. Это тяжелое состояние продолжалось около месяца.

Во второй половине июля обострение затихло, здоровье снова начало улучшаться, и уже скоро Владимир Ильич мог выезжать в парк около дома, в котором он жил; восстановился сон, улучшился аппетит, он пополнел, чувствовал себя бодрым, появилось хорошее настроение, и, конечно, первое, чем он заинтересовался, — это снова речевые упражнения.

Уход за ним был безукоризненный. Все хозяйственные заботы лежали на его сестре, Марии Ильиничне Ульяновой, а весь уход, так сказать, духовный приняла на себя Надежда Константиновна Крупская, его жена. Эти две женщины жертвовали для него всеми личными интересами и окружали его всевозможными удобствами. Только вот какая разница получилась в смысле речевых упражнений: до этого обострения речевые упражнения производил врач, а здесь Владимир Ильич выразил жестами определенное желание, чтобы речевые упражнения вела Надежда Константиновна. Он, видимо, не хотел, чтобы этот его речевой недостаток видели другие, это было ему неприятно. Надежда Константиновна — опытный педагог, но для этих занятий нужно иметь специальные знания. Поэтому мы каждый вечер собирались и давали ей определенную инструкцию, и таким образом под нашим руководством она проводила эти занятия, протекавшие весьма успешно.

В отношении речи — понимание речи окружающих восстановилось вполне и настолько хорошо, что он заинтересовался содержанием газет; ему прочитывались газеты, передовицы, телеграммы и другие сведения, его интересовавшие; затем, будучи сам газетным работником, он разбирался в содержании газеты; раскрывая газету, он знал, где передовица, где телеграммы, и сразу указывал пальцем, чем он интересуется. Иногда в газетах бывали волнующие статьи, содержание которых Надежда Константиновна избегала ему передавать. Заинтересовавшись каким-нибудь местом, он требовал повторения, а кое-что мог прочитывать сам. Понимание цифр у него сохранилось, и в связи с этим и по рисунку газеты он прекрасно отличал старые газеты от новых. Что же касается произвольной речи, то она была задета сильнее всего; он был в состоянии пользоваться только несколькими словами, но повторять слова он мог, почему в эту сторону и были направлены упражнения, чтобы посредством многократного повторения слов восстановить самостоятельную речь. Сначала дело шло туго. Владимир Ильич мог повторять только односложные слова, а затем стали удаваться двухсложные и даже многосложные; сначала записывали слова, которые он мог повторить, но потом перестали, потому что цифра записанных слов превысила полторы тысячи, и стало ясно, что если он может сказать полторы тысячи слов, то он сможет повторить две, три тысячи и больше.

Начала постепенно восстанавливаться также и способность чтения, которая была утрачена вместе с речью в период обострения болезни в марте 1923 года.

Он мог уже различать буквы и прочитывать некоторые слова; ему показывали для этого рисунки, и при взгляде на них он мог называть изображенные на них предметы и даже произносил фразы. Обыкновенно показывали рисунок с подписью, а затем без подписи, и он называл изображенный на рисунке предмет; он находил также самостоятельно соответствующие изображенному предмету словесные обозначения среди других написанных слов. Были начаты упражнения в письме левой рукой, что, особенно в данном случае, является значительной трудностью, но Владимиру Ильичу удалось осилить это препятствие, и он мог недурно писать левой рукой — писал буквы и слова и уже хорошо копировал слова.

У вас возникает теперь вопрос, что это за болезнь, которая дает возможность, парализуя правую сторону, понимать то, что говорят, лишает возможности читать, лишает возможности говорить самостоятельно, в то же время сохраняя возможность повторять произносимые слова.

В нашем головном мозге, как вы знаете, для речи точно так же, как и для движений наших членов, существуют определенные участки, центры, области, в частности, речевые центры находятся в левом полушарии головного мозга, причем, как вам известно, каждое полушарие головного мозга заведует функциями противоположной половины тела.

Развитие паралича конечностей шло у Владимира Ильича соответственно областям расположения двигательных центров в коре головного мозга; на поражение коры указывало и нарушение речи.

Значит, мы должны заключить, что у Владимира Ильича имелось поражение двигательной области левого полушария головного мозга, причем поражение обширное, так как центры ноги и руки занимают две верхние трети передней центральной извилины; но этим дело не ограничивается, так как было еще поражение речи. Когда мы говорим, мы производим известные движения языком, щеками, нёбом и т. д. Эти речевые движения зависят от работы заднего отдела третьей лобной извилины: если он цел, вы можете говорить вслух, если этот участок разрушен, человек не может произносить слов. Вначале Владимир Ильич не мог произносить слов, потом научился. Очевидно, участок этот был несколько затронут, но до известной степени восстановился; следовательно, мы должны к пораженной области присоединить часть и этого участка. Дальше, от целости височной области зависит понимание речи; если височная область будет разрушена, то вы будете слышать звуки, но не будете их понимать, то есть узнавать, оценивать их значение. Владимир Ильич не вполне понимал речь вначале, значит, частичное поражение височной области было, но, в общем, она была в удовлетворительном состоянии. Владимир Ильич мог повторять слова, то есть когда ему их произносили, то он их понимал и передавал на двигательные центры, ведающие речевыми движениями. Но в то же время он не мог самостоятельно говорить. Что это обозначает? Центр цел, но что-то неладное происходит: мыслит человек, думает, когда он что-нибудь хочет, он делает рукой жест, если его мысль угадали, он доволен, мысли его текут, а произнести слов не может. Значит, от той области, где возникают словесные впечатления и сохраняется память слов, проводники (идущие в виде пучков, которые можно сравнить с электрическими проводами) к другим речевым центрам прерваны, и вот получается, что из центра восприятия слов к двигательному речевому аппарату есть сообщение, а с областью запаса слов, которые держатся в памяти, сообщение прервано. Дальше: человек не может прочесть. Для чтения тоже существуют особые центры, поражение которых лишает человека возможности понимать читаемое. Он видит глазами, но прочесть не может. В этом центре, непосредственно прилегающем к заднему отделу первой височной извилины, тоже было поражение. Также определялось поражение на внутренней стороне левого полушария, следовательно, поражение левого полушария было весьма обширным, а, кроме того, были определенные указания, которые говорили о том, что в правом полушарии тоже должны быть небольшие гнезда поражения.

Болезнь постепенно отходила. Но около половины октября появились некоторые угрожающие симптомы, которые заставляли сильно задумываться. В то время Владимир Ильич настолько хорошо себя чувствовал, что иногда подолгу проводил время на воздухе: пользуясь хорошей погодой, он выезжал в автомобиле кататься в лес; брали с собой кресло, и в нем возили больного по лужайкам; он дышал воздухом, отдыхал и возвращался домой. С половины октября начались легкие припадки в виде кратковременной потери сознания, которая продолжалась 15—20 секунд. Сначала они были редкими, раз в три-четыре недели, потом участились, причем был один припадок, который сопровождался судорогами. Это являлось указанием на то, что в коре мозга временно возникало состояние раздражения, которое бывает при этой болезни.

20 января Владимир Ильич испытывал общее недомогание, у него был плохой аппетит, вялое настроение, не было охоты заниматься; он был уложен в постель, была предписана легкая диета. Он показывал на свои глаза, очевидно, испытывая неприятное ощущение в глазах. Тогда из Москвы был приглашен глазной врач профессор Авербах, который исследовал его глаза. Исследование глаз имеет очень важное значение при болезнях мозга. Глаз тесно связан с мозгом, и застойные явления или недостаток крови в мозгу тотчас же выражаются изменением наполнения кровью глазного дна. Профессора Авербаха больной встретил очень приветливо и был доволен тем, что, когда исследовалось его зрение при помощи стенных таблиц, он мог самостоятельно называть вслух буквы, что доставляло ему большое удовольствие. Профессор Авербах самым тщательным образом исследовал состояние глазного дна и ничего болезненного там не обнаружил.

На следующий день это состояние вялости продолжалось, больной оставался в постели около четырех часов, мы с профессором Ферстером (немецкий профессор из Бреславля, который был приглашен еще в марте 1922 года) пошли к Владимиру Ильичу посмотреть, в каком он состоянии. Мы навещали его утром, днем и вечером, по мере надобности. Выяснилось, что у больного появился аппетит, он захотел поесть; разрешено было дать ему бульон. В шесть часов недомогание усилилось, утратилось сознание, и появились судорожные движения в руках и ногах, особенно в правой стороне. Правые конечности были напряжены до того, что нельзя было согнуть ногу в колене, судороги были также и в левой стороне тела. Этот припадок сопровождался резким учащением дыхания и сердечной деятельности. Число дыханий поднялось до 36, а число сердечных сокращений достигло 120—130 в минуту, и появился один очень угрожающий симптом, который заключается в нарушении правильности дыхательного ритма (тип чейн-стокса), это мозговой тип дыхания, очень опасный, почти всегда указывающий на приближение рокового конца. Конечно, морфий, камфора и все, что могло понадобиться, было приготовлено. Через некоторое время дыхание выровнялось, число дыханий понизилось до 26, а пульс до 90 и был хорошего наполнения. В это время мы измерили температуру — термометр показал 42,3° — непрерывное судорожное состояние привело к такому резкому повышению температуры; ртуть поднялась настолько, что дальше в термометре не было места.

Судорожное состояние начало ослабевать, и мы уже начали питать некоторую надежду, что припадок закончится благополучно, но ровно в 6 час. 50 мин. вдруг наступил резкий прилив крови к лицу, лицо покраснело до багрового цвета, затем последовал глубокий вздох и моментальная смерть. Было применено искусственное дыхание, которое продолжалось 25 минут, но оно ни к каким положительным результатам не привело. Смерть наступила от паралича дыхания и сердца, центры которых находятся в продолговатом мозгу.

На следующий день было произведено бальзамирование тела Владимира Ильича. Бальзамирование производится введением в кровеносную систему, через аорту, дезинфицирующей жидкости, которая состоит из спирта, формалина и некоторых примесей.

Произведенное вслед за бальзамированием вскрытие обнаружило распространенное заболевание сосудов тела, именно артерий. Оно заключалось в развитии атеросклероза.

С возрастом развивается процесс отложения извести в стенках сосудов, которые утрачивают от этого свою эластичность. Но в пожилом возрасте это бывает в легкой степени, сильный склероз развивается уже в старческие годы, а Владимиру Ильичу было всего 53 года, следовательно, этот склероз был у него преждевременным, болезненным, и резче всего он оказался выраженным в сосудах головного мозга. Склероз сосудов выражается не только в том, что стенки плотнеют, он также уменьшает просвет сосудов, и, следовательно, кровь в меньшем количестве притекает к участкам тела. От отложения извести появляются шероховатости на внутренней гладкой поверхности сосудов, а раз там появляются шероховатости, происходит свертывание крови, образуются свертки, и просвет сосуда суживается. Явления склероза сосудов были особенно резко выражены в мозгу. Одним из самых важных сосудов, питающих мозговые полушария, является артерия Сильвиевой ямки, и вот представьте себе, что закупоривается просвет артерии на уровне ее общего ствола, тогда все, что питается этой артерией, страдает, начинается явление размягчения мозга; но склероз может захватывать отдельные веточки, тогда будут выпадать из работы отдельные участки мозга. У Владимира Ильича мы должны представить обширную закупорку ветвей, питающих участки, которые были у него поражены. Вскрытие показало, что в этой области была большая киста, то есть пузырь, наполненный жидкостью...

Выяснилось, что питание правого полушария тоже было недостаточным. Общий ствол левой сонной артерии был до того закупорен, что можно было в просвет его пропустить только щетину. Через такой суженный просвет сосуда шла кровь для этого полушария. Артерия основания мозга, которая дает ветви для питания продолговатого мозга, оказалась тоже закупоренной настолько, что оставался просвет лишь с толщину булавки. Когда у Владимира Ильича развился тяжелый припадок, продолжавшийся 50 минут, сопровождавшийся сильным приливом крови к голове, то наступил момент, когда кровь не могла продвинуться дальше, питание продолговатого мозга прекратилось, и работа его выпала. Это и был момент паралича дыхания и сердца, вызвавшего смерть.

Естественно возникает вопрос: почему у человека 53 лет, человека очень умеренной жизни, который не пил и не курил, развивается такой болезненный процесс? Ответ на этот вопрос мы находим в наследственности Владимира Ильича. Его отец умер как раз 53 лет и тоже от склероза мозговых сосудов. Мать умерла значительно позже, под 70 лет, но умерла тоже от склероза, однако в этом возрасте склероз неудивителен. Наследственное предрасположение отразилось на сыне, у которого развился преждевременный склероз. В связи с этой предрасполагающей причиной целый ряд моментов, которые были в жизни покойного, обострили его болезненное расположение и способствовали развитию склероза; сюда относится усиленная и напряженная мозговая деятельность. А если вы вспомните различного рода потрясения и жизнь Владимира Ильича в сибирской ссылке, тяжелую революцию, во главе которой он стоял и которую вынес на своих плечах, то вы легко представите себе, сколько потрясающих моментов было у этого человека; сколько было чрезмерной, напряженной работы, которая способствовала усилению наследственного склероза.

Мозг и сердце Владимира Ильича были переданы в музей имени Ленина на Дмитровке в Москве. Если будете в Москве, то я советую посетить этот музей. Там собрано все, касающееся Владимира Ильича, начиная с рождения и кончая смертью. Там имеются его детские портреты, рукописи, палатка, котелок — вещи, которые были в его распоряжении, когда он скрывался от властей в Финляндии, одним словом, все, что можно было собрать. Туда поступил и его мозг. Вес мозга оказался 1340 граммов, но это вес не полный, так как часть мозга была уничтожена болезнью, он ниже нормы. Средний вес человеческого мозга 1300—1400 граммов. Если себе представить здоровый мозг Владимира Ильича, то, принимая во внимание его сложение, в нем было, вероятно, около 1400 граммов, т. е. несколько выше среднего. Здоровые отделы мозга были развиты очень хорошо, что указывает на мощный мозг. И вообще при той степени поражения, которая была, нужно удивляться, как его мозг работал в этом состоянии, и надо полагать, что другой больной на его месте уже давно был бы не таким, каким был Владимир Ильич во время своей тяжелой болезни.

Теперь я поделюсь с вами некоторыми впечатлениями от этого замечательного человека. Вы все много слышали о нем, читали и представляете себе, какая это выдающаяся личность; с политической стороны, как уже было сказано, я его характеризовать не буду, а коснусь некоторых черт, с которыми мне пришлось познакомиться во время его болезни. Надо сказать, что история болезни Владимира Ильича велась чрезвычайно тщательно. Она составила обширный том в 400 страниц. Там прослежено все заболевание не только по неделям, но по дням и даже по часам, до мелких подробностей включительно. Насколько это был исключительно крупный политический и общественный деятель в жизни, настолько же он оказался необычайно терпеливым, необычайно крупным духовно человеком и в болезни, здраво и трезво смотревшим на свое болезненное состояние. Уже в начале болезни, когда тяжесть заболевания, может быть, еще не вполне отчетливо сознавалась некоторыми, он смотрел на свое будущее скептически; по крайней мере на утешения, которые ему подавали врачи, говоря, что все пройдет, вы поправитесь, он безнадежно махал рукой и говорил: «Нет, я чувствую, что это очень серьезно и вряд ли поправимо». И убедился в этом, по-видимому, прочно, когда парализовалась рука. Он был очень внимателен к каждому, кто приходил к нему с помощью, и всегда до мелочей заботился о тех лицах, которым приходилось с ним соприкасаться. На свое болезненное состояние он продолжал смотреть скептически и в дальнейшем. Например, в то время, когда летом в Горках наступило улучшение, когда он начал ходить по лестнице, я говорил ему: «Владимир Ильич, посмотрите, ваше здоровье улучшается, вы ходите, гуляете, ездите кататься». Видимо, это было ему приятно, нельзя было оспаривать фактов; он улыбался в ответ и махал рукой, как бы говоря: «Непрочно это» — так как было уже два периода обострения болезни.

В смысле лечебных мероприятий, относясь внимательно к тому, что предписывали врачи, он больше ценил видимые, реальные меры. Он очень охотно подвергался массажу, очень охотно принимал ручные и общие ванны. Дело в том, что у него была контрактура парализованной руки (сгибательное положение), а теплые ванны ослабляли эту контрактуру и болезненность. Но разные внутренние средства он принимал менее охотно, не рассчитывая на то, что они принесут пользу.

Он и в болезни был радушным хозяином, приветливо встречающим навещавших его лиц. Правда, частые посещения Владимира Ильича избегались, потому что излишние волнения, тревога и беспокойство могли принести вред его здоровью. Но когда такие посещения бывали, он оживлялся, принимал участие в беседе, знаками указывая, что его интересует, и очень заботливо относился к тем, кто приходил. Если кто-нибудь приезжал из Москвы, он показывал знаками, чтобы гостя накормили, напоили чаем и т. д. Я, например, помню один случай, который развеселил окружающих: несколько санитаров дежурили около него с начала болезни и до конца; это были студенты-медики Московского университета, и среди них один молодой врач. Однажды он приезжает из Москвы; это было днем. Обыкновенно между четырьмя и пятью часами пили чай. Владимир Ильич сидит в столовой вместе с Надеждой Константиновной. Я часто заходил к ним в эти часы... И вот приезжает молодой санитар. На столе чай, самовар и больше ничего. Владимир Ильич начинает обнаруживать беспокойство, что-то показывает, его не понимают. Санитар подходит и спрашивает: «Может быть, вас подвезти в кресле?» Владимир Ильич кивает утвердительно. Садится в кресло, санитар его везет. Владимир Ильич знаками показывает, куда его везти; проезжает коридор, приемную комнату и подъезжает к буфету; показывает на его содержимое, заставляет вынуть все и принести на стол. Владимир Ильич становится веселым, оживленным, поддразнивает Надежду Константиновну за ее недогадливость и угощает всех присутствующих.

Чрезвычайно упорно, до мелочей аккуратно он занимался речевыми и письменными упражнениями.

К Надежде Константиновне Владимир Ильич относился удивительно любовно и внимательно до последних дней. Она жертвовала для него всем. День проводился таким образом: утром после прогулки они занимались, около часу был обед, затем час на отдых. В это время Надежда Константиновна подготовляла материал для занятий с Владимиром Ильичем — от двух до трех часов. По ночам она спала тоже очень мало и подготовляла материал для следующего дня.

Владимир Ильич твердо знал, что Надежда Константиновна после обеда должна отдыхать в своей комнате; она же шутя говорила: «Это время, так называемое, я сплю». Как-то приходим мы к Владимиру Ильичу, желая устроить ему ручную ванну. Владимир Ильич указывает осторожно на соседнюю дверь — Надежда Константиновна спит, шуметь нельзя... Приносят воду, наливают в сосуд, приходится двигаться по комнате, и все время Владимир Ильич следит, чтобы не было шума, все время улыбается и грозит пальцем, и когда все это было проделано без шума, он был доволен и благодарил нас. Помню, как-то утром, в сырой день он сидит на террасе. Входит Надежда Константиновна. Он смотрит, есть ли на ней галоши, и когда видит, что нет, то сейчас же отсылает ее обратно.

В своем жизненном обиходе он был очень прост. По своему расположению его квартира в Кремле была неважная, было мало света и воздуха... В Горках дом был великолепный, и здесь, пока он был тяжело болен и не мог распоряжаться собой, он лежал в большой комнате; но когда он оправился, то выбрал небольшую комнату в два окна и там жил до самой смерти. Он был необычайно скромен в своих потребностях, начиная от костюма и кончая едой. Каждое лишнее блюдо, которое ему приготовляли, иногда ввиду диетических соображений, он встречал отрицательно и никаких индивидуальных забот о себе не любил. И диета, которую ему назначали, вызывала в нем отрицательное отношение, исключением быть в этом отношении он не любил, признавая порядок, заведенный для всех.

Два роскошных, комфортабельных кресла, привезенные для него из Англии друзьями, стояли без употребления, и Владимир Ильич был, видимо, очень доволен, когда одно из этих кресел облюбовал себе большой белый кот. Температура в его комнате поддерживалась в 12°Р — более высокой температуры Владимир Ильич не любил.

Несколько слов об отношении к окружающим, к населению, крестьянам. Когда Владимир Ильич выезжал на прогулку, он очень приветливо раскланивался со всеми, и нельзя не отметить, что население относилось к нему необыкновенно тепло и приветливо. Например, я не забуду такого случая: в Горках производились большие мелиоративные работы, улучшалась малярийная местность, прорывали дренажные канавы, и работало много землекопов из Калужской губернии. Как-то вечером Владимир Ильич поехал кататься с Марией Ильиничной в автомобиле на Каширский тракт. Я пошел пройтись. Спускаюсь с горы и вижу: навстречу едет автомобиль — Владимир Ильич возвращается обратно. В это время пересекают дорогу два крестьянина: один пожилой, другой молодой. Когда автомобиль поравнялся со мной, я раскланялся с сидевшими в нем, а автомобиль замедлил ход, потому что был как раз подъем в гору. В это время вижу, крестьяне остановились, молодой впился глазами во внутренность автомобиля, стоит и смотрит. Только что автомобиль прошел, он обращается ко мне, в голосе надежда и страх разочарования: «Скажите, это Ильич?» Я говорю: «Да, Ильич». Он просиял: «Ну, слава богу. В Москве бывал, видел разных, а никогда его не привелось видеть; счастлив теперь, что увидел его». И действительно, была искренняя радость в лице этого человека и неподдельный страх, когда он боялся, что я отвечу: «нет». Он бы думал, что он увидел Ильича, и вдруг бы его догадка оказалась неверной...

Простота его жизни была чрезвычайной, а отношение к окружающим в высшей степени любовное. Если человек живет в описанном болезненном состоянии, то вы можете себе представить, как это мучительно. Часто появлялась мысль о том, как развлечь больного. Ведь если его оставить со своими мыслями, то они направятся на волнующие вопросы — на политику, на мысли о болезни. Он героически переносил свою болезнь, настроение бывало хорошим, но временами он задумывался. Подойдете и видите, что он не с вами, где-то витает, не обращая внимания на окружающих; в эти моменты иногда вдруг на глазах Владимира Ильича появлялись слезы. Человеку было не легко... Старались придумывать что-нибудь, привезли небольшой кинематограф из Москвы, показывали разные фильмы, но его, конечно, интересовали только фильмы, касающиеся фабричного быта, организации фабричной жизни и крестьянской. Но если показывали фильмы веселого содержания, он не смотрел на них.

На Рождество была устроена елка для местных детей. Их собралось порядочно, дети играли, бегали, шумели. Владимир Ильич принимал очень живое участие в этом, сидя тут же. Возник вопрос: не утомился ли он, не мешают ли ему шум и беготня детей? Но он показал, чтобы оставили детей в покое. Опять здесь видна забота о других и меньше всего о себе. До каких мелочей доходила у него заботливость о людях и внимание к ним, видно из следующего примера. Приехал к нему один старый товарищ. Владимир Ильич был очень доволен, очень оживленно беседовал с ним; потом выяснилось, что тот захватил с собой маленькую дочку. Тогда Владимир Ильич выискивает маленькие кукольные туфельки,— надо сказать, что ему присылали различные кустарные изделия,— и вот он вспомнил о них, отыскал и передал для маленькой девочки.

Когда пришел трагический конец Владимира Ильича, то весть об этом тотчас же разнеслась, и дом, в котором жил Ленин, наполнился людьми. Круглые сутки ходило окрестное население поклониться телу покойного. Когда тело перевозили из Горок в Москву, то вся дорога до станции (версты две с половиной) была одной сплошной процессией. Я уже не говорю о Москве, вы все читали об этом. Когда тело Владимира Ильича уже увезли из Горок,— началось длительное паломничество из окрестностей: люди шли посмотреть дом, в котором он жил, комнату, в которой он умер. То, что происходило в Москве, вы знаете. Я только укажу на одно: в Колонном зале, где было выставлено тело, сплошной вереницей шли люди круглые сутки, а дефилирующая делегация мимо гроба, который был выставлен на Красной площади, проходила по-видимому, больше суток.

Несколько времени тому назад, будучи в Москве, я посетил Мавзолей Ленина,— покойный лежит и выглядит так, как если бы он умер накануне...

Вот как окончилась жизнь этого замечательного человека. Его болезнь — это была величайшая трагедия, очень тяжелая трагедия. Это был человек необыкновенного ума, ума аналитического, который мог разбираться не только в окружающих, но и в самом себе. Я сказал, как он относился к своей болезни: он понимал ее тяжесть. И вы представляете себе положение такого человека, который всего достигал своей упорной деятельностью, своим словом, которое все ценили на вес золота — его партийные товарищи, члены правительства, для которых слово Ленина было законом,— и вдруг этот человек лишился способности говорить. И ведь это продолжалось не неделю, не две, а много месяцев — с марта 1922 г., в течение 11 месяцев продолжалось такое состояние,— глубокая трагедия, которую он переносил с поразительным спокойствием, с поразительным терпением.

Это был человек исключительного внутреннего достоинства и человек титанического ума.

ДУБНА, ОБНИНСК, ПУЩИНО, АКАДЕМГОРОДКИ ПОД НОВОСИБИРСКОМ, КРАСНОЯРСКОМ, ИРКУТСКОМ, ВЛАДИВОСТОКОМ... ГОРОДКИ, ЖИТЕЛИ КОТОРЫХ — ИССЛЕДОВАТЕЛИ, А ПРОДУКЦИЯ «ПРЕДПРИЯТИЙ» — НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ.
ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД ГОРОДКИ ЭТИ БЫЛИ ОВЕЯНЫ СЛАВОЙ, ЖУРНАЛИСТЫ ПИСАЛИ О НИХ ВОСТОРЖЕННЫЕ СТАТЬИ, ДИПЛОМНИКИ МЕЧТАЛИ ТУДА РАСПРЕДЕЛИТЬСЯ, МАСТИТЫЕ УЧЕНЫЕ ПОЧИТАЛИ ЗА ЧЕСТЬ ПОРАБОТАТЬ В НИХ...
ГДЕ ВСЕ ЭТО СЕГОДНЯ? ПОЧЕМУ В ЛАБОРАТОРИЯХ НЕТ БЫЛЫХ НАУЧНЫХ ВЗЛЕТОВ, ОТКРЫТИЙ? ПОЧЕМУ НЕКОГДА ДРУЖНЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ УЧЕНЫХ РАЗЪЕДАЮТ МЕЛКИЕ ДРЯЗГИ? И ВООБЩЕ НУЖНЫ ЛИ ТАКИЕ ГОРОДКИ, ВЫСТРОЕННЫЕ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ, НА СОЗДАНИЕ КОТОРЫХ ЗАТРАЧЕНЫ МИЛЛИАРДНЫЕ СРЕДСТВА? ОПРАВДЫВАЮТ ЛИ ОНИ СЕБЯ? РАЗГОВОР МЫ НАЧИНАЕМ С СУДЬБЫ ЛЕГЕНДАРНОГО ОБНИНСКА, ПЕРВОГО НА ПЛАНЕТЕ ГОРОДА «МИРНОГО АТОМА».

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

ПОЧЕМУ УГАСАЕТ НАУКА В ГОРОДЕ НАУКИ?

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

ИСТОЩЕНИЕ

Нонна ЧЕРНЫХ

НОСТАЛЬГИЯ ПО ДНЯМ УШЕДШИМ

Когда тридцать с лишним лет назад нас, обнинцев, спрашивали: откуда вы? — приходилось растолковывать, что такое Обнинск: вовсе он не за Уралом (это Никита Сергеевич Хрущёв по душевной простоте всех рассмешил, похвалив нас так: «Молодцы! Какой на Оби город вымахали!»). На самом деле Обнинск в 100 километрах от Москвы, называется по имени помещика Обнинского, человека прогрессивных взглядов и большой культуры, оставившего о себе добрую молву тем, что лучшие свои земли безвозмездно раздал крестьянам.

В наше время город знаменит первой в мире атомной электростанцией и спектром научных институтов, возникших вокруг нее.

Да, этому островку калужской земли суждено было стать родиной мирного атома — летом 1954 года заработала первая АЭС. А через год по этому поводу на Женевской конференции ученые мира аплодировали Игорю Васильевичу Курчатову. В Обнинск хлынул поток ученых, политических и общественных деятелей.

Вид поселка, которому дал жизнь секретный тогда атомный объект «В», донес до наших дней акварельный рисунок неизвестного автора: бараки, неказистые деревянные домики, случайные здания, приспособленные под лаборатории; в жидкой глине вязнут сапоги «научников» (было такое в обиходе слово), безнадежно буксуют машины. И три главенствующих цвета. Голубой цвет неба, зеленый цвет дальних лугов и белый — березовых рощ.

Добавим к картине кое-какие детали. Двери в домах не запирались. В комнатах стол, раскладушка да самодельные полки — сплошь книги. Жильцов застать дома очень трудно. Чуть ли не до утра горит свет в лабораториях.

Потом появились здесь новые жилые дома, оснащенные по последнему слову техники исследовательские институты. Но главное, чем знаменит был Обнинск,— учеными, имена которых знает мир. Научные открытия следовали одно за другим...

Что же сегодня?

За последние пять лет обнинские НИИ не дали ни одного открытия. Здесь не осталось ни одного академика. Историческим реликтом стали некогда прославленные обнинские научные школы. Как будто не было здесь ни академика Курчатова с его одержимостью в работе; ни Тимофеева-Ресовского с искрометным веером идей, гранинского Зубра; ни известного Блохинцева, прообраза героя книги Уилсона «Встреча на далеком меридиане»... Можно перечислять и дальше — Лейпунский, Карпов, Жорес Медведев, Зедгенидзе...

Я хорошо знаю свой город, давно живу в нем. И сегодня тщетно пытаюсь найти хотя бы отблески былого огня в лабораториях, на заседаниях ученых советов институтов. Пытаюсь вспомнить: «звезды» ли стирали ощущение серости, которую видишь сегодня, или ее просто не было? Пытаюсь понять, что меня угнетает более всего: пожалуй, самоудовлетворенность, на которую постоянно наталкиваешься в институтах.

Город науки — это не дома, не парки или проспекты, это лаборатории. Это люди, одухотворенные лица прохожих. А вот идешь по Обнинску и с горечью думаешь: где же они?

На Обнинске сегодня лежит отблеск печальной известности Чернобыля, хотя никто из ученых, работающих в 13 научно-исследовательских институтах города, к аварии не причастен ни с какого бока.

Мне думается, что судьба Обнинска типична для подобных городков физиков и биологов тем, что она может служить наглядной иллюстрацией положения науки в нашей стране. И если найдется оппонент, который скажет, что атомная энергетика сама на себе поставила крест, я возражу. Именно сегодня, когда для Обнинска в графе «имена» мы вынуждены поставить прочерк, когда мы вынуждены поставить прочерк и в графе «научные школы», когда уже не приходят поздравительные телеграммы с кратким адресом: «СССР Обнинск» — по случаю открытий, именно сегодня атомная наука остро нуждается в опережающем развитии. Наряду с поиском приемлемых альтернативных источников энергии задача номер один: сделать работу мирного атома надежной. А значит, нужны надежные реакторы (проблемой занимается обнинский институт), высококвалифицированные специалисты-эксплуатационники (их готовит обнинский вуз), необходимо знать возможные экологические, медико-биологические последствия (проблемы опять же решаются в Обнинске). Налицо явное противоречие: интерес должен быть — интереса нет.

Проследим истоки этого положения.

УДАР ПО НЕЗАВИСИМОСТИ

Тот, в конце 60-х годов, пленум Обнинского горкома партии был что гром среди ясного неба. Валерия Павлинчука, молодого талантливого сотрудника Физико-энергетического института, секретаря партбюро отдела, члена президиума Дома ученых, исключили из партии. Надо ли говорить, что исключение из партии ученого, работающего над «закрытой» темой,— выражение недоверия? К нему и его друзьям.

«За что?» — спрашивали друг у друга обнинцы, которые не были на пленуме. Но и те, что были и подняли руки (единогласно) за исключение физика из партии, сделали это не столько по убеждению, сколько из боязни. Сказано было, что Павлинчук занимается антисоветской деятельностью.

Спустя годы стало известно, а некоторым и тогда было ясно, что эта формулировка включала в себя не больше, не меньше, как мечту о том, чтобы общество встало на демократический путь развития. Еще говорили (правда\ шепотком), что его исключили из партии за связь с Сахаровым, за то, что он утверждал, что физика не может быть партийной. Так или иначе, но до сих пор в нашем городе никто не потрудился объяснить, что же случилось тогда.

Через полгода Павлинчук умер.

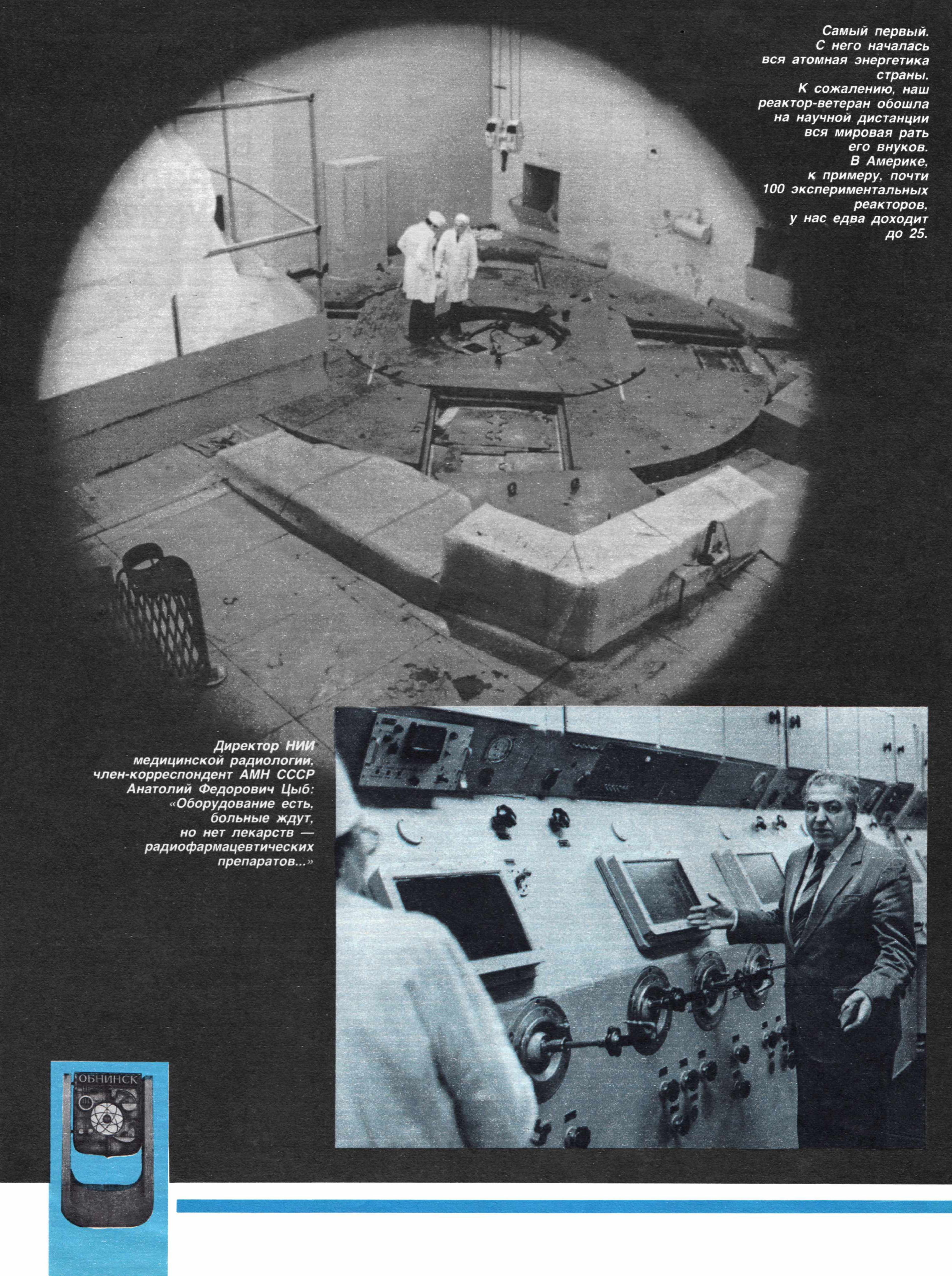
Смерть молодого ученого не остановила последующей погромной акции. Вскоре исключили из партии редактора городской газеты писателя Михаила Юрьевича Лохвицкого. Чем же он провинился? Оказывается, коммунист, тем более член горкома партии, не должен был идти на похороны Павлинчука. А он пошел. Исключили из партии пользовавшегося большой популярностью за смелость суждений, созвучных нынешним, экономиста Романа Левиту. Исключение из партии автоматически предусматривало и увольнение с работы. Послушные ученые стали нужнее, чем талантливые.

Процесс этот, начавшийся с конца 60-х годов, выбил из рядов обнинской науки много полезных людей. В их числе оказались известный мировой науке Тимофеев-Ресовский и его покровитель, директор Института медицинской радиологии Г. А. Зедгенидзе. (Ему просто предложили уйти с поста директора.) «И поделом,— слышала я.— Ведь Тимофеев-Ресовский хотел перетащить сюда из Рязани Солженицына. Зедгенидзе поддерживал это».

Для тогдашней обнинской молодежи Тимофеев-Ресовский был кумиром. Талантливые молодые физики и биологи просто роились вокруг него. В их числе и широко известный Жорес Медведев, который уже тогда написал книгу о «кровавой» генетике.

Как бороться с такими учеными? Жореса Медведева поместили в психиатрическую больницу. Но долго продержать не удалось — слишком велик был протест научной и творческой интеллигенции страны и мира.

Каким же другим способом от него освободиться? Обычным. Отправили в загранкомандировку и тут же лишили советского гражданства. Но здесь произошла маленькая оплошность. Выпустили телефонный справочник, и в нем Жорес Медведев значился по-прежнему проживающим в Обнинске. Уж перепо-

Самый первый. С него началась вся атомная энергетика страны. К сожалению, наш реактор-ветеран обошла на научной дистанции вся мировая рать его внуков. В Америке, к примеру, почти 100 экспериментальных реакторов, у нас едва доходит до 25.

Директор НИИ медицинской радиологии, член-корреспондент АМН СССР Анатолий Федорович Цыб: «Оборудование есть, больные ждут, но нет лекарств — радиофармацевтических препаратов...»

Городок наш ничего... Типичный соцгород

лоху-то было! Пришлось вкатить выговор представителю обллита.

Нет, я не собираюсь перечислять всех пострадавших. Но до сих пор хранит память тягостное впечатление от последней встречи с академиком Зедгенидзе. Я застала его в кабинете. Он стоял у окна. Не откликнулся на приветствие. Подхожу ближе, заглядываю в лицо. По его щекам катятся слезы:

— В это все (за окном — корпуса клинического сектора, за городом — экспериментальные лаборатории) я вложил душу. За что так со мной?..

Из Обнинска уходил последний академик. Каждый из опальных ученых уходил по-своему, но у каждого была репутация «неблагонадежного». Государству оказывались ни к чему строптивые, одаренные ученые, талантливые организаторы науки. Трудно управлять «научной общественностью», если она есть.

«Научной общественности» в городе науки не стало.

Но процесс давления власти на ученых не остановился. Наивно полагать, что 70-е годы стали оболочкой, сохранившей в неприкосновенности наследие шестидесятых. Обнинск делал крутой поворот. В какую сторону?

Гремели фанфары. Каждый год в течение десятилетия Обнинск становился победителем Всесоюзного или Всероссийского социалистического соревнования. С пышностью обставлялась процедура вручения знамен. На торжественные собрания съезжались представители ведомств и областных руководящих органов. У нашей «закрытой» науки стало традицией: если уж говорить, то только об успехах, промахи скрывать, а беду выдавать за победу.

Аплодисменты не умолкали. Они взрывали зал не только по случаю общегородских торжеств, но и по поводу локальных. То один, то другой институт получал или орден, или знамя за первенство в социалистическом соревновании по отрасли. Вал легкодостижимых «рапортабельных» результатов нарастал. В зачет шло все — участие в спорте, политучебе. Особо высоко ценилась шефская работа на селе.

А наука? Судите сами. Как-то пришла радостная весть: группа обнинских ученых признана авторами открытия. Помню, фотографию одного из них, Николая Семеновича Работнова, поместили на Доску почета Физико-энергетического института, где он работал. За недогляд (как же! Работнов хотя и через третьих лиц, но поддерживает связь с В. Турчиным, некогда обнинским физиком, которого, как и других, окрещенных отщепенцами, вытолкнули за границу — живет он в Америке) тогдашнему секретарю парткома ФЭИ, нынешнему секретарю горкома партии А. В. Камаеву объявили выговор.

Мало-помалу научная деятельность в НИИ заменялась ее имитацией. Истинные ученые оттеснялись на обочину с дороги, по которой двигали к трамплину комсомольских и партийных функционеров, отмеченных ревностным послушанием и научной бездарностью. Успех прыжка был предрешен и даже спланирован во времени и пространстве. Часто комсомольскому вожаку уже было известно то место, которое он вскоре займет в науке. Схема работала как безотказный механизм: после трех-, четырехлетнего общественного лидерства — зав. лабораторией, зав. отделом, зав. научным сектором.

Содержание же науки становилось под стать таким руководящим кадрам, под стать их желанию угадать начальственное мнение. Нужны доказательства? Пожалуйста. Весной 1986 года журналистские обязанности привели меня в лабораторию научно-исследовательского института, где готовилась справка для правительства о радиационной обстановке и возможном ее отдаленном воздействии. Несмотря на то, что молодые специалисты отказались подписать ее из-за явно заниженного результата, бумага все равно ушла «наверх».

Вот тогда-то я написала статью о положении научной молодежи в Обнинске. Первый секретарь горкома партии А. В. Камаев срочно вызвал меня «на ковер». Наш разговор стал перестрелкой вопросов.

— А что, действительно есть проблема? — спросил меня Альфред Васильевич.

— А что, нет? — ответила я вопросом на вопрос.

На этом разговор закончился, а через две недели А. В. Камаев выступал на партийной конференции в самом первом, Обнинском, и самом большом научно-исследовательском физико-энергетическом институте — атомном центре — и привел цифры, которые ошеломили даже меня, хотя я хорошо знала, как неуютно в городе нашей научной молодежи. Две трети докторов наук не имеют аспирантов, многие из них совсем не работают с соискателями. Ряд ученых не доводит аспирантов до защиты диссертаций, не окупая вложенных государством средств. Институты катастрофически стареют. Омоложение, по прогнозу, настолько мизерное, что для обновления коллектива потребуется... 125 лет.

ГДЕ ЖЕ ВЫХОД?

Нельзя сказать, что сегодня обнинское руководство не ищет выхода из создавшегося положения. Один из путей — хозрасчет.

Правда, раздаются голоса недоумения — разве можно превращать даже отраслевую науку в придаток производства, разве можно считать ее резко очерченным звеном в цепи «академический институт — прикладной — завод»; разве не должна наука иметь возможность опираться на фундаментальные исследования? Однако поначалу, по обычной инерции (дана же команда «сверху») новую ситуацию восприняли на «ура» и... просчитались.

Подчас хозрасчет у нас принимает самые уродливые формы: атомный центр по бедности готов заключить договор чуть ли не с молокозаводом на разработку технологической линии (хорошо, что сотрудники еще не взялись «штамповать» сахарные леденцы для общепита).

По прошествии времени все эти несуразицы отчетливо видны. Физические и духовные силы обнинской науки подорваны. Как же оживить их?

У Тимофеева-Ресовского есть теория о возвращении к жизни отравленных экосистем. Они могут восстанавливаться сами по себе. Условие одно — никаких посторонних воздействий. Мне думается, эта параллель уместна для Обнинска. Если его институты будут избавлены от идеологического давления, от постоянного вмешательства власти в дела науки, то ее организм только в себе самом найдет силы на восстановление.

Это и мой взгляд, который можно оценить в общем-то и как предвзятый. А что думают ученые?

Первый мой собеседник — один из самых первых сотрудников Физико-энергетического института, доктор технических наук, профессор Борис Григорьевич Дубовский, автор открытия, дважды лауреат Государственной премии.

Вспоминаю, как я однажды вместе с Борисом Григорьевичем была у Игоря Васильевича Курчатова в особняке на территории института. Не без содрогания узнала я тогда, что Дубовский значился в «теневых» списках Берии — были такие для ученых. На случай провала или неуспеха изысканий. Кстати, в случае успеха они тоже годились. Правда, с соблюдением принципа «абсолютной зеркальности» — те, кому уготован был расстрел, получали звание Героя Социалистического Труда; кому 15 лет лагерей — орден Ленина и т. д. Борис Григорьевич получил орден Ленина.

Курчатов вспоминал, как впервые увидел своего будущего ученика, только-только вышедшего из госпиталя после ранения на фронте, худого, на костылях. Дубовский настойчиво убеждал ученого, что он поправится, что все будет в порядке, только возьмите в новое дело... «Вот поправитесь и приходите»,— строго сказал тогда Курчатов. Он взял к себе Дубовского. И не ошибся.

Уровень техники тогда был просто чудовищным. Байка о том, как Дубовский проводил эксперимент, стоя в реакторном зале с топором у каната, чтобы обрубить поглощающие нейтроны стержни, ходит по институту и сегодня. А еще физики вспоминают далекий Новый год. Они сидели за праздничным столом и обсуждали статью в американской прессе о том, что русским не под силу атомная промышленность из-за отсутствия у них дозиметров. За новогодним столом сидел создатель первого у нас дозиметра. Это был все тот же Дубовский...

О сегодняшней атомной науке Борис Григорьевич говорит с болью, сбивчиво, словно торопится выложить весь набор бед сразу:

— Наука у нас находится сейчас в состоянии нравственного упадка. Где сорокалетние Курчатовы, Королевы, Туполевы? Возможно, они и есть, но им не дают пробиться. В высших эшелонах управления наукой укрепились админи-

страторы, умудренные опытом многолетнего послушания, прыгнувшие сюда с трамплина парткомов и прочих «комов», но не ученые. Полунаука (кстати, в «Бесах» Достоевского она охарактеризована как «самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны») торжествует. Отсюда и Чернобыль, и нитратные отравления, и проекты типа поворота северных рек.

Выход, конечно, есть. И тут не надо изобретать велосипеда или издавать запретительные указы. На Западе финансируются не абстрактные научные исследования, а зарекомендовавшие себя в научном плане ученые. Заметьте, не администраторы — директора и заместители,— а Ученые!

— А какое у вас отношение к хозрасчету в науке? Ведь если вся наука станет прикладной, вскоре нечего будет прикладывать?

— У меня отношение к хозрасчету двоякое. Одна сторона медали — получение необоснованно высоких окладов не за произведенную работу, а за ее тиражирование. Без рвачества, а значит, без утери качества такая деятельность немыслима. Совсем другое дело — расширение поля приложения научных идей, обеспечение этого материальным стимулом. Но все будет иметь какой-то результат лишь при одном условии: правая рука должна знать, что делает левая. Нельзя, например, свалив ответственность за чернобыльскую аварию на ошибки персонала и породив тем самым боязнь АЭС и желание закрывать атомные и тепловые станции вообще, одновременно говорить о возрождении экономики. Всюду нужна компетентность. А мы очень ловко научились маскировать ее отсутствие. Взять, например, так называемые «секретные» темы в науке. Кому это выгодно? Да прежде всего бездарностям: гриф «ДСП» — лучшая защита от критики. А если при этом еще и оградить ученых от межрегиональных контактов, как это сделано у нас, когда нет возможности хотя бы перенять чужой, уже наработанный в других институтах опыт, дело совсем плохо. Такова обнинская ситуация...

...Беседовала я и с доктором физико-математических наук Работновым, тем самым талантливым физиком-теоретиком, научное открытие которого — последнее на счету у Обнинска — вызвало не радость городского руководства, а гнев: фотографию Работнова велели снять с Доски почета института. Однако резкие выпады против ученого не отбросили его в ряды оппозиции, не восстановили они его и против институтской власти, которая тогда не сумела вывести физика из-под обстрела... В последние месяцы «оттепели» он находился в командировке в Копенгагене, в Институте имени Нильса Бора, и по возвращении (а тогда уже тучи начали сгущаться) имел неосторожность пренебречь «классовыми позициями» и с восторгом отозваться о Дании. Это ему долго припоминали. А еще припоминают до сих пор, что он поддерживает связь с другом молодости, физиком-теоретиком Турчиным, которого вынудили покинуть страну за то, что осмелился вместе с Сахаровым и Жоресом Медведевым написать письмо на имя Брежнева, Суслова и Косыгина в защиту прав человека в СССР.

— Обнинск — наша любовь, совершенно уникальный в стране город,— говорит мне Работнов.— И еще Обнинск — кузница кадров атомщиков всех уровней. Этот редчайший научный комплекс находится сейчас под прессом провинциализма. Причем он носит характер даже не международной оторванности, а внутрисоюзной...

Уехали поэтому отсюда одаренные ученые,— со вздохом продолжает Николай Семенович.— Вспомним шестидесятые годы, на арену стало выходить новое поколение ученых. Самые талантливые и высоконравственные вместе с лучшими учеными «старой гвардии» определяли научный и нравственный климат городков науки. В тот же Новосибирский академгородок поехали с наработанными идеями перспективные исследователи, которым было тесно в рамках стен своих институтов, им негде было развернуться. Новые города науки, где кипела не только научная, но и общественная жизнь, сразу стали притягательны для многих. Поверьте, свобода научного творчества, личная раскованность ученого значат для него больше, чем материальные блага! Но очень скоро многие поняли миражность своих надежд...

Мы говорим: почему наука на Западе может делаться в маленьких научных городках — Беркли, Оксфорде, Кембридже, а у нас нет? Но нельзя механически переносить «западные» идеи на нашу почву, потому что мы в состоянии скопировать лишь внешний абрис; ну, например, некую близость к природе, идиллический, почти семейный уклад жизни... А если копнуть глубже, наши стереотипы не поменялись. Мы пытаемся примирить их с новой обстановкой, а в результате она только разрушается. Провинциализм захлестывает, губит нас.

...Я слушала ученого и думала: отбросим обстоятельства нищеты, отсутствие приборов, плохое оснащение лабораторий, что тоже входит в понятие провинциализма науки. Допустим, а это бывает довольно часто, западные коллеги оплачивают все расходы, связанные с командировкой за рубеж в порядке взаимного обмена опытом. И тут миллион сложностей поджидает нас. Включаются органы, исследующие благонадежность ученого, местные партийные власти, аппарат бюрократии — не счесть, сколько уходит нервов, сил, времени на то, чтобы собрать все мыслимые и немыслимые справки и проследить, чтобы они вовремя прошли по инстанциям. Так что если говорить о провинциализме науки, то он вырастает и из этой ситуации.

Когда мы хотели сконцентрировать науку, собрать ученых вместе, думалось, что такой сгусток научных сил может образоваться лишь в маленьких городках академического типа. И стали их строить, имея только их идеальный образ в своем сознании. Построили. Населили учеными. Достигли цели? Да, но ненадолго. Система сделала такие городки островками в океане. И воспринявшие с таким энтузиазмом идею консолидации ученые оказались обманутыми. К тому же давление на науку сверху здесь становилось как бы двойным — общее, из центра, и местных партийных органов. Свобода творчества пропала...

— Но, может быть, выбраться Обнинску на свет божий, скомпенсировать политический гнет помогут здоровые, рыночные, экономические отношения? Ну, например, хозрасчет? — Этот вопрос я тоже задала Работнову.

— Что такое хозрасчет в фундаментальных исследованиях, представить не может никто, а уже его внедряют. Внедряют по форме, чтобы отчитаться, доложить. Брошены мы в водоворот хозрасчета с надеждой, что выплывем. Но столько на нас гирь и пут, столько рамок, столько всего того, что надо соблюдать, столько букв инструкций, которые повелевают, что, пока разберешься, пойдешь ко дну.

Я за экономический эффект науки, за восточный (японский) и за западный пример, где исследования ведут к коммерческому успеху. Но там он гарантирован за счет очень сильно отточенного во всех организационных деталях опыта в прикладной науке и промышленности, рыночного хозяйства. У нас-то даже в промышленности нет путёвого хозрасчета! А мы заставляем науку чуть ли не лидировать в экономической сфере.

Конечно, то, что наука учится считать деньги, что зашевелились бездельники, что чувствовать себя они начинают неуютно,— это хорошо. Плохо то, что у нас все в науке унифицировано. А надо, чтобы было дифференцировано!..

...Пожалуй, не согласиться с ученым трудно. Вот только где и как провести грань между сугубо прикладной наукой и наукой, нуждающейся в фундаментальном заделе? Как наладить тот самый дифференцированный подход, о котором говорит Работнов? Ведь прикладной метод тут может в одночасье выхолостить науку. Кстати, такого же мнения придерживается и мой следующий собеседник, А. А. Ярилин, уехавший в свое время из Обнинска. Сейчас он работает в Москве в Институте иммунологии:

— Нельзя, планируя научные исследования, руководствоваться целью получения прикладного результата, хотя именно такой подход господствует в нашей науке, в том числе и фундаментальной. Тогда наука мстит за себя, не давая ни теоретических, ни прикладных результатов. К этому имеет прямое отношение и вопрос о хозрасчете. Он способствует снятию сливок, то есть эксплуатации уже наметившихся путей, а не разработке новых прикладных направлений. Это, безусловно, тупиковый путь. А с моральной точки зрения — безнравственный,— считает Ярилин.

Александра Александровича я застала в лаборатории в день его приезда с Первой конференции иммунологов, где он выступал с пленарным докладом. Знаю его еще по Обнинску. Встречала часто у Зубра. Саша Ярилин тогда в порядке общественного поручения вел кружок по искусству. Члены кружка собирались дома у Зубра. Слушали Рахманинова, Стравинского, Шаляпина. И уже из-за одного этого были у «органов» на подозрении. Кружок разогнали. Но Ярилин так и остался до последнего дня с Тимофеевым-Ресовским, у которого прошел научную и человеческую школу. Ярилин — последняя и потому очень сильная его привязанность. И ученик платил учителю тем же. Платил и платит — сейчас он после выхода фильма «Встреча с Зубром» помогает завершить кинокартину «Охота на Зубра».

Тогда (еще никто не знал, что вот-вот начнутся первые политические процессы) для всех было неожиданностью, что, казалось бы, ни с того ни с сего взяли и ликвидировали отдел радиационной генетики. Хорошо, что Ресовского защитил своим авторитетом академик Олег Георгиевич Газенко: взял к себе в институт. Лабораторию же иммунологии, где работал Ярилин, не тронули; но она словно погрузилась в траур. Жизнь в ней потихоньку стала замирать. Заведующему лабораторией Кашкину предложили возглавить Институт иммунологии в Москве. Став у его руководства, он, естественно, пригласил перспективного Ярилина.

— Я работал в Обнинске в самые счастливые для меня годы! Тогда на нас никто не давил и нам не было нужды врать, ломать себя. Но потом были исчерпаны все возможности в Обнинске, нечем стало дышать, и я перебрался в Москву,— говорит Александр Александрович.

— Что же мешает науке развиваться сегодня?

— Основной порок нашей науки — изолированность. Наши делегации на международных конференциях малочисленны. Очень немногие имеют возможность пройти стажировку за рубежом. Множество причин затрудняет публикации научных статей в зарубежной научной печати. Ужасно, что мировая наука в нас не нуждается,— грустно закончил Ярилин...

И все-таки есть хоть что-то, позволяющее нам, обнинцам, оптимистично смотреть в будущее?

Директор обнинского Центра НТТМ «Пульсар» В. А. Ефимов, занимающийся методологическими и философскими проблемами научно-технического творчества, к которому я обратилась со своим вопросом, ответил так:

— Любая живая система, заключенная в жесткие, тесные рамки, деградирует — будь то растение, человек, коллектив или общество в целом. Для развития научной «экосистемы» главным условием становится свобода выбора. Как раз этого лишены наши НИИ и КБ. Они подобны темному, старому лесу, где очень трудно пробиться новому ростку: для новой идеи не хватает «жизненного пространства». Все вакантные места, как говорится, уже заняты. Практическое выражение этого — отсутствие удовлетворения от работы. Отсутствие желания заниматься ею. Падение престижа науки в целом.

Наша фирма образована, чтобы создать необходимое ученому свободное пространство для развития. С ее помощью исследователь может быстро реализовать свои идеи, конструктор — воплотить в «металл» то, к чему у него больше всего лежит душа, заказчик — получить в срок качественное разрешение своих проблем. Полный хозрасчет, самофинансирование позволяют свободно развиваться, да еще помогать другим.

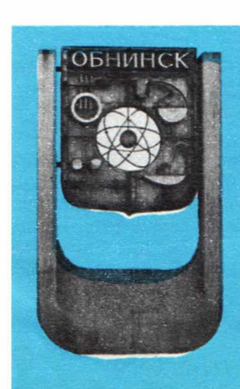
Фирма — не просто посредническая компания менеджеров, знакомая с конъюнктурным рынком науки; это прежде всего гибкая организация, под эгидой которой ведутся самые разноплановые научные изыскания, большая часть фонда развития выделяется на финансирование наукоемкой продукции. Кредо фирмы — быстрый путь от идеи до внедрения. Суперзадача — создание «информационного города», информационной кабельной сети, чтобы каждый его житель, тем паче ученый, имел доступ практически к любым данным. Излишне, наверное, еще раз говорить о том, что в наше время самое ценное — информация и что она дорожает неимоверно быстро. Конечно, на это потребуются десятки миллионов рублей. Но выигрыш очевиден — и в экономическом плане (затраты окупятся новой научной продукцией), и, конечно же, в социальном. И главное — город выйдет на новый виток своего научного развития!..

Я слушала Ефимова и пыталась понять, насколько это реально. Кто, например, возьмется за финансирование программы? Где взять технику?

Но если отвлечься от сугубо земных забот, то кольцо проблем все равно остается неразомкнутым! Как говорит Ефимов, их кредо — быстрый путь к внедрению на конъюнктурной основе. Получается коммерческий вариант — выбираются лишь сиюминутные задачи. То же, что лежит глубже, нуждается в дополнительном финансировании. Вряд ли Центр способен в полной мере это обеспечить.

Самое главное, чему нас учит наш горький опыт,— наука не может развиваться в условиях диктата. Больше всего творчеству нужна свобода, в том числе материальная и финансовая.

ОТ РЕДАКЦИИ. Опубликованный очерк не претендует на исчерпывающее объяснение положения науки в Обнинске. Редакция понимает, что проблема волнует многих ученых, и не только в Обнинске, но и в Пущине, Дубне, Новосибирском академгородке... Мы рассчитываем на продолжение разговора, на заинтересованные отклики. Важно понять: что происходит с такими городами? Почему наука в них приходит в упадок? Как быть дальше...

КАЗИНО

Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ

РОМАН

Джек Перри вылез из спецовки и кинул ее за цветущий кустарник. Как только грузовик рванул с места, он с бесшумностью и проворством дикой кошки улизнул, но не по дороге, а через живую изгородь, по мягкой земле, прочь от Казино. Пробираясь между кустами и деревьями, он на ходу отвинтил от ствола глушитель и сунул его в задний карман. Он понимал, что старик рано или поздно даст полиции его приметы. «Надо было прикончить его»,— подумал он. Теперь предстояло самому добираться до бунгало Мейски.

Перри вышел к набережной, снял рубашку и забросил ее за дерево. Еще беспокоил револьвер. Его не так-то легко было скрыть от глаз. Минут через пять Перри свернул с набережной и побрел по песчаному пляжу. Здесь было тихо и безлюдно. Он вдруг замер, приметив под пальмой ярдах в ста маленькую спортивную машину. Рядом стояла девушка и натягивала поверх купальника тонкий свитер.

Перри метнул хищный взгляд вправо, влево — никого. Он двинулся вперед.

У машины он оказался в тот миг, когда девушка уселась за руль и захлопнула дверцу. Она испуганно поглядела на возникшего откуда ни возьмись Перри.

— Привет, милашка,— произнес он со своим обычным хихиканьем.— Сейчас мы с тобой немного покатаемся.— И он приставил к ее щеке холодный ствол револьвера.— Сечешь?

Он почти не видел лица девушки, только волосы, длинные, темные, мокрые. Лунный свет падал ей на грудь, обтянутую белым бумажным свитером, и Перри отметил про себя, что ему попалась бабенка хоть куда.

Девушка ахнула, и Перри посильней ткнул ее стволом.

— Не дергайся, киска. Если пикнешь, от твоей мордашки останется мокрое место.

Он обошел машину и сел рядом.

— Поехали... я покажу дорогу.

Трясущимися руками девушка нажала кнопку стартера и включила скорость. Маленький автомобиль вырулил с пляжа на дорогу, уходящую в сторону от набережной.

— А что же это такая красавица ходит на пляж одна? — спросил Перри.

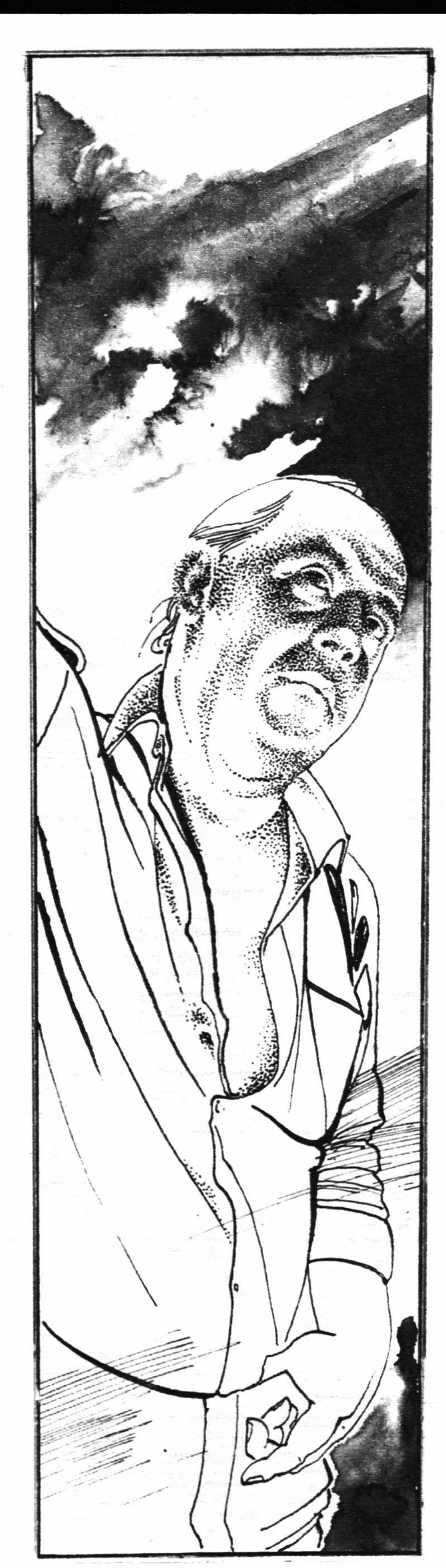
Она не ответила. В стекле приборной доски поблескивало отражение револьвера, и ее передернуло.

— Не нужно так бояться,— сказал Перри. Его беспрестанное хихиканье еще больше пугало ее. Она в жизни не слыхала ничего отвратительнее.— Тебя как звать, детка?

Перри положил ей на колено горячую, потную ладонь. Она в ужасе отшатнулась от него. Машина вильнула, выскочила на травянистую обочину, потом вернулась на дорогу.

Перри с проклятиями просунул ногу к педалям и нажал на тормоз. Машина остановилась как вкопанная, двигатель заглох. Они оказались на узкой дороге под развесистыми деревьями. Домов поблизости не было.

Перри выключил фары. На дороге тускло желтели крохотные отсветы габаритных огней. Он взял девушку сзади за шею и слегка встряхнул ее.

— Что с тобой, детка... Боишься меня? — хихикнул он.

Девушка раскрыла рот. Внезапно, будто разжалась внутренняя пружина, она закричала. Перри толстыми пальцами перехватил ей горло, и крик оборвался. Тогда она в отчаянии, вне себя от страха начала вырываться, бить его маленькими кулаками по лицу и в грудь.

Ругнувшись, Перри уронил револьвер на пол, чтобы высвободить вторую руку. Куда ей было против его силищи! Левой рукой он сгреб ее кулачки, а правой — сдавил горло. Задохнувшись, она обмякла. Прикосновение стройного, полуобнаженного тела разбередило Перри, он нагнулся, открыл дверцу со стороны девушки и выпихнул ее на дорогу. Почти в обморочном состоянии она распласталась на присыпанной песком земле, а Перри вылез из машины и склонился над ней.

Она смутно сознавала, что он срывает с нее свитер и купальник...

Утолив похоть, он встал и пнул ее ногой.

— Подымайся, детка. Вперед будет тебе наука. Давай... подымайся,— нетерпеливо повторил он, нагнулся, ухватил за волосы и силой поставил на ноги. Она со стоном привалилась к нему, но он втолкнул ее головой в машину.

Ее нога коснулась револьвера. Не вполне отдавая себе отчет, она подняла револьвер. Тем временем Перри тяжело плюхнулся на соседнее сиденье. Она, всхлипнув, спустила курок.

Перри увидел вспышку, услыхал гром выстрела, и в следующий миг ему нестерпимо больно обожгло внутренности. Он сидел без движения, потрясенный, оцепеневший, разинув рот, и на его толстой физиономии выступили капельки холодного пота.

Он тупо смотрел, как девушка вывалилась из машины, поднялась и, нагая, кинулась прочь от тусклого света габаритных огней.

Кое-как ему удалось перебраться на сиденье водителя. Он завел двигатель и направил машину в кромешную тьму.

Мейски осторожно въехал на «бьюике» под навес. Он с трудом дышал и был не на шутку встревожен. Ноющая боль в груди обострилась. «Псих,— отругал он себя,— хотел сдвинуть неразгруженную коробку. Вот и надорвался». Он выключил фары.

Что ж, теперь надо отдохнуть. Здесь безопасно. Уж в этом сомнений нет. Легавым и в голову не придет искать его на этой поляне. Главное, добраться до пещеры, только не спеша.

Но когда Мейски открыл дверцу автомобиля и начал вылезать, у него потемнело в глазах от резкой боли, он упал обратно на сиденье.

Он замер в полулежачем положении, затаился, и боль постепенно утихла, словно хищник напал на него, куснул и отступил.

По всей вероятности, это был сердечный приступ, и тонкогубое его лицо оскалилось в бессильной злобе. Сколько потрачено сил, выдумки, сколько провернуто рискованных дел, какие опасности его миновали... И надо же случиться такому именно теперь, когда вот они, эти два миллиона, только протяни руку!

Больше часа просидел Мейски, не шелохнувшись, стараясь дышать ровно, боясь пошевелиться, чтобы не вызвать снова ту страшную боль. Он представил коробку с деньгами, запертую в багажнике. Придется бросить деньги в багажнике, и остается только наде-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—3.

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

яться, что никакой случайный прохожий не заметит машину под навесом, а ему необходимо попасть в пещеру, там у него есть спасительная аптечка.

Мейски немного оправился от приступа, но был еще очень слаб. С опаской, опираясь на дверцу, он сел повыше. Подождал, с тревогой подумав о тяжелом подъеме в пещеру.

Перед тем как шагнуть в жесткую траву, Мейски оглянулся на багажник «бьюика». Вновь он живо представил коробку, полную денег, таких осязаемых, но скрытых от взора. С этим уж ничего не поделаешь... во всяком случае, пока. Выспится, отдохнет, тогда, может, у него и хватит сил перенести деньги в пещеру.

Часам к четырем утра Миш и Чандлер добрались до бунгало Мейски.

Дом стоял в пятидесяти ярдах от моря под купой пальмовых деревьев. Мимо проходила узкая дорога, которая вела к другим коттеджам и бунгало, расположенным довольно далеко в стороне.

На подходе к небольшому обшарпанному строению Чандлер схватил Коллинза за плечо.

— Смотри... машина... вон там, слева.

Миш с трудом разглядел в сумерках маленький автомобиль и вынул пистолет.

— Это не его тачка... спортивная,— сказал Миш и крадучись двинулся вперед.

— Думаешь... полицейские? — спросил Чандлер, не трогаясь с места.

— Ну да, на спортивной тачке,— бросил Миш.

— Может, «бьюик» сломался,— предложил Чандлер.— У него барахлит стартер. Может, не смог завести «бьюик» и приехал на этой.

— Да... наверно, так и есть,— облегченно вздохнул Миш и быстро подошел к машине.

По небу уже разлился первый утренний свет, и его вполне хватило, чтобы Миш заметил на белых кожаных сиденьях темные пятна. Он насупился и оглянулся на подоспевшего Чандлера.

— Что это?

Миш мазнул кончиком пальца по липкой жиже, выставил палец на серый свет и ахнул.

— Мать честная! Кровь!

Они торопливо прошли по дорожке к парадному входу, постояли, прислушались, потом Миш, держа пистолет наготове, приоткрыл дверь, и они шагнули в крошечную душную прихожую.

— Мейски! — громко позвал Миш.— Ты здесь?

— Нет... это я...— раздался из гостиной голос Перри.— Быстрее сюда!

Миш нашарил выключатель и зажег свет.

Перри сидел в кресле. К животу он прижимал набухшую от крови подушку.

— Из меня хлещет, как из недорезанной свиньи,— просипел он.— Сделайте что-нибудь.

Чандлер стоял как истукан, а Миш побежал в ванную и открыл шкафчик над раковиной. При виде пустых полок его маленькие глазки недобро сощурились. Он припомнил, что накануне, открывая банку пива, поранил руку, и Мейски отвел его в ванную; тогда в шкафчике было полным-полно всякого аптечного товара. Миш ринулся в спальню, выдвинул один из ящиков комода — пусто. Выругавшись, он откинул с постели покрывало, выхватил простыню.

Спустя двадцать минут Перри лежал на диване без кровинки в лице, зато его рана была перевязана опытной рукой.

Пока Миш возился с Перри, Чандлер обошел дом.

— Эта сволочь наколола нас! — сказал он, вернувшись, бледный от гнева.— Я же говорил! Он смылся!

Перри открыл глаза.

— Отгоните машину. Бросьте где-нибудь. Если легавые увидят...— Он хотел добавить еще что-то, но закрыл глаза и впал в забытье.

Миш и Чандлер переглянулись.

— Верно... убери ее с глаз долой, Джесо,— сказал Миш.

— Он нас наколол! — не унимался Чандлер.

— Не все сразу... сплавь машину!

Чандлер помялся, потом вышел из дома. Миш проследил в окно, как тот сел за руль спортивного автомобиля и укатил.

Миш отер пот с лица. На книжной полке стояло старенькое радио, и он включил его. После пошел на кухню, налил в ведро горячей воды, взял тряпку и отмыл в гостиной пол от кровавых пятен.

Вдруг свинговую музыку, звучавшую по радио, оборвал голос диктора: «Мы прерываем нашу программу танцевальной музыки для срочного выпуска новостей. Крупное ограбление Казино. Полиция сообщила следующие приметы трех мужчин, которые разыскиваются в связи с ограблением...» Далее шло довольно точное описание Коллинза, Чандлера и Перри. «Это опасные преступники. Всех, кто видел их, просят звонить в городское управление полиции по телефону: Парадиз-Сити 7777».

Миш горько ухмыльнулся. Так, запахло жареным. Тот старик в стеклянной будке оказался на поверку не таким уж лопухом. Миш выключил радио.

Он пошел на кухню. В холодильнике было шаром покати, в шкафу — тоже. Миш почесал в затылке. Ему хотелось есть.

Перри был ранен в живот. Миш понимал, что раненому могут помочь только в больнице, но об этом нечего было и думать.

Через двадцать минут возвратился Чандлер и застал его погруженным в невеселые раздумья.

— Порядок? — спросил Миш.

— Отогнал.— Чандлер был какой-то дерганый.— Нам лучше разойтись по своим гостиницам и переждать шухер.

Миш ухмыльнулся.

— Дохлый номер. Уже передали по радио. У них есть наши приметы. Если мы хотим уберечься, придется залечь здесь.

У Чандлера от бешенства окаменело лицо.

— Думаешь, он не вернется?

Миш покачал головой.

— Нет... видно, мы у него были за фрайеров. Удар ниже пояса... Я-то считал, ему можно доверять.

— Ну, попадись он мне еще! — пригрозил Чандлер.

Миш пожал плечами.

— Бывает, парень, хорошо хоть шкура цела.— Он кивнул на Перри, лежащего в беспамятстве.— Не то что у него.

— Начхать мне на него.— Чандлер распахнул ворот рубахи.— Если не выпью сейчас чашку кофе, сдохну.

— Валяй, подыхай. В доме ни хрена нет... ни крошки... ничего, кроме остатков виски. У тебя есть сигареты?

— Выкурил последнюю.— Чандлер растерянно посмотрел на Коллинза.— Не можем же мы жить здесь без еды.

— Стоит только высунуть нос на улицу, и нам сразу крышка.— Миш задумался, потом спросил: — А у тебя нет здесь друзей?

— Каких еще друзей?

— Ну, таких, которые носили бы нам припасы?

Тут Чандлер вспомнил про Лолиту. Согласится ли она? А вдруг она слышала, как по радио передали его приметы, и выдаст полиции?

— Пожалуй, это мысль,— сказал Чандлер.— Есть одна девчонка... она может согласиться. Телефон работает?

— Не знаю... наверное.

Чандлер подошел к телефону, снял трубку и с облегчением услышал непрерывный гудок. У него была отличная память на телефоны своих приятельниц. Он набрал номер и стал ждать. Долго никто не отвечал, потом раздался сонный голос Лолиты:

— Да?

Чандлер кивнул Коллинзу и заговорил своим приятным, вкрадчивым баритоном, вкладывая в него все обаяние, на какое был способен.

Глава 5

К полудню начальник полиции Террелл имел почти полную картину ограбления Казино. На ящике с инструментами, найденном в щитовой комнате Казино, были обнаружены отпечатки пальцев. В ответ на запрос, из Вашингтона поступили фотография и досье Миша Коллинза. Отпечатки пальцев на стеклянной будке при входе в хранилище принадлежали, как выяснилось, наемному убийце Джеку Перри.

Террелл сдвинул в сторону ворох донесений и потянулся к пакету с кофе.

— Перекур, Джо,— объявил он, разливая кофе в два бумажных стаканчика. Беглер с благодарностью принял один из них и закурил очередную сигарету.

— Ну что ж,— произнес Террелл, прихлебывая кофе,— дело двигается. Мы знаем четверых... один мертв, но ведь есть пятый. Странная вещь, Джо, выходит, его никто не видел. У нас есть точные приметы тех четверых, а на пятого — ничего. Нам известно, что он сидел за рулем грузовика, однако никто не заметил его в кабине. Когда началась пальба, он дал деру. Не удивлюсь, если он решил смыться и оставить своих дружков с носом.

Беглер кивнул.

— А нам от этого какой прок? — не без резона спросил он.

— Так, размышляю. Если он наколол дружков, а мы поймаем кого-то из них, то скорей всего они его сдадут. Нам позарез нужно разыскать пятого.

— Пока что мы ни одного не поймали...

Зазвонил телефон. Беглер снял трубку, выслушал говорившего, и лицо его посуровело.

— Хорошо, мистер Маркус... да, я знаю, как вас найти. Сейчас буду.— И повесил трубку. Он посмотрел на Террелла, который ждал объяснения.— Это звонил Сэм Маркус. Сегодня ночью его дочь Джеки была с компанией на пляже. Они спешили по домам, а Джеки осталась купнуться еще разок. Когда она садилась в машину...— И Беглер рассказал о том, что приключилось с девушкой.— Вот главное,— заключил он.— Приметы этого человека: грузный, пожилой, седой; одет в рабочие штаны защитного цвета, вооружен револьвером. Похоже на Джека Перри. После того как этот мерзавец изнасиловал ее, она завладела револьвером и ранила его в живот. Затем она убежала и оставила ему машину... но он ранен. Как вам это нравится, шеф?

— Ладно, Джо, поезжай туда. Да посмотри, не сочиняет ли эта девушка. Приметы Перри передавали по радио. Вдруг ее соблазнил какой-нибудь знакомый, а она теперь сваливает на Перри?

Через час с лишним Беглер позвонил Терреллу.

— Она говорит правду, шеф. Это наверняка Перри. Вот приметы машины.

Террелл наскоро сделал пометки в блокноте, велел Беглеру немедленно возвращаться и повесил трубку. Придвинув к себе другой телефон, он соединился с центральным пультом связи.

— Оповестить всех врачей и больницы, что к ним может обратиться за помощью человек с огнестрельным ранением в области живота. Если это произойдет, немедленно сообщить мне. Дайте информацию в эфир. Приступить к розыску легкового автомобиля, вот его приметы... Преступник ранен и не уйдет далеко от машины.

Только он повесил трубку, в кабинет зашел Фред Хесс из отдела по расследованию убийств. Его полное лицо осунулось от усталости.

— Шеф, на пляже нашли молодого парня с простреленной головой. Только что позвонили. Рядом с ним стоит маленький грузовик. Судя по приметам, тот самый, что фигурирует в деле об ограблении.

— Ладно, Фред, поезжай. Жду тебя с докладом как можно скорей. Основное внимание — грузовику. Доктора Лоуиса вызвали?

— Он уже в пути.

Террелл кивнул, потом, когда Хесс вышел, отодвинул стул и поднялся, чтобы размять затекшие ноги.

Раздался звонок. На этот раз звонил из Казино Гарри Льюис.

— Послушайте, Фрэнк, я кое-что надумал, вдруг это поможет вам. У меня теперь нет сомнений, что бандиты имели в Казино своего человека. Очень уж ловко они провернули это дело. Наверняка им было известно про щитовую... когда лучше всего напасть... где мы храним деньги... численность охраны. И еще, Фрэнк, самое главное. У нас пропала схема электропроводки. Даю голову на отсечение, это кто-то из персонала. Одна из наших девушек — Лана Эванс, она работает в хранилище — второй день подряд не выходит на работу. Ее могли подкупить.

— Вы знаете, где она живет?

Льюис дал Терреллу адрес.

— Хорошо, мы проверим. Спасибо, Гарри.— Террелл повесил трубку и взялся за внутренний телефон.— Лепски на месте?

— Только что вошел, шеф...

— Том, отправляйтесь по этому адресу... мигом.— Он пересказал Лепски то, что узнал от Льюиса.— Возможно, бандиты подкупили ее и использовали как наводчицу. Не исключено, что она упорхнула. Разузнайте ее приметы, и мы передадим их в эфир. Действуйте!

Спустя несколько минут Лепски вылез из полицейской машины у дома Ланы Эванс и позвонил.

Дверь открыла миссис Мавдик. Увидав за спиной Лепски машину, из которой показались двое полицейских в форме, она недовольно насупилась.

— Здесь проживает мисс Эванс? — спросил он.

— Здесь. Ну и что?

— Мне нужно повидаться с ней.

— Ее нет дома.— Обширный бюст миссис Мавдик всколыхнулся, и в лицо Лепски пахнуло пряностями, которыми курильщики отбивают запах табака.— К тому же я не люблю, когда здесь крутятся полицейские... это портит мою репутацию.

— Слушайте, мамаша, попридержите язык,— произнес Лепски сухим тоном полицейского.— Мы все равно уже здесь. Где она?

— Не знаю. Я не обязана...

Лепски обернулся и подозвал одного из полицейских.

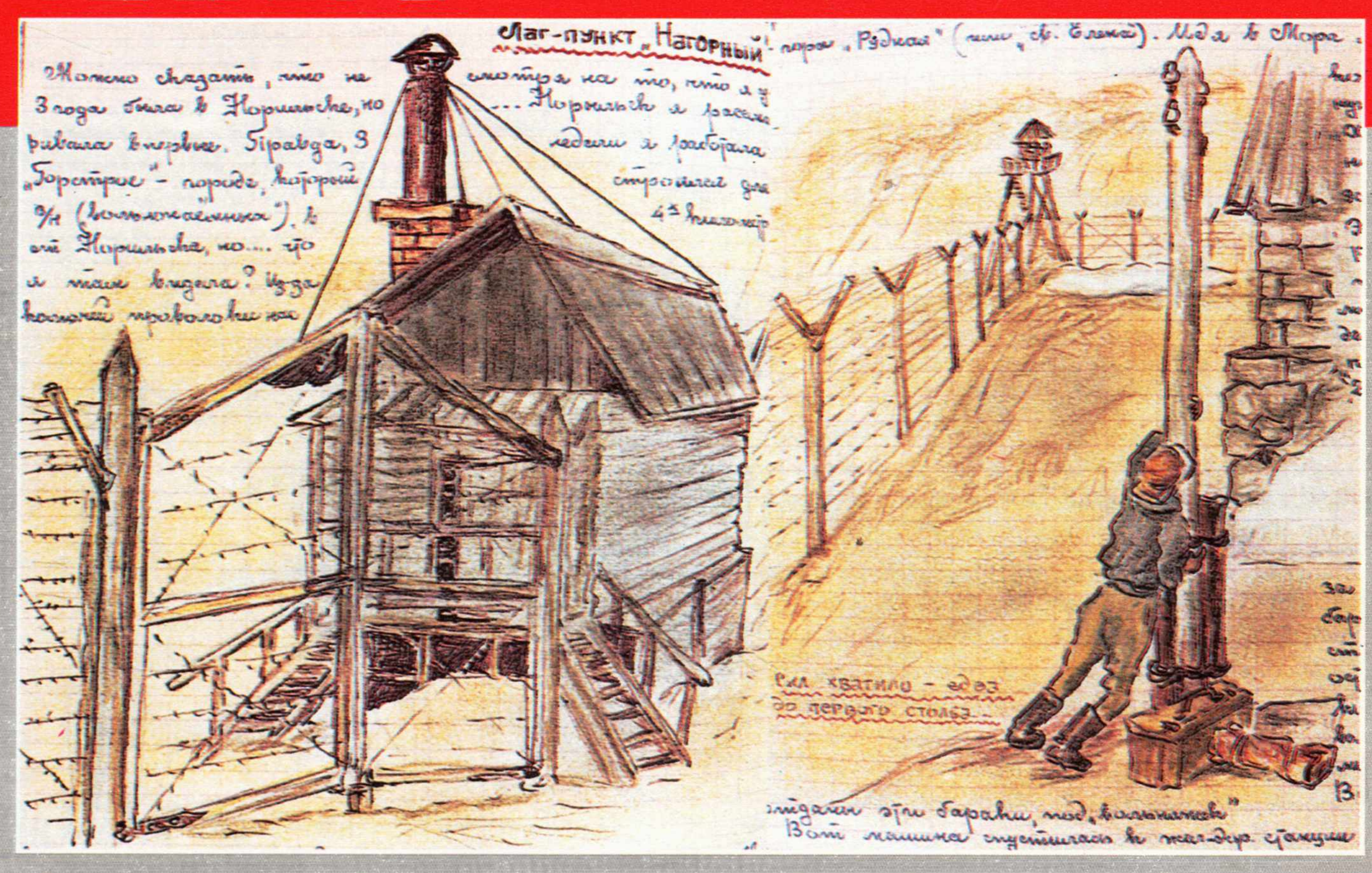
— Мы поднимемся и посмотрим,— сказал он.

Лепски с полицейским поднялись по лестнице к квартире Ланы Эванс. При виде трех бутылок молока и трех номеров «Парадиз-Сити геральд» под дверью они переглянулись. Лепски постучал, тронул

PARA
CIT

ЛАГЕРЬ

ЖИТИЕ ЕВФРОСИНИИ КЕРСНОВСКОЙ

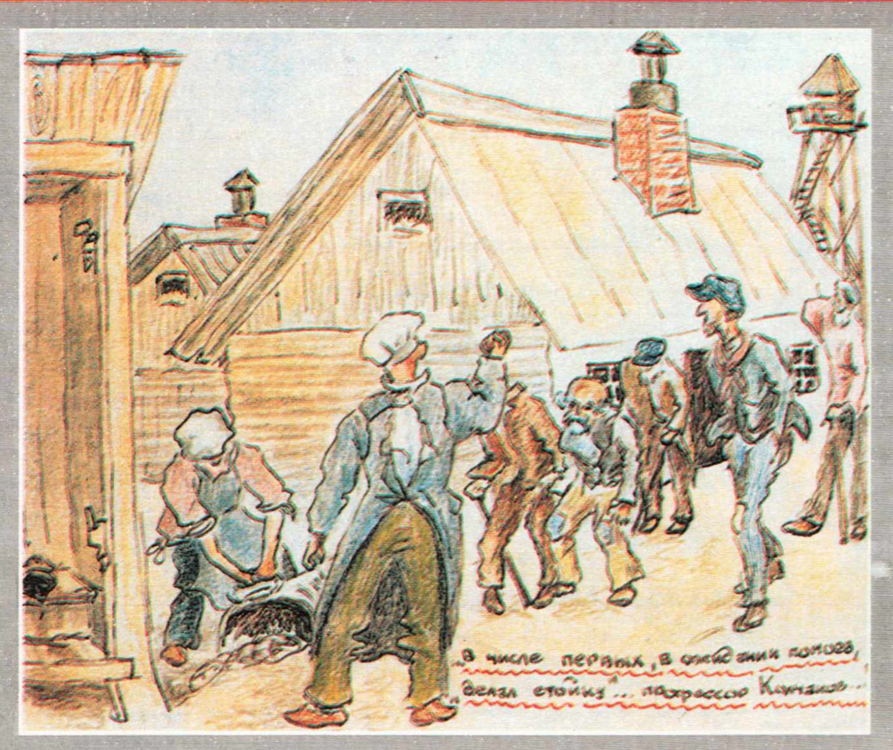

«Исправительно-трудовой лагерь»... Звучит неплохо. Но за этими словами кроется такое смертельное равнодушие к людям, которое страшнее ненависти. Всю мудрость, накопленную человечеством, рабовладельцы середины XX века употребили на то, чтобы конвейерным способом превращать человека в животное.

Стыдно смотреть, как шесть, а то и десять здоровых молодых мужчин ведут с винтовками в руках и с собаками дюжину полуживых, истощенных женщин! Оттого стыдно, что где-то на фронте такие же солдаты грудью своей защищают родную землю.

При строительстве пирамид, должно быть, применялось больше техники... Но зачем механизмы, когда есть тысячи, десятки тысяч рабов?

Окончание. Начало в № 3.

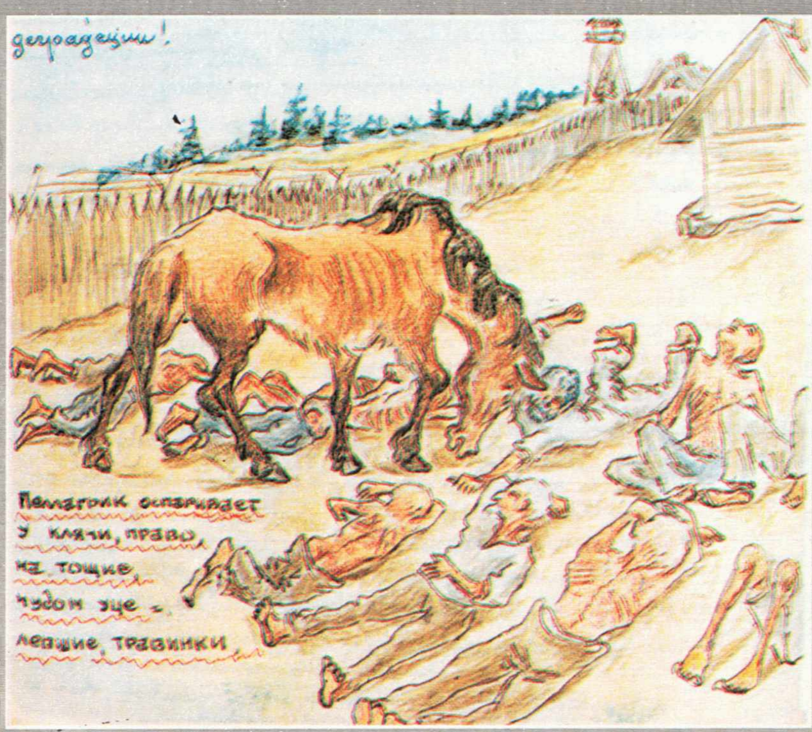
Как только из кухни выносили пищевые отходы, группа «доходяг» — человек пятнадцать — застывала в положении «стойка». В числе первых делал «стойку» профессор Николай Николаевич Колчанов — оратор, способный очаровать и увлечь любую аудиторию своими вдохновенными речами.

Стоило лишь «кухонным мужикам» удалиться, как все эти голодные, обезумевшие люди кидались к отливу и, отталкивая друг друга, выгребали руками рыбную чешую, пузыри и рыбьи кишки, заталкивая все это поспешно в рот.

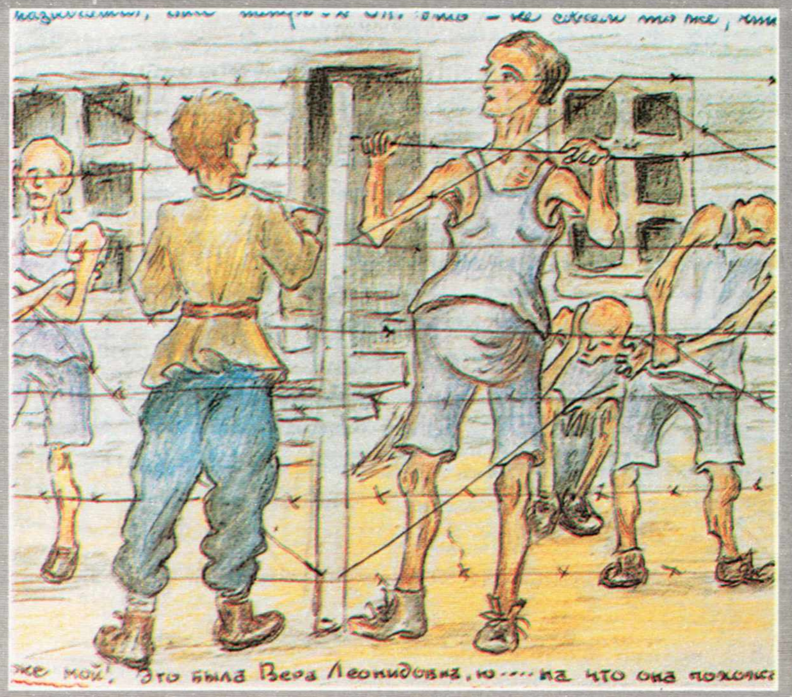

Утром все бригады должны выстроиться. Все! Даже тот, кто успел ночью умереть, должен явиться на поверку.

В «жилой зоне» был склон, обращенный к югу. Вот на этот пустырек и выползали умирающие пеллагрики погреться на солнышке. Они сбрасывали рубахи, а иногда и штаны — и тогда они являли собой особенно жуткую картину: их тела были почему-то не бледные, а, напротив, цвета «мореного дуба». Страшно было наблюдать, во что тюрьма превращала людей!

Боже мой! Это была Вера Леонидовна! Но до чего же она не была похожа на ту стройную, еще моложавую и миловидную женщину, какой я ее помнила! Лицо все в коричневых пятнах, землистого цвета. Худые, узловатые конечности и резко выпирающий живот, туго обтянутый майкой и трусами… Больше всего меня удивило, что здесь были и мужчины, и женщины в одном бараке… Надо как-то спасти и ее, и ее будущего ребенка!

Общественную уборную иногда можно назвать и по-другому: случный пункт. Многие женщины жили по принципу: «давай пайку — и делай ляльку». Дороже приходилось платить конвоиру — тут без бутылки водки не обойтись... Обстановка, конечно, не вдохновляющая, но что только не придумывали «жучки», чтобы получить белую булку или горсть конфет!

В исключительных случаях окрестить ребенка может и женщина. Свинарник оказался самым удобным местом для этого торжественного обряда. Я медленно и отчетливо прочитала «Отче наш», затем «Символ Веры». У меня было ощущение, что все это делаю не я, а сила, которая выше меня и мною руководит. Со словами: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа крещается раб Божий Димитрий! Аминь!» — я зачерпнула горстью воду из тарелочки и окропила ею потомка адмирала Невельского.— «Пусть чувства твои будут чисты, разум — ясным! Пусть путь твой будет направлен к добру, поступки твои служат правде. Да будет воля Твоя, Господи! Аминь!»

«Четезухи» стоят того, чтобы их увековечить в назидание потомству! Изготовляли их из старых автопокрышек Челябинского тракторного завода, а подметки к ним прикрепляли деревянные. Было в них невероятно холодно и скользко, а весили они тяжелее кандалов.

Сонное оцепенение еще владело мной, когда что-то острое вцепилось в мое ухо... Крысы! От ужаса и отвращения я тут же вскочила на ноги.

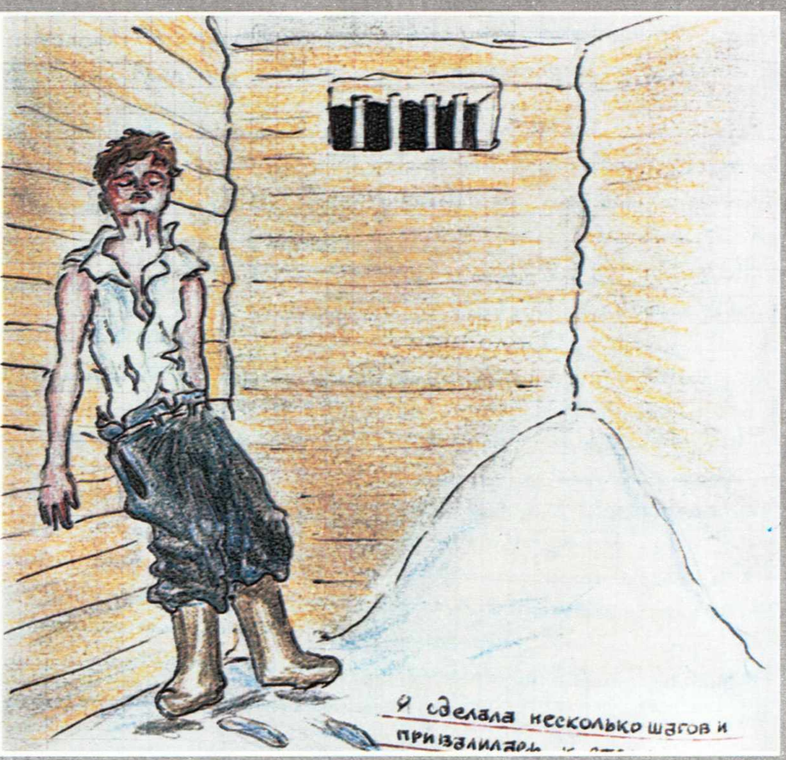
Это был он — тот самый знаменитый стахановец Вася Тимошенко!

БОЛЬНИЦА

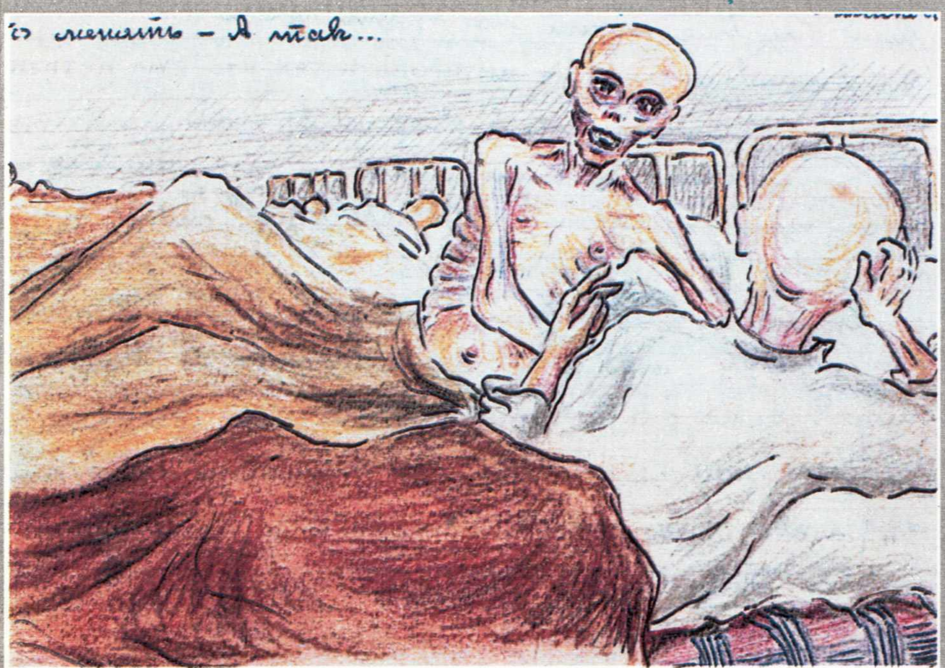
Первое, что я услышала от бригадира,— грязное оскорбление. Реакция на это у меня была всегда одинаковая. Попала я ему прямо в глаз. «Фара» получилась знаменитая... Я не сомневалась, что это предвещает мне мало удовольствия, ведь я осмелилась поднять руку на вольнонаемного.

Избитую до полусмерти и к тому же раздетую, меня отвели в «холодную». Сквозь незастекленное окошко в камеру намело много снега. На улице в тот день было 54° мороза...

К этому роду стыда я была всегда мучительно чувствительна. Мне было очень тяжело и стыдно, когда санитар обрабатывал меня, как это полагается при поступлении в больницу.

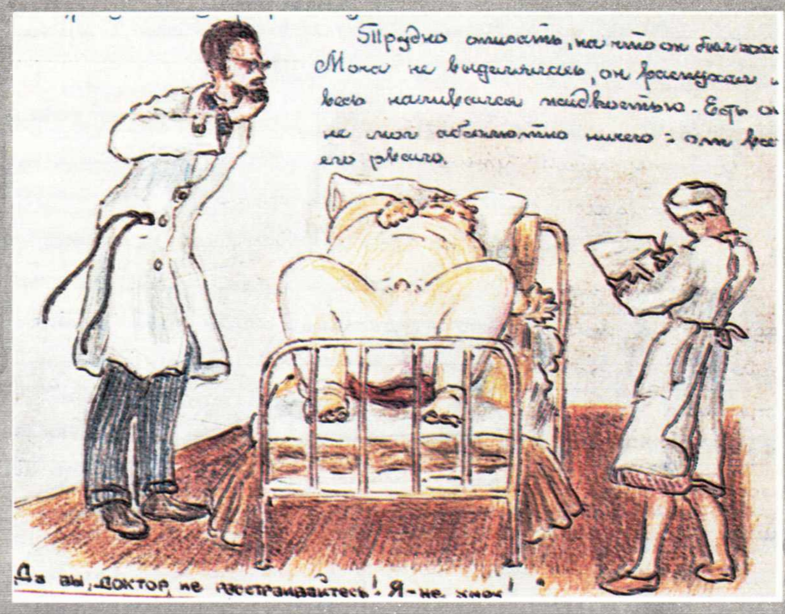
Не отпускали умирать домой и тех, чей вид мог послужить «наглядным свидетельством» того, к чему приводит «исправительно-трудовой...» Девочка, едва вышедшая из детского возраста, лежала на клеенке, по которой почти непрерывно скатывались на пол капли крови... «Тетя Фрося, скажите, только скажите всю правду: мама не очень испугается, когда увидит меня такой? Она помнит меня кудрявой, румяной... Нет, правда: я была очень красивая!»

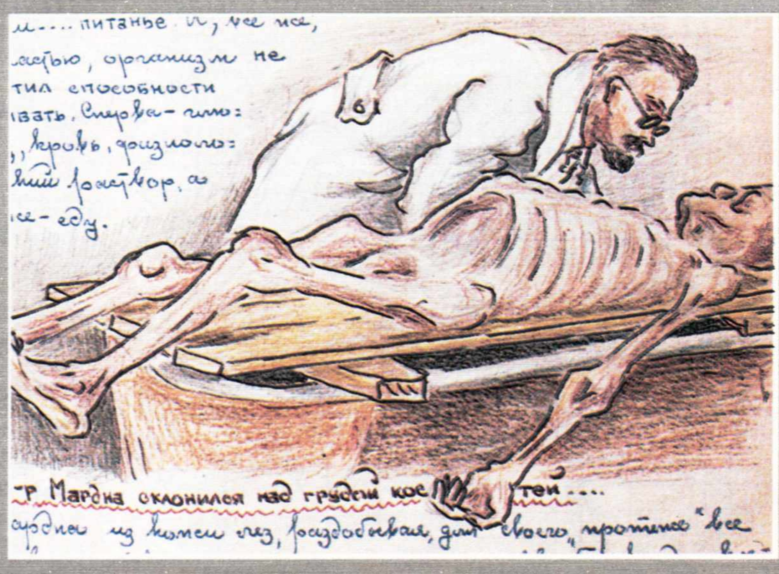
К великому моему удивлению я была оставлена работать медсестрой в центральной больнице лагеря... Работы и днем и ночью — уйма! Каждый делает все, что может, не щадя своих сил и не считаясь со временем... Сгребаю больного в охапку, несу в ванну, мою. Из ванной тащу в перевязочную, на стол. Отношу следующего больного в ванну и бегу в перевязочную — помочь врачу. Затем подаю следующего больного на стол, а другого — в ванну. Бегом — туда, бегом — сюда!

Выстроившись амфитеатром и спустив кальсоны, сифилитики демонстрировали пропитанные гноем повязки.

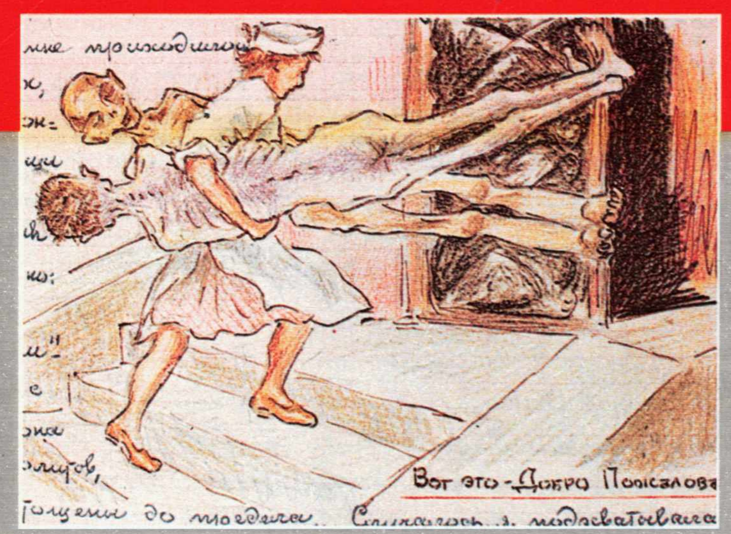

Трудно описать, на что был похож этот юноша-каторжанин. У него отказали обе почки: моча не выделялась, он распухал и весь наливался жидкостью. Кожа на боках, бедрах и голенях лопалась, и из них сочилась сукровица... Вид у него был ужасен, а состояние отчаянное. Но самое удивительное было то, что он никогда, ни разу не пал духом! Это его и спасло от неминуемой смерти.

Однажды наши эстонцы-врачи пришли в волнение: в приемный покой привезли знаменитого борца-тяжеловеса, занявшего первое место на Берлинской олимпиаде 1936 года и принесшего Эстонии славу. Я не думала, что когда-нибудь эта «груда костей» вновь превратится в человека! По выздоровлении его оставили истопником при больнице. Шутя, он носил ящик с углем, который и четверо бы не подняли.

МОРГ

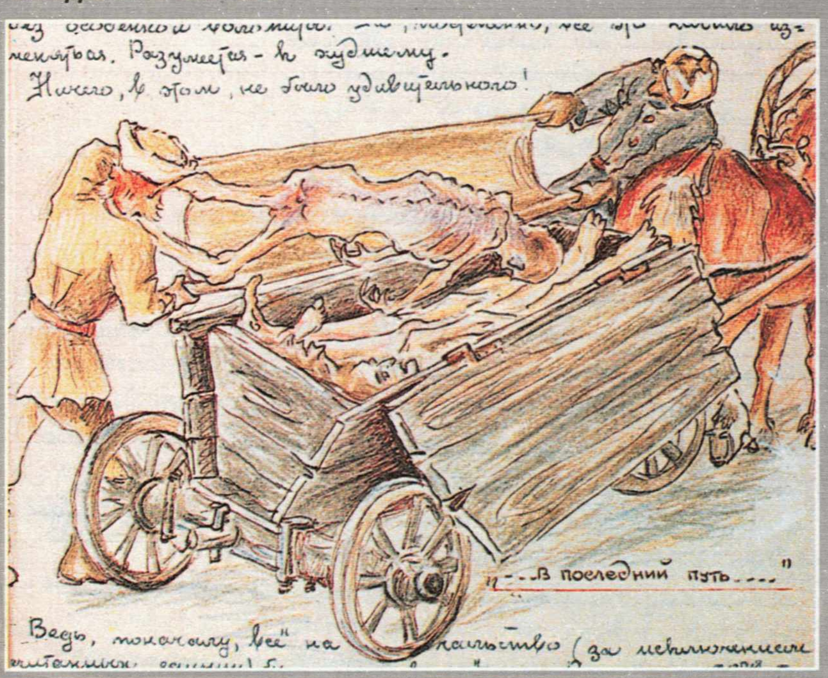
Морг — самое «гостеприимное» учреждение лагеря. Двери здесь для всех и всегда открыты. Днем и ночью, летом и зимой. Когда меня перевели сюда работать, мне часто приходилось одной таскать трупы. «Жмурики» были до того истощенные, что делать это было совсем не трудно.

Это была жертва картежной игры. Человек проиграл свою жизнь в карты и, согласно условию, его, раздетого, с кляпом во рту, бросили на мороз. Меня поразила жестокость расправы...

Мне предстояло закопать могилу, в которой помещалось 250 трупов. — Простите меня, братья мои! Это чистая случайность, что я еще не с вами.

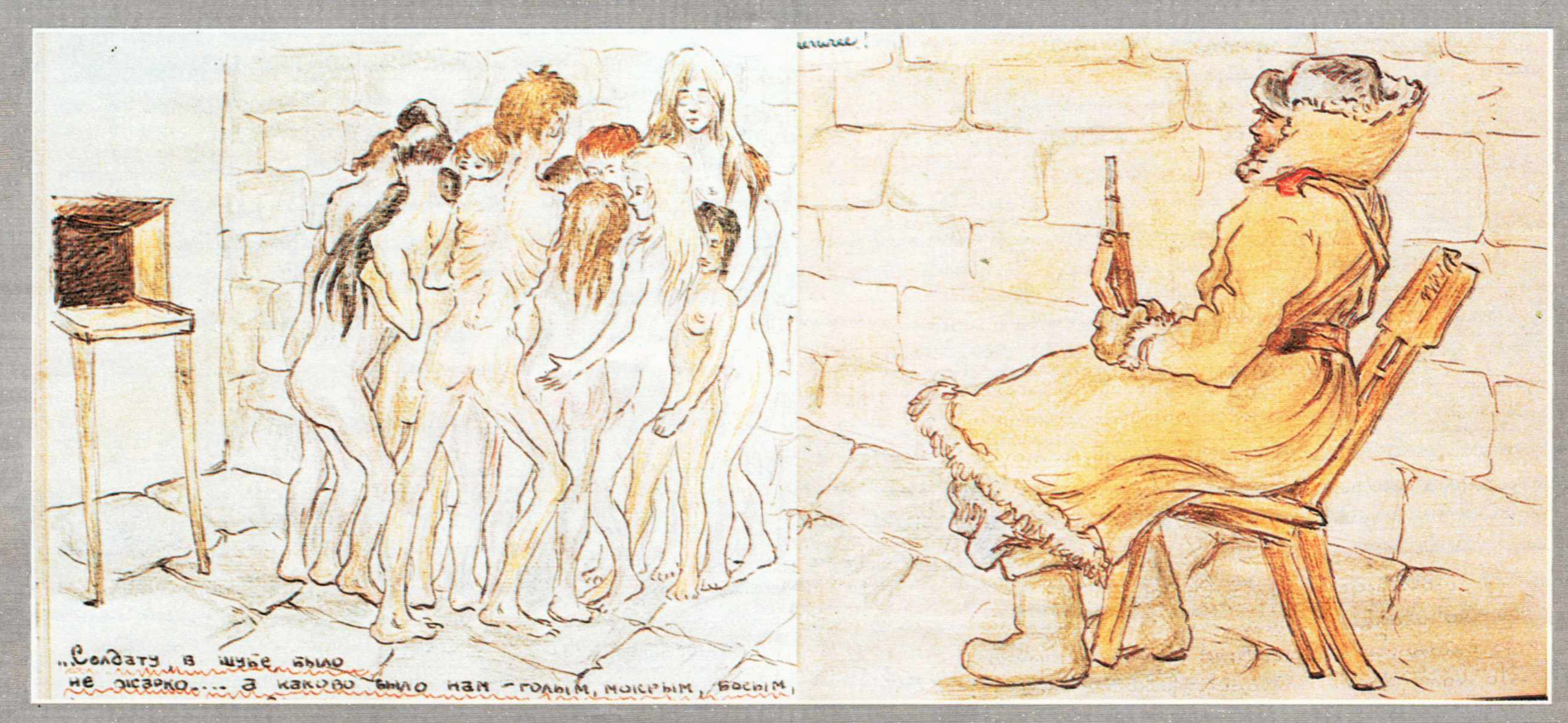
В военные годы количество «жмуриков» необычайно возросло. Иногда мне приходилось, экономя место, укладывать их в наш «катафалк» валетом... Зимой трупы не закапывали, чтобы не иметь дело с мерзлой землей. Их просто закидывали снегом.

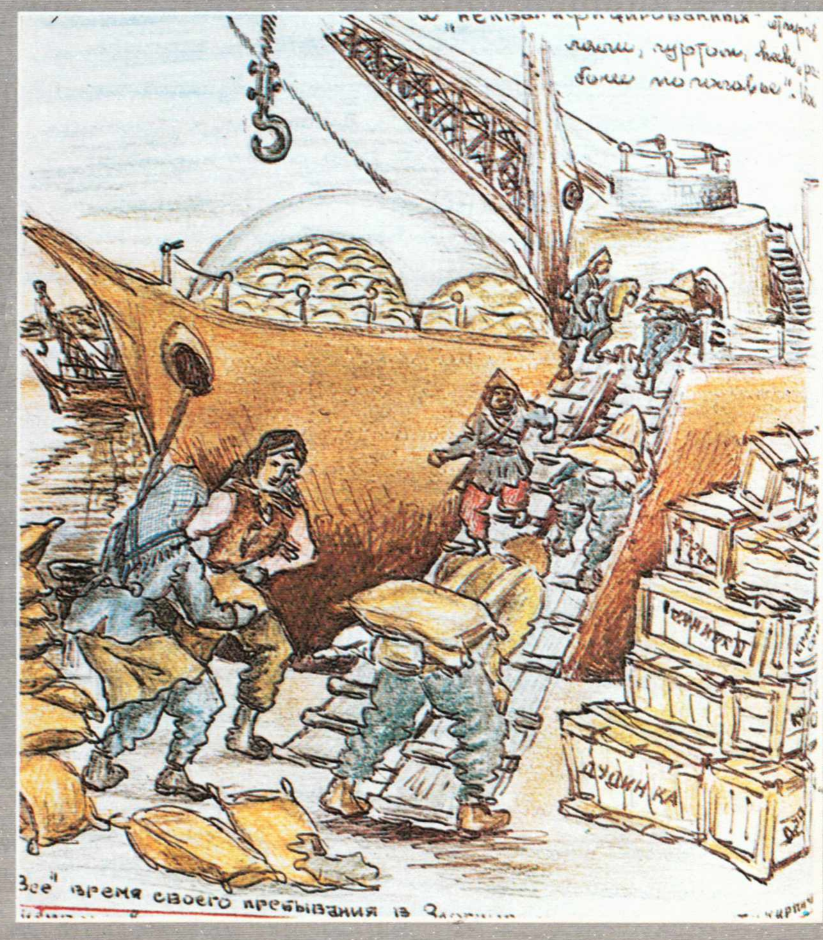

Жизнь заключенного — постоянные этапы. Лишь в могиле его не перегоняют с места на место... Странное это было путешествие!

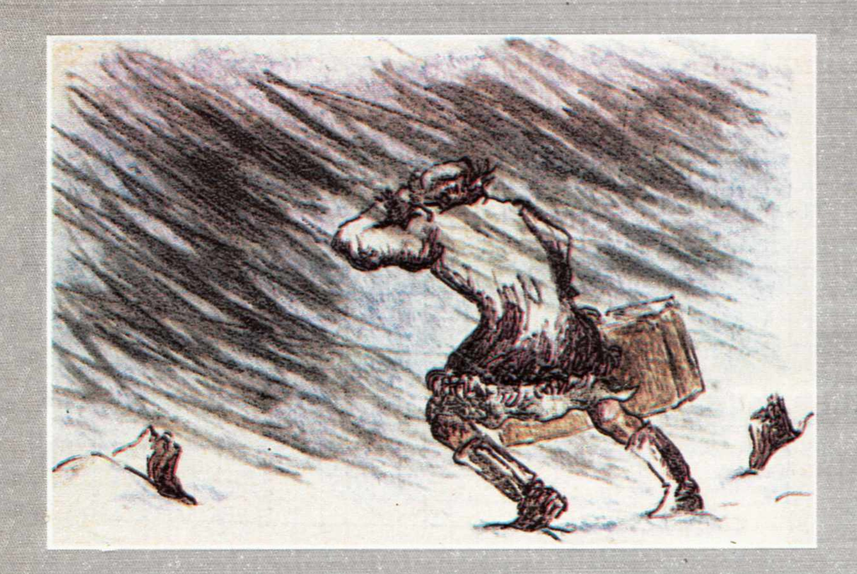
Стоим мы — одиннадцать голых, мокрых женщин — босые, на каменных плитах, в нетопленом помещении. С нами конвоир. По всему видно: даже ему холодно. Пять часов стояли мы в ожидании одежды из «прожарки». Все спасение было в том, что мы плотно жались друг к другу, и те, что были снаружи, протискивались вовнутрь. Непрерывное движение не давало нам замерзнуть.

Изнанкой Красноярска было Злобино — знаменитый невольничий рынок. Сюда приезжали начальники шахт, рудников и заводов приобретать для своих производств квалифицированных невольников. В Злобине я работала на погрузке цемента и кирпича.

«Отдыхом» у нас считалась разгрузка муки в мешках по 70 кг. Труднее было поднимать по трапу стокилограммовые мешки с горохом или сахарным песком. Но самые ужасные были ящики со спиртом: длинные, как гробы, они были очень неудобные для погрузки, а главное — весили 114 кг! Чаще всего я имела дело с бочками соленой трески и достигла почти виртуозности в их штабелевке.

Морозы, даже для Норильска, были небывалые. На ветру градусник иногда показывал 74°. В нашу обязанность входило заменять разорванные от мороза рельсы. Случалось, что по три раза в день мы сбрасывали перед надвигающимся составом рельсы и скаты, а затем опять поднимали их на полотно...

Итак, 12 лет тюрьмы позади. Я на воле. Но можно ли это назвать «свободой»? В клетке я не сидела, но была на привязи. Паспорта у меня не было, уезжать из Норильска я права не имела, зато два раза в месяц должна была ходить отмечаться к коменданту. До настоящего освобождения еще далеко. Впереди — семь с половиной лет работы в шахте, где я могла погибнуть десятки раз. Но Бог милостив...

Мама! Я выполнила твое желание... И на кресте твоем клянусь: все, что здесь написано,— правда. А правда вечна. Но иногда эта правда ужасна. Может, такую правду лучше вычеркнуть из памяти? Но что тогда останется? Ложь, только ложь!

дверную ручку, убедился, что квартира заперта, потом отошел на несколько шагов и с разбега налег на дверь плечом.

Лана Эванс лежала на полу. Смерть наступила уже два дня тому назад.

Спустя час Лепски ввел в кабинет шефа Терри Николса. Молодой человек был ни жив ни мертв, и Террелл, окинув его пристальным взглядом, предложил ему сесть.

— Мисс Эванс была вашей невестой?

— Да.

— Вы скоро собирались пожениться?

— У нас не было денег на обзаведение,— с горечью произнес Николс.— Мы хотели скопить пятьсот долларов на однокомнатную квартиру.

Террелл поднял газету, под которой лежали деньги, найденные Лепски в шкафу у Ланы.

— Эти деньги обнаружены в ее комнате, Терри.

Николс облизнул губы, в глазах у него помутилось.

— Вы в самом деле нашли у нее столько денег?

Террелл кивнул.

— Думаю, Терри, ее подкупили. Она хотела выйти за вас и клюнула на приманку. Мы хотим найти человека, который подкупил ее... Притом не только подкупил, а, заполучив нужную информацию, убил. Вы можете нам помочь?

— Нет, ни про какого человека Лана ничего не говорила.

— Она никогда не отменяла свиданий с вами? Ради встречи с кем-нибудь?

— Нет. Я учусь на вечернем отделении. Мы встречались по утрам на пляже. Во второй половине дня я работаю на посылках в бакалейном магазине. Не знаю, что она делала днем.

Террелл продолжал задавать вопрос за вопросом, но так ни на шаг и не приблизился к Пятому, как он его окрестил.

Наконец он достал из ящика стола баночку крема «Диана», который Лана получила от Мейски.

— Терри, вам знакомо вот это? Не вы дарили?

— Нет... что это?

— Крем для рук... стоит двадцать долларов.

— Нам и в голову не пришло бы выкладывать двадцать долларов за крем для рук,— искренне изумился Николс.

После его ухода Террелл положил баночку с кремом в пластиковый пакет и вызвал Макса Джейкоби.

— Немедленно передайте это в лабораторию.

Навстречу выходящему Джейкоби в кабинет влетел Хесс.

— Это тот самый грузовик. Мы нашли в одном из проулков рекламные щиты Ай-би-эм,— выпалил он, в изнеможении падая на стул.— Убитого звали Эрни Лидбитер, студент. Теперь хоть что-то есть на Пятого. Там четкие отпечатки подошв, над ними сейчас колдуют эксперты. Нам известно, что на месте убийства у него была запаркована машина. Он приехал туда на грузовике, перенес деньги в легковой автомобиль.

Он извлек из пластикового пакета три пятисотдолларовых банкнота.

— Это валялось возле грузовика.

Террелл взял их в руки.

— Попробуй установить принадлежность грузовика, Фред. Возьми столько людей, сколько считаешь нужным. Это сейчас главное.

Хесс ушел, а Террелл отправил банкноты в лабораторию. Часа через два ему позвонил начальник лаборатории Черч.

— Шеф, крем для рук начинен впитывающимся составом мышьяка. Смертельный исход гарантирован. Отпечатки пальцев на баночке только ее. Коечто интересное дали следы ботинок; у этого человека хрупкое телосложение, весит примерно сто двенадцать фунтов, чуть косолапая походка, немолод... от пятидесяти до шестидесяти... в этом роде. Он с невероятным трудом вытащил коробку из грузовика, так что осмелюсь назвать его тщедушным. Это что-нибудь дает вам?

— Отлично... что еще?

— Теперь те пятисотдолларовые банкноты. Все они помечены невидимыми чернилами, которые проявляются при инфракрасном облучении. Я переговорил с Гарри Льюисом, и он сказал, что у него была тысяча таких банкнотов, пометили для пробы. Все они исчезли... так что, если ваш грабитель начнет тратить деньги, мы можем напасть на его след.

— Побыстрей пришлите мне отчет,— сказал Террелл.— И спасибо.

Джек Перри скончался в начале восьмого, не приходя в сознание. Миш, с тревогой наблюдавший за ним на протяжении последнего часа, увидел, как у Перри безвольно отвис подбородок. Миш растолкал Чандлера.

Промычав себе под нос, Чандлер открыл глаза, но при виде Миша тотчас очнулся и сел на кровати.

— Он кончился,— сказал Миш.— Пойдем... его надо быстрей закопать.

Чандлер спал в брюках и рубашке. Он свесил ноги на пол и, тихонько простонав спросонья, вдел их в туфли.

— Где?

— Прямо у дома. Песок мягкий,— ответил Миш.— Еще рано. Успеем, коли повезет, но надо поторопиться.

Чандлер сунул голову под струю холодной воды, а Миш вышел из дома и заглянул в гараж. Там он разыскал лопату с длинным черенком. После похождил вокруг, утопая в мягком песке, присмотрел место под пальмой и начал копать.

К приходу Чандлера могила была наполовину готова, и Миш запыхался. Чандлер взял у него лопату и, быстро орудуя ею, выкопал еще столько же...

Через двадцать минут они разровняли песок и вернулись в дом.

— Как думаешь, она вправду придет или пошутила? — спросил Миш, стягивая с себя почерневшую от пота рубаху.

— Придет, только не раньше десяти. Я иду спать... сил нет.

Коллинз принял душ. Ему до смерти хотелось кофе. Он закурил последнюю сигарету, надел рубаху и брюки и вернулся в гостиную. Некоторое время ушло на то, чтобы прибрать комнату. Наконец исчезли последние признаки короткого пребывания Перри, которые могли бы вызвать подозрение. Тогда он улегся на диване и попробовал отдохнуть.

В половине восьмого Коллинз включил радио, чтобы послушать новости. Тут ему сообщили о смерти Уоша, и он с сожалением покачал головой. Снова передали приметы трех грабителей, и Миш раздраженно выключил радио. «Вот влипли,— подумал он.— А где же Мейски?» Миш был уверен, что тот никак не мог проскочить через посты на дорогах. Падло! Миш сжал свои кулачищи. Наверняка Мейски замышлял это с самого начала и приискал себе надежное убежище.

Почти в половине одиннадцатого возле бунгало остановилась потрепанная малолитражка.

И Чандлер, и Миш с нетерпением ждали, стоя у окна за грязными занавесками.

— Это она? — спросил Миш.

— Да,— ответил Чандлер.— Иди-ка в спальню, Миш. Я поговорю с ней. Мало ли что.

Чандлер отпер входную дверь, а Лолита тем временем подошла к дому. Она остановилась, оглядела его и нахмурилась. Чандлер был не в лучшем виде. Его небритое, потное, напряженное лицо напугало девушку.

— Привет, детка,— сказал он.— Ох, до чего ж я рад тебе! — Он вышел к ней навстречу и взял под локти.— Извини, что я такой помятый... Ты принесла, о чем я просил?

— Все в машине. Что случилось, Джесс? Это твой дом?

— Давай занесем покупки, а потом поговорим. Слушай, детка, поставь машину в гараж, а?

— Пусть стоит здесь, Джесс. Я ненадолго.

— Лучше убери, детка,— занервничал Чандлер.

Лолита загнала машину в гараж, вернулась к дому и вошла.

— Я здесь, детка,— донесся из кухни голос Чандлера.

Лолита прошла на кухню.

— Радость моя, свари кофе... я не знаю, что сделаю, если не выпью чашку кофе.— Он нашел безопасную бритву и крем для бритья.— Пойду побреюсь. А после поговорим.

Побрившись, Чандлер заглянул в спальню и отдал бритву и крем Коллинзу.

— Через пять минут я тебя позову,— бросил он вполголоса и вернулся на кухню.

Лолита наливала кофе.

— Божественный запах,— сказал Чандлер, беря чашку. Он отхлебнул, вздохнул с облегчением, еще отхлебнул, затем распечатал привезенные Лолитой сигареты и закурил.

— Что происходит, Джесс?

— Неприятности с полицией,— спокойно произнес Чандлер.— Мы с приятелем влипли в мерзкую историю.

Она налила себе кофе, потом присела на край стола, спросила:

— Казино — ваша работа?

— Точно. Там сорвалось. Тип, который все устроил, наколол нас. Ты по радио слышала?

— Да. Я догадалась, что речь о тебе.

— Ты догадалась... и все-таки пришла?

— Такой уж уродилась дурехой.— Она горько улыбнулась.— Похоже, Джесс, ты слегка вскружил мне голову.

Он поставил чашку, подошел к ней и крепко обнял.

— Ты не пожалеешь,— вымолвил он и поцеловал ее.— Не исключено, что мы еще найдем того типа, который надул нас. Деньги у него. Если найдем, тогда мы с тобой соберем манатки и отправимся вместе смотреть мир.

— Да? — улыбнулась она.— Не будем загадывать. Есть хочешь?

— Я точно хочу,— раздался с порога голос Коллинза.

Лолита бросила быстрый взгляд на него, потом на Чандлера.

— Это мой приятель Миш Коллинз,— сказал Чандлер.— Заходи, выпей кофе... вкусный. Это Лолита.

— Я всегда говорил, у Джесса губа не дура,— произнес Миш, пожимая руку Лолите.— Вы что-то говорили про еду?

— Яичницу с ветчиной?

— Объедение!

— Мне негде развернуться. Может, освободите помещение? Я быстренько.

Они с Мишем пошли допивать кофе в гостиную.

— Она знает? — спросил Миш, как только затворилась дверь.

Чандлер кивнул.

— За нас ведь назначат вознаграждение,— сказал Миш.— Думаешь, ей можно доверять?

— А у нас есть выбор? — Чандлер подошел к окну и выглянул на улицу.— Раз уж мы застряли здесь, нам нужна еда. Лолита для нас — единственный источник существования.

— Я тебе не сказал... Уоша подстрелили... насмерть.

Чандлер не обернулся, только ссутулился.

— А этот мерзавец... Ну, бог даст, он нам еще попадется.

— Думаешь? Я бы на это не слишком рассчитывал. Он парень не промах. Чует мое сердце, не видать нам ни его, ни денежек.

Чандлер пожал плечами и решительно вышел из комнаты. На кухне Лолита стояла над сковородой с яичницей из шести яиц.

— Я тут подумал,— сказал Чандлер,— зря я втянул тебя в эту историю. Если нас возьмут, ты загремишь как сообщница.

— Я знаю, что глупа. Я же сказала... я к тебе неравнодушна. Вы ведь не можете жить здесь без моей помощи.

Он нагнулся и поцеловал ее в шею.

— Я постараюсь возместить ущерб, детка.

Она принялась раскладывать яичницу с ветчиной по тарелкам.

— Мне, наверное, надо поселиться с вами, да? Ведь если кто-то придет, вы даже не сможете открыть дверь, верно? У тебя есть деньги?

Он вытащил пачку пятерок и отсчитал пятьдесят долларов.

— Ты ищешь приключений на свою голову, детка,— предупредил он.

— Голова-то моя.— Она похлопала его по плечу.— Я скоро.

Чандлер отнес тарелки с едой в гостиную. Миш стоял у окна, наблюдая, как Лолита садится в машину.

— Иди есть,— позвал его Чандлер.

— Уехала?

— Вернется. Она за вещами... к нам переезжает.

— Ой ли,— усомнился Миш, подвигая себе стул и усаживаясь.

— Говорю, вернется.

Они жадно набросились на еду, и вдруг Миш сказал:

— Я ни на что не рассчитываю, Джесс. Нам не выпутаться из этого переплета.

Чандлер продолжал уписывать яичницу.

— Надежды, конечно, мало, но все-таки шанс есть,— ответил он.

Миш ухмыльнулся.

— А готовить она умеет, да? Не воркует ли она сейчас с фараоном?

Чандлер отодвинул от себя пустую тарелку.

— Кофе хочешь?

— От кофе я никогда не откажусь.

Чандлер ушел на кухню. Миш потер себе загривок, вытряхнул из пачки сигарету и закурил.

Когда Чандлер принес кофе, Миш сидел, вперив потухший взор в пустоту, и размышлял, что же будет с ними дальше.

Перевел с английского А. ЛЕЩИНСКИЙ.

Продолжение следует.

Как-то Анна Андреевна Ахматова вспоминала о своем визите к известному теоретику и практику «научной поэзии» Рене Гилю. Было это в Париже в начале десятых годов.

«Была такая мертвая, пустынная тоска,— заметила Ахматова,— что в другой раз уж я этим приглашением пренебрегла».

И действительно — что такое научная поэзия? Трактует ли она на общепоэтическом языке научные проблемы, занимается ли разработкой специальных филологических и литературоведческих научных вопросов? Не знаю. Ответа нет. В русском варианте она не удалась. Ею пробовали заниматься талантливые люди, даже большие поэты — Валерий Брюсов, Алексей Гастев и — безрезультатно.

Другое дело, может ли ученый быть поэтом...

Владимир Захаров родился в Казани. Окончил физический факультет Новосибирского университета. Физик и математик. Член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственной премии.

Пишет стихи более двадцати лет.

Владимир Леви — известный психолог и психотерапевт, автор таких популярных книг по вопросам психологии, как «Искусство быть собой», «Разговор в письмах», «Нестандартный ребенок», «Везет же людям...».

Захаров и Леви совершенно непохожие поэты, объединяет их только то, что, не считая стихи главным делом своей жизни, они тем не менее вполне заслужили внутрицеховое признание. Может быть, и читателям «Огонька» понравятся эти стихи.

Евгений РЕЙН

ЗАЛИВЫ НЕБА

Владимир ЗАХАРОВ

ПЕРЕД НЕБОМ

Перед небом, перед небом многоцветным,
Рассыпающим полотна грозовые,
Желтым, розовым, лиловым и бессмертным,
Я стою, ошеломленный, как впервые.

Перед небом, перед куполом зажженным,
В стеклах зданий беспечально отраженным,
Небом вечера, сияющим, как в раме,
Над домами и над чахлыми кустами.

Дождь окончился, деревья подсыхают,
Пыль прибита, рельсы светятся стальные.
Храм небесный! Пусть твой свет не иссякает!
Дай нам милость эту, дай и остальные!

Посмотри с твоих высот на мир юдольный,
Видишь, город, вьется улица живая,
Видишь, юноша идет удалый, вольный,
Как он спрыгнул с убежавшего трамвая!

Посмотри, вот он идет, как Ванька-Каин,
Буйно волосы откинувши на спину,
Чтоб красавицам понравиться с окраин,
Много лампочек нашил он на штанину.

Он идет в простых мечтах из глуби дикой,
Вековечной силой юности играя,
И судьба страны, нелепой и великой,
Вся в руках его от края и до края.

И звенит его банальная гитара.
И голодная глядит с полей Церера,
Как взлетают над котельной клубы пара,
Как идут домой рабочие с карьера.

СОВРЕМЕННАЯ БАЛЛАДА

Дедушка мой был веселый гебешник,
Много он душ погубил,
Батюшка пьяница мой был и грешник.
Матушку он разлюбил.

Матушка все по курортам хворала,
Вот я остался один,
Житель империи, внук генерала,
Всей суеты господин.

Что же спою вам? Про куколку-даму,
Ревность, и яд, и кинжал,
Яму страстей — эту страшную яму —
Как я ее избежал!

Или про тайные встречи на даче
Ждете услышать вы речь,
Про обреченность судьбе и удаче,
Про настигающий меч.

Про часового секрет механизма,
Но, улыбаясь с холста,
Я раскрываю секрет модернизма:
Прежде всего — пустота!

Жизнь для того и течет, как в романе,
Что и сейчас, и поздней
Будет царем на воздушном экране
Тот, кто взлетает над ней.

Тот лишь, кто служит забавному богу,
Изредка чувствуя страх,
Он и летает легко и помногу,
Как на воздушных шарах.

И рукоплещет галерка и ярус,
Весь просвещенный народ,
Глядя, как пышно наполненный парус
Всей суетою плывет.

Прямо из утренней свежести парка
Вдаль, в синеву, в белизну —
Это плывет погребальная барка
В город размером в страну.

Выше трамваев, закованных речек,
Пыли шоссейных дорог,
Видите,— там, наверху, человечек,
Многое он превозмог.

Как со своей высоты бесполезной,
Ветром туда занесен,
Он улыбается, умный, любезный,
Как кувыркается он,

Как он склоняет естественно спину,
Духом возвышен и нищ,
Прежде, чем ляжет в мертвую глину
Тесных московских кладбищ.

1981

ОДУВАНЧИКИ

Утром город во власти ворон,
Утром неба заливы велики,
Тишине причиняют урон
Их надменные хриплые крики.

Но улегся тоскующий прах,
И заснули, как люди, неловки,
На газонах и на пустырях
Одуванчики, склеив головки.

Их часы сочтены, сочтены.
Ночью дождь был, и сырость сочится,
И нельзя разглядеть седины,
Что под ветром должна расточиться!

Спи в домах, человечья трава,
Улыбайся, встречайся, прощайся,
А потом — не помогут слова —
В одуванчики вся превращайся!

Для себя напоследок отмыв,
Самолетному небу открытый,
Этот скудный бетонный залив,
Первым утренним светом залитый.

1988

Владимир ЛЕВИ

SAPIENS

Я есмь
не знающий последствий
слепорожденный инструмент,
машина безымянных бедствий,
фантом бессовестных легенд.
Поступок — бешеная птица.
Слова — отравленная снедь.
Нельзя, нельзя остановиться,
а пробудиться — это смерть.

Я есмь
сознание. Как только
уразумею, что творю,
взлечу в хохочущих осколках
и в адском пламени сгорю.

Я есмь
огонь вселенской муки,
пожар последнего стыда.
Мои обугленные руки
построят ваши города.

MEMENTO

Она так близко иногда. Она так вкрадчиво
твердa.
Посмотрит вверх. Посмотрит вниз. Ее букварь
составлен из одних шипящих.
Разлуки старшая сестра. Вдова погасшего
костра.
Ей бесконечно догорать. Ей интересно
выбирать неподходящих.
Пощупай там, пощупай здесь. Приткнись.
Под косточку залезь.
Там пустота, там чернота. Обхват змеиного
хвоста: не шевельнешься.
А если втянешься в глаза, вот в эти впадины
и за, то не вернешься.

ОТЦОВСКИЕ ВАРИАЦИИ

Рабство — это тепло,
из кастрюльки оно в твою жизнь потекло,
из бутылочки, из материнской груди,
из тюрьмы, где не ведал, что все впереди,
из темнейшей, теснейшей, теплейшей тюрьмы,
где рождаемся мы,
а свобода,
а свобода, сынок, холодна,
ни покрышки, ни дна,
а свобода...
Рабство — это еда,
это самое главное, хлеб и вода,
и забота одна, и во веки веков
одинаковы мысли людей и быков,
любит клетку орел, усмиряется лев,
поселяется в хлев,
а свобода,
а свобода, сынок, голодна,
ни еды, ни вина,
а свобода...

ЧЕРНОВИК

Я умер.
В предпоследний миг
вверху, над сердцем
прозвучало:
«Ты не готов. Ты черновик.
Все вычеркнуть. Начать сначала».

Проснулся в холоде. Река.
(Та самая.) И ночь. И лодка.
И чей-то зов издалека.
И неба жаждущая глотка.

Я вспомнил все. Была гора.
Была попытка.
Шумели ливни и ветра.
Ползла улитка.

Я вспомнил все. И я не смел
пошевелиться.
Я не успел. Я не сумел
осуществиться...

Я не сумел. Я не достиг,
Я отработан.
А мой убийца — беловик —
Смотрите: вот он.

ШАГ ВПЕРЕД?

ГЕННАДИЙ ИННОКЕНТЬЕВИЧ — ЭКОНОМИСТ, СЕКРЕТАРЬ ПЛАНОВОЙ И БЮДЖЕТНО-ФИНАНСОВОЙ КОМИССИИ СОВЕТА СОЮЗА. ИНТЕРЕСНЫ ЕГО СУЖДЕНИЯ ДЛЯ ВСЕХ, КТО ВНИМАТЕЛЬНО СЛЕДИЛ ЗА РАБОТОЙ ВТОРОГО СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР. В ЧЕМ ПРИЧИНЫ ПРОБУКСОВКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ, ПОЧЕМУ ТАК ТРУДНО ИДЕТ ПЕРЕСТРОЙКА, ЧЕГО ЖДАТЬ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИК? НЕ БРОСИТЬ ЛИ ВСЕ СИЛЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ НА РАЗРАБОТКУ НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕСТРОЙКИ, С УЧЕТОМ УДАЧ И НЕУДАЧ ЕЕ ПРОДВИЖЕНИЯ ЗА ПЯТЬ ЛЕТ? ИТАК, НАША ЖИЗНЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОНОМИСТА И ПАРЛАМЕНТАРИЯ.

Член Верховного Совета СССР Геннадий ФИЛЬШИН отвечает на вопросы нашего корреспондента Татьяны КАЛИНИНОЙ

— Реальное положение страны необходимо рассматривать с «поправками» на трагические события в Чернобыле, Нагорном Карабахе, с учетом шахтерских забастовок, блокады в Закавказье — все вместе это не могло не повлиять на развитие экономики. И тем не менее причины торможения я вижу в другом.

Смею утверждать: неудовлетворенность рождается самим процессом перестройки, характером решения экономических и социальных проблем. Корень зла, безусловно, лежит не столько в самой концепции перестройки, сколько в половинчатых действиях, недостаточной разработке механизма реализации намеченных реформ, как экономических, так и политических.

Это всегда было «слабым» местом нашей экономики, а в нестандартных условиях проявляется особенно болезненно и остро.

Всегда легче повторить то, что уже сделано вчера. И всякого рода изменения вызывают "разлаживание" под давлением, с одной стороны, инерционных сил, с другой — попыток изменить ситуацию сразу и радикально.

Во многих странах мира в послевоенный период, например, в ФРГ, Японии, при существенных изменениях в обществе проявилось терпение. Мы достаточно нетерпеливы. Но и это не главное. Начальный период перестройки раскрыл более глубокий характер кризисов — экономического и социального. И к ним еще добавился межнациональный. А в чем же тогда главное? Не было сформулировано, какие силы, какие слои населения будут реально продвигать вперед дело перестройки, при каких условиях. Казалось бы, она должна была немедленно получить массовую поддержку. И тогда за относительно короткий срок удалось бы сломать административно-командную систему, заменив ее системой, ориентированной на экономические рычаги управления хозяйством. Думалось, что этот болезненный процесс не вызовет ожесточенного сопротивления, а новую экономическую систему можно будет реализовать при взаимодействии прежних управленческих рычагов — центральных плановых и финансовых органов, министерств и ведомств с сегодняшним составом нашего правительства. Теперь ясно, что не учитывалось с самого начала — все эти организации во главе с правительством и привели нашу страну к кризису! Оказалось, что ни местные органы управления, ни сами предприятия, ни коллективы, мягко говоря, не готовы действовать в новых условиях, предоставленных реформой. Тем более что этих новых условий, по существу, нет: они лишь желательны!

— Иными словами, не произошло взвешивания сил перестройки — активных, пассивных, нейтральных, сочувствующих, противодействующих?

— Если бы это случилось, не было бы такого спора,— сохранять или нет производственные министерства? Сохранив их, хотя и численно уменьшив, с прежними функциями, правительство и Верховный Совет пошли на уникальную ситуацию — на сочетание несогласуемого. Разве возможно впрячь в единое целое «коня и трепетную лань» — функции министерств и самостоятельность предприятий? С их работой на рынок?

Фактически здесь как бы схлестнулись две тенденции.

На первом этапе при разработке Закона о предприятии и подготовки поправок к нему шла речь о том, что предприятия должны быть самостоятельными. Но с самого начала эта самостоятельность понималась по-разному. Кто хотел реальных изменений, сочли, что теперь предприятие подчиняется лишь Закону и договорным обязательствам. Но есть и другое понятие о самостоятельности предприятия, когда над ним создаются различные звенья управления. И вот предмет спора уходит в высшие эшелоны власти — заменять союзные органы административно-командной системы на республиканские или не заменять?

Такая несовместимость, отторжение одних форм управления другими, на мой взгляд, дестабилизируют сегодня экономическое положение страны. И не дают возможности работать на рынок, не стимулируют предприятия улучшать качество продукции, идти по пути технического прогресса.

— Еще в июне восемьдесят пятого года на совещании по научно-техническому прогрессу был рассмотрен главнейший фактор — технологическое обновление всего нашего хозяйства с выходом его на мировой уровень. Почему же к решениям этапного совещания ни правительство, ни Верховный Совет не возвращались ни разу?

— Сегодня разговоры о техническом прогрессе носят дежурный характер. Или его проблемы вообще замалчиваются. На мои настоятельные вопросы, почему все-таки проект плана и проект бюджета на 1990 год не предусматривают прорыва в этом отношении и как мы собираемся догонять развитые страны, мне ответили, что у нас, мол, «свой путь». Но какой путь может быть в отрыве от технического прогресса? Какое-то пещерное, вообще говоря, мышление. Мы, дескать, сначала накормим народ! Насытим рынок, а потом уже займемся техническим прогрессом. А я не представляю, как можно накормить население, обеспечить его товарами высокого качества без технологического прогресса во всех областях? Вдумайтесь в цифры: в Сибири, например, сегодня технологии, которые соответствуют мировому уровню в обрабатывающей промышленности, составляют 6—8 процентов, а в отдельных регионах только 4—5 процентов, в горнодобывающей промышленности — менее четырех процентов. Хуже того, лишь одна десятая наших научно-технических разработок соответствует требованиям мирового уровня. Девять десятых не соответствуют — и это в проектах!

Сегодня сложилась такая своеобразная ситуация — с одной стороны, огромное количество оборудования лежит у заборов долгостроев, в том числе импортного; с другой — нечем перевооружать действующие предприятия. Да и предприятия сегодня мало восприимчивы к техническому прогрессу. Причина — тот же монополизм, тот же диктат производителя над потребителем. И старая система фондового распределения, при которой не дают того, что необходимо, а навязывают что «бог послал».

Пока мы не создадим обстановку состязательности при реализации продукции, мы не преодолеем круговую оборону предприятий и министерств, которые, кстати, свое восстановление после упразднения совнархозов оправдывали именно заботой о научно-техническом прогрессе. Лжезаботой. А все потому, что у нас экономика поставлена с ног на голову. Во всем мире конкурируют производители, у нас — потребители! Но пока конкурируют потребители — жизни не будет. На цены, дефициты — на что угодно — монополия.

Некоторые предлагают срочно обратиться к законам рынка. На мой взгляд, сейчас рынок будет только черным и никаким другим. Беда в том, что давно деформирована сама структура народного хозяйства. Лишь четверть — даже меньше — в совокупном общественном продукте занимают товары народного потребления! Остальное — средства производства! Для того, чтобы производить средства производства... Самоедская система сталинской антиэкономики в чистом виде! И пока мы радикально, на государственной основе не перераспределим ресурсы — рынок не поможет... Поэтому надо проблемы рынка в два этапа решать.

Закупить товары, дать реальный приоритет предприятиям индустрии потребления, переоснастить их технически за счет импортного оборудования. Отобрать заводы у министерств! Ибо они ничего не смогли сделать в отведенное им историческое время.

— А справятся ли наши рабочие с импортным оборудованием?

— Вы знаете, я против таких сомнений. И не согласен с Леонидом Ивановичем Абалкиным, что надо, мол, нам еще лет двадцать пять, чтобы нынешнее наше мышление стало современным. Измените ситуацию — изменится сознание! Что у нас, люди слабоумные, что ли? Да, у нас низкая производительность труда. Но вот мы как-то в этом отношении сопоставили Восточную Сибирь с Канадой. И получилось, что производительность труда у нас действительно в два раза меньше, но меньше и фондооснащенность в четыре-пять раз! Представляете?

Значит, наш рабочий вкалывает, а вот оснащен он никак! Например, наше гражданское машиностроение не

Рисунок Андрея ВАНСОВИЧА

перевооружается уже четверть века. И теперь ждут чего-то... Хотя провозглашено, что основная часть инвестиций должна пойти на техническое переоснащение и реконструкцию действующих предприятий. Эффективность такой структурной перестройки не вызывает сомнения, да где она? Провозгласили и не реализовали! Почему? Потому что министерствам и ведомствам выгоднее новостройки. Неуправляемая экономика!

Весь цивилизованный мир идет по совершенно другому пути: заменяет «начинку», но не строит здания. Сегодня технический уровень любой страны можно определить по удельному весу средств, вложенных на техническое переоснащение: в Англии — 75 процентов, примерно такие же показатели в США и Японии от всех инвестиций производственного назначения.

А сколько у нас? В Сибири — 30 процентов и 40 процентов — в среднем по стране. Вот где проблема!

Вдумайтесь, что такое новые технологии? Это и производительность труда, и экология, и конкурентоспособность на внешних рынках. И — зарплата. Это жизнь!

— Экономика не только предприятия, но и города, села, поселка, где решаются или не решаются социальные вопросы. И разве вопросы эффективности хозяйства могут быть решены без социальной переориентации экономики?

— Вы хотите сказать, что пора дать местным властям, городам и селам реальную свободу? Вместо того чтобы сосредоточить усилия на раскрепощении именно этих ключевых звеньев в экономике страны, центр тяжести наших дискуссий в Верховном Совете иногда как бы перемещается. Да, важные вопросы о федерации и конфедерации, взаимодействии между республиками — ничего не скажешь! Но и они могут быть решены только при реальной свободе этих живых клеток системы.

— Значит, и тут иллюзия самоуправления?

— Провозгласить его провозгласили, а в жизни?.. Явно переоценивается заинтересованность управленческого аппарата в преобразованиях: наиболее агрессивно эти силы проявили себя при проработке проекта плана и бюджета на 1990 год. Отчетливо проявилась приверженность центральных плановых и финансовых органов, министерств-ведомств, по сути дела, **правительства** не только к старым методам, но и нежелание искать новые методы воздействия на первичные звенья. А провозглашены-то они были еще в самом начале перестройки!

Обратите внимание, дискуссия по этим проблемам как бы обходит стороной вопросы: какие новые функции должны выполнять союзные органы, а какие — республиканские? Какие Госплан СССР и Минфин СССР?

— Разве об этом не говорится?

— В столь общей форме, что не позволяет проконтролировать суть диалога даже со стороны нашей Комиссии Верховного Совета.

Госплан, как бы выпустив бразды правления из своих рук, имеет еще и дополнительную возможность «оправдания». У нас всегда тратилось больше времени на объяснение неудач, чем на создание реальных предпосылок избежать их! Мол, такие-сякие предприятия, они проявляют групповой эгоизм! Не реагируют на управленческие воздействия центра и т. п. Мы, дескать, передали бразды правления предприятиям — получайте результаты: рост цен, низкое качество продукции, договорные цены, рост зарплаты без соответствующего подкрепления ростом производительности труда.

— Выходит, что позиция Госплана чуть ли не сторонняя?

— О том, что Госплан СССР не выполняет своих функций, можно проследить даже по официальным документам. Еще в 1985 году было совершенно ясно, по каким направлениям должна строиться новая структурная политика. Главное — социальная переориентация экономики. Но что значит переориентация? Тем более радикальное изменение в структуре народного хозяйства? Структурные сдвиги обеспечить можно, лишь радикально изменив распределение инвестиций (капиталовложений) и материально-технических ресурсов между отраслями. На деле социальная переориентация сегодня блокируется. Легкая и пищевая промышленность, производство товаров народного потребления из-за их слабой материально-технической базы оказались неспособными реагировать ни на спрос рынка, ни на увеличивающиеся доходы населения...

Но когда мы говорим о «безудержном росте» заработной платы, мы должны себе хорошо представлять, что изменения в экономике и должны сопровождаться именно увеличением заработной платы! Но чтобы мы кому-то переплатили?! Это, как говорят дети, «фиг с маслом». Наша средняя заработная плата, скажем, двести рублей, но она в восемь — десять раз ниже, чем в развитых странах Европы, Северной Америки или Японии! Ниже...

У нас сложился уникально низкий удельный вес ассигнований в индустрию потребления: группа «Б» — четыре-пять процентов. Этого не было даже в предвоенном сороковом году, когда, казалось, мы все бросали на оборону, он составлял почти шесть процентов. Доля эта считалась крайне низкой и временной.

Никаких серьезных структурных сдвигов за годы перестройки не произошло! И в 1989 году удельный вес инвестиций в индустрию для народа составил менее пяти процентов.

Почему Госплан и другие ведомства за пять лет перестройки не смогли обеспечить главного направления перераспределения ресурсов? Не смогли или не посчитали необходимым? Ответа нет...

А ведь нужно было удвоить, утроить удельный вес ассигнований в индустрию потребления! Все для человека!

— По такому пути шли страны Западной Европы и Япония?

— Да, но эти страны не имели такой деформированной экономики, как наша. Многолетняя экономия на индустрии, обеспечивающей потребности человека, привела к деформации совокупного общественного продукта и материально-технической базы. Для того, чтобы это положение исправил рынок, потребуется не одно пятилетие! Но это произойдет!..

И, может быть, надо было идти по этому пути. Но опасно — недостаточно регулируемый рынок ведет к безудержному росту цен, вымыванию дешевых товаров, к социальной нестабильности в обществе, и прежде всего сказывается на тех людях, которые и так находятся «за чертой бедности». Пока на рынке конкурируют потребители, а не производители, ни о качестве продукции, ни о сбалансированности, ни о ценах, доступных для народа, не может быть и речи! Эта конкуренция ведет не только к развалу общества, но она главное звено государственного монополизма, который неизбежно ведет к росту цен и низкому качеству продукции.

Сейчас нам надо любыми средствами, открывая любые шлюзы, создать на потребительском рынке относительно избыточные мощности.

— Но этот процесс должен, по-видимому, сопровождаться принятием соответствующего законодательства?

— Безусловно. И от распределения мы должны наконец перейти к реальной торговле. К рынку. Но с этим вроде бы все согласны...

— Тогда вопрос: когда это произойдет?

— Дело в том, что и поправки к плану 1990 года не носят радикального характера; мертворожденная пятилетка по-прежнему держит за горло живых. И со ссылками на нее самоедский характер нашего хозяйства продолжает сохраняться. Я бы сказал, заботливо сохраняться.

И когда же мы наконец поймем, что самое эффективное вложение — это вложение в человека!

— Скажите, пожалуйста, как же мы жили все эти годы? Да еще при условии снижения мировых цен на нефть и газ — основные статьи экспорта? Каким образом правительству удавалось решать непрерывно возникающие проблемы?

— Ну, тут сработала наша система — старая! Правительство брало в долг не обеспеченные товарами и услугами деньги у Банка, который подведомствен... правительству. А ведь на самом деле Банк должен быть абсолютно самостоятельной организацией! И на первом этапе перехода к самостоятельности Верховный Совет мог взять бы под свою защиту Банк. И тогда правительству, прежде чем залезть в карман Банку, пришлось бы доказать народным депутатам необходимость затрат и раскрыть все последствия, к которым они приведут...

Знаменательно и другое: залезть в карман Банку показалось настолько удобным, что и в проекте плана на 1990 год снова предусматриваются беспрецедентные масштабы государственного долга, финансового дефицита! Да, появился еще один дестабилизирующий фактор — неудовлетворительная финансовая политика. С одной стороны, неумелое использование новых рычагов, с другой — возрастающее сопротивление старых элементов хозяйствования. Пересечение старого и нового создает хаос.

— Где же застревают деньги, если так неотвратимо растет государственный долг? Возможно ли было избежать такого чрезмерного напряжения в финансовом хозяйстве страны?

— Безусловно, было возможно. Для чего, например, в проекте бюджета на 1990 год правительство предложило использовать 83 миллиарда на так называемые централизованные, то есть бесплатные, капитальные вложения во многом производственного назначения? Известно, что бесплатные инвестиции ведут к неэффективному их использованию. Начинать новостройки, да еще при остаточной сметной стоимости уже начатого строительства в 410 миллиардов рублей — буквально самоубийственная политика!

— Но она все равно проводится?

— Все равно проводится — под давлением министерств и ведомств. А предложение Комиссий и Комитетов Верховного Совета о ревизии по определенным критериям строек, особенно крупных, так и не реализовано... Кому будет нужна продукция этих строек, если даже при средних сроках строительства они войдут в строй в середине девяностых годов? Не лучше ли сегодня тщательно разобраться в них? Попытаться реализовать уже затраченные материальные ценности? Или законсервировать их? Пока не будет отработана технология завтрашнего дня?

Поразительна тяга высших эшелонов управления к отраслям тяжелой индустрии! И в то же время остается лишь в декларациях объявленный приоритетным аграрно-промышленный комплекс, а также индустрия потребления, социальное строительство!..

Вот небольшой пример. Приехал ко мне директор Иркутского кабельного завода и рассказал, что в госзаказ вошли только кабели большого сечения для... тяжелой индустрии и оборонной промышленности. А для производства «голого» провода для сельской электрификации Иркутский и Кировский кабельные заводы вообще не получили ни одной тонны алюминия, хотя должны выпустить в 1990 году две трети этого провода для сел. Нет для села ни труб малого сечения, ни проводов. Чего же мы ждем, если заранее закладывается в план то, что не будет выполнено?

Я рассказал об этом Аркадию Филимоновичу Вепреву, председателю Комитета Верховного Совета СССР по аграрным вопросам и продовольствию, и он спросил меня, не знаю ли я, где еще в мире происходят такого рода «сюрпризы», когда объявляют одно, думают другое, а делают третье?

— Как можно оценить при таком бюджете ситуацию в 1990 году?

— Сама методология формирования плана и бюджета взята из застойных времен. Под нереалистичный план «верстается» бюджет, как нечто производное от него. А надо по одежке протягивать ножки. Исходя из бюджета формировать план... И поскольку план не ориентируется на главные факторы экономического роста, он уже по своей сути обречен на провал. Думаю, что правительство недооценивает серьезности обстановки. Скажем, многие показатели, которые были представлены Верховному Совету для обсуждения, заведомо нереализуемы. И это знали прекрасно те, кто представлял их.

Только один пример из многих. В плане предусмотрены в семь раз более высокие темпы снижения материалоемкости продукции по сравнению со средними показателями, достигнутыми за четыре предыдущих года. Причем без каких-либо обоснований, почему это вдруг случится. Или увеличение темпов снижения энергоемкости национального дохода в три раза...

Но ведь для того, чтобы в семь раз ускорить темпы снижения материалоемкости, надо было еще с восемьдесят пятого года проводить политику, направленную на ресурсосбережение, разработать и, главное, реализовать программу энергосбережения. Так за счет чего же произойдет чудо?

А ведь наиглавнейшая задача сегодня — обеспечить новую экономическую среду для заинтересованности самостоятельных предприятий и самоуправляемых регионов в создании мощностей индустрии потребления и интенсивной работы на рынок, на качество продукции. Вместо этого ведутся арифметические игры с показателями, знаменитое планирование «от достигнутого».

План и бюджет, разработанные правительством, даже после серьезных коррективов в Верховном Совете, все еще не содержат существенных структурных сдвигов. Я думаю, что они были бы возможны, если бы Верховный Совет проявил необходимую требовательность и компетентность, отклонив проект плана и бюджета.

Второй Съезд рассмотрел чрезвычайные меры по выходу страны из экономического кризиса. При этом была возможность, чтобы Съезд пересмотрел план и бюджет. К сожалению, этого не было сделано, и во многом из-за состава депутатов...

— Какая часть народных депутатов СССР избрана, по вашему мнению, на демократической основе?

— Возможно, третья часть или чуть больше. Я не говорю уже о том, что все должны быть избраны на демократической основе. Но в Верховном Совете сейчас примерно половина людей, которые не прошли оценки избирателей, не имели ни программ, ни поступков, заслуживающих их доверия. И сегодня они оказались в непривычной обстановке. Присутствовать «при сем», я вам скажу, ситуация достаточно дискомфортная.

Мне известно, что многие депутаты готовы подать заявления об о т с т а в к е, и каждый по своей причине: одни плохо ориентируются в решаемых проблемах, нагрузка огромная, компетентность должна быть высокой; другие, скажем, не могут расстаться со своей основной работой, у третьих — семейные обстоятельства...

Надо бы принять отставку тех депутатов, членов Верховного Совета, которые готовы сложить полномочия. И не надо этого бояться. А на Съезде по непонятным причинам было отвергнуто предложение о развернутом анализе работы Верховного Совета. Сделать же это было необходимо, чтобы не только провести досрочную ротацию, но и ввести в состав Верховного Совета наиболее активных и профессионально подготовленных депутатов!

Законодательная власть в стране должна быть сконцентрирована в лице только Верховного Совета! А Съезду при этом определить лишь утвердительную роль по законам уже после всестороннего обсуждения на высоком форуме народных представителей. Или по принятию каких-то особо важных стратегических постановлений, имеющих общенародное значение.

— Удачен ли, на ваш взгляд, выбор руководителей Комитетов и Комиссий Верховного Совета?

— Здесь та же самая ситуация. По сути дела, «выбор» провел аппарат «сверху», и во многих случаях в руководстве Комитетами и Комиссиями — бывшие аппаратные работники — председатели облисполкомов, секретари обкомов. Как всегда, была запущена «машина голосования». Сейчас пытаются «распределить роли» в Комитетах и Комиссиях посредством оплаты. Я не говорю, что не надо оплачивать высококвалифицированный напряженный труд...

— Велика ли разница в оплате, скажем, члена Верховного Совета и председателя Комиссии?

— Значительная. Иерархическая лестница вместо того, чтобы во всем подчеркивать равенство народных депутатов перед избирателями и Законом, служит цели — управлять «сверху» Комиссиями и Комитетами, сделать их «удобными».

Не получает должной отдачи огромная работа экспертов, которые готовы денно и нощно трудиться, как говорится, на безвозмездной основе, бесплатно, лишь бы обеспечить сдвиги в народном хозяйстве.

Такая обстановка. Она уводит наше правительство от реальной критики. На мой взгляд, при такой обстановке теряется идея равновесия. И чем мы больше будем жалеть правительство — тем хуже будут наши дела...

— Была ли реальная возможность принять на Съезде Законы о земле и собственности?

— С муками был подготовлен проект Закона о земле. Надо скорее дать крестьянину веру, что он является собственником земли. И что она останется после него его детям. А раскулачивания не будет!.. И коллективизации насильственной больше никогда не будет!..

Вполне возможно было к началу работы Съезда завершить обсуждение Законов о собственности, земле, аренде. Можно было создать и Комиссию Верховного Совета — и такое предложение было! — для проверки общественного мнения по этим законам, включая протоколы обсуждения, чтобы избежать, прямо скажем, подозрительной формулировки «подавляющее большинство». Надеюсь, что февральская сессия сможет их быстро обсудить.

Эти законы надо принимать! Пусть даже в муках! Давать им скорее жизнь, чтобы экономическая среда страны уже наступившего года действительно радикально бы изменилась...

— В своем выступлении на Съезде вы обосновали, и не без поддержки огромного зала, неприятие Программы правительства по выходу из экономического кризиса. Но Программа принята, и это факт, не считаться с которым нельзя. Что же тогда нас ожидает в ближайшем будущем?

— Я не пророк. Но слишком хорошо знаю, как часто пятилетние планы служили лишь средством отвлечения от трудностей дня текущего. И на I Съезде было предложение заняться не «проработкой» пятилетки, а действительно программой выхода в течение двух лет — 1990-го и 1991-го — страны из кризиса, а 1990 год считать не завершением мертворожденной пятилетки, а началом реального, а не мифического сдвига экономики в социальную сферу с прорывом в научно-техническом отношении.

Что у нас требует самых чрезвычайных мер? Потребительский рынок. Разваливающийся. И чтобы поправить дела сегодня, а особенно завтра, нужно изменить само отношение к потребительскому сектору. Нельзя нам постоянно надеяться на ввоз продукции из-за рубежа.

Надеюсь, что все-таки будет правильно оценена, я бы сказал, драматичность экономической обстановки в стране и правительство вместе с радикально настроенными народными депутатами сядет за «круглый стол» переговоров, чтобы выработать меры по радикальной корректировке Программы с точки зрения именно тех количественных показателей и соотношений, о которых я говорил. И что на самом деле будет создана группа независимых экспертов для оценки работы правительства уже по итогам первого квартала 1990 года.

Если же принятая на Съезде Программа станет реализовываться без этих коррективов, то, на мой взгляд, можно ожидать только углубления кризиса. Но так хочется верить, что здравый смысл все-таки победит.

— Ваша оценка работы Съезда?

— Думаю, что аппарат «перестарался» в период подготовки к нему в своей боязни обсуждения серьезных и злободневных вопросов. И это определенным образом дискредитировало Съезд в глазах избирателей, особенно по голосованию в отношении 6-й статьи Конституции СССР.

Но исключительно плодотворной оказалась работа комиссий, созданных на I Съезде! Например, по договору от 1939 г. Кажется, это первое и всестороннее осуждение сталинизма на таком высоком государственном уровне!

Категорически осуждено не только применение насилия армией и экстремистами в трагических тбилисских событиях, но и партийная монополия, безответственность высших партийных органов за принимаемые решения, касающиеся судеб и жизни людей. Трудно представить, что Верховный Совет в этой ситуации допустил бы такой поворот событий. И в афганском вопросе тоже...

Значит, все-таки Съезд — еще один шаг вперед в борьбе с политической монополией! Монополия эта — одна из причин кризисного состояния общества. Критическим становится и отставание процесса демократизации в партии от демократизации общества — так можно и оказаться на задворках политической жизни. А сегодняшняя ситуация в Польше, Венгрии, ГДР, Чехословакии должна быть для нас уроком! И не принять этот урок опасно!

Важнейшим положительным итогом Съезда считаю официально объявленную оппозицию, хотя и не все было удачно проведено. Но сама идея оппозиции — идея здоровая для политики равновесия. Оппозиция — составная часть любого демократического государства, но под защитой конституционного Закона!

Мы слишком долго отмахивались от провалов, именуя их «успехами». Имея достоверные источники информации, такие же, как и действующий кабинет, такая оппозиция может в любой момент правильно оценить деятельность правительства во всех сферах жизни, иметь право заслушать любые управленческие инстанции, внести конструктивные альтернативные предложения.

Поэтому я считаю создание оппозиции фактором даже более важным, чем многопартийность, о которой говорил и к которой призывал нас Андрей Дмитриевич Сахаров...

— Прошла эйфория первого этапа перестройки. Сегодня мы больше знаем, но меньше едины. Едины только разве в своем желании увидеть своими глазами, а не глазами своих детей и внуков гордую и богатую нашу страну, которая заслужила всей своей многострадальной историей быть именно такой, а не «страной рабов, страной господ». Но процессы, которые направлены на то, чтобы приблизить эту страну, как бы «застревают» на уровне «высших эшелонов».

Какова роль экономической науки во всем противоречии проблем и столкновений мнений?

— Меньше всего, мне думается, мы должны сегодня сосредоточивать свое внимание на преимуществах, скажем, социализма и со страхом оглядываться, не появляются ли элементы капитализма и т. д.

Одно из главных продвижений, которое было обеспечено в ходе перестройки,— это осознание примата общечеловеческих интересов и ценностей над всеми другими: национальными, партийными, классовыми. А из признания примата общечеловеческого над всем остальным неизбежен и плюрализм мнений, подходов к решению вопросов — то самое разнообразие суждений на пути к одной цели, за которое мы ратуем. Да и само это признание, пожалуй, центральное звено в демократизации.

Исключительно важно не торопиться отказываться из конъюнктурных соображений от тех принципов и приоритетов, которые были провозглашены на первом этапе перестройки,— а такое сегодня порой происходит! — хотя трудно найти человека, не заинтересованного в ее успешном проведении.

Думаю, что возвращение к временам застоя маловероятно, но топтание на месте, стабилизация и укрепление административно-командной системы, ее приспособление к условиям демократии вполне возможно.

А совместимо ли это? Не создаст ли это дополнительный кризис в и без того критической ситуации? Реальности стабилизации и укрепления административно-командной системы очевидны, и недооценивать их нельзя!

Может создаться такая обстановка, при которой требование «железной руки» овладеет сознанием масс. Ведь и хаос сегодня в стране частично создается искусственно с целью выработать аллергию на само понятие «перестройка» у человека. А дискредитация перестроечных процессов осуществляется настойчиво и стабильно.

— Что можно противопоставить такой политике?

— Сегодня — и я говорю это без преувеличения — решающим событием будут выборы в местные Советы, Верховные Советы республик и выборы на Съезд КПСС. Это я уже говорю как коммунист.

Пока в «высшем эшелоне» мы имеем лишь относительно небольшое звено, которое поддерживает прогрессивные силы общества в преобразованиях. Но представьте ситуацию, что выборы пройдут повсеместно на альтернативной основе, ориентированные только на избирателя, а не на помощь предвыборных собраний, обкома, горкома, райкома и т. д. И тогда не только возникнет реальная предпосылка для работы Верховного Совета, но и это звено «высшего эшелона» получит массовую поддержку на местах у тех, кто и принимает там решения,— в республиках, городах, селах, поселках. Тогда процесс реализации перестройки и перейдет туда, где он и должен происходить. А многие наши теоретические проблемы отпадут сами собой...

Поэтому выборы — сфера решения будущего перестройки!

И так, 4 января стартовала избирательная кампания по выборам народных депутатов РСФСР и местных Советов, куда будут избраны тысячи депутатов всех уровней. Они вольются свежей кровью в одряхлевшие жилы государства, они изменят судьбу России и ее народов. По крайней мере хочется в это верить.

— Тоталитарная система терпит крах! — убежденно говорил мне доктор философии Арсений Николаевич Чанышев в «горячем холодном декабре», на десятитысячном митинге у ВДНХ. «Анти-то-та-ли-тарии всех стран, соединяйтесь!» — скандировали мы вместе на морозе...

Ценность предстоящих выборов в том, что они призваны обновить не верхушку, но каждую клеточку Советской власти, вернуть страну и «всяк сущий в ней язык» в русло общечеловеческой цивилизации. Декларация прав человека, принятая в 1948 году Генеральной ассамблеей ООН — в том числе и нашей страной,— составляет философскую и юридическую основу этой цивилизации. Ассамблея провозгласила Декларацию в качестве задачи, но такой, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства.

Выбор, предстоящий избирателям РСФСР 4 марта, непрост. Но две формулы просвечивают сквозь все многообразие предвыборных платформ: «государство для человека» и «человек для государства». Разумеется, сторонники формулы № 2 не декларируют ее открыто, но именно эта формула, воплощающая имперское сознание, объединяет их. Не верите? Прочтите (лучше с карандашом в руках!) «Предвыборную платформу блока общественно-патриотических движений России», опубликованную в последнем, 52-м за 1989 год номере «Литературной России» и других изданиях.

Множество ассоциаций и обществ, вплоть до Фонда восстановления храма Христа Спасителя, подписались под этой платформой. Однако как-то не по-христиански звучат запугивания гражданской войной, откровенные призывы к пересмотру границ между республиками со ссылкой на «исконно принадлежащие» территории. «Территориальные границы России произвольно определены в 20-е годы и произвольно изменялись в последующие десятилетия,— говорится, например, в обращении ассоциации «Объединенный Совет России».— Их пересмотр — задача Верховного Совета России, необходимо, чтобы суверенитет был распространен на исконно принадлежащие России территории».

А если перевести этот пассаж на язык политики, становится ясно, что нам грозят десятками новых Карабахов... Пересмотром исторически сложившихся границ... Втягиванием в бесплодные дискуссии: «Чья Нарва?.. Чей Донбасс?.. Чей Северный Казахстан?..» «Углубляющийся политический кризис уже поставил под сомнение существование тысячелетней державы как социально-экономической и культурно-нравственной целостности» — это уже из предвыборной платформы «патриотов России». Можно ли это расценить иначе, как намеренное нагнетание страха? Так ли уж глубок кризис межнациональных отношений в республике, чтобы не осталось места для конструктивной перестройки?

Интересно, кто уполномочивал ас-

ПРОШУ СЛОВА

КТО ИДЕТ К ВЛАСТИ?

Эдмунд ИОДКОВСКИЙ

социацию «ОСР» говорить от имени всех россиян?

Будем объективны: опасность для России действительно существует, но исходит она прежде всего от людей сталинистского, имперского сознания, от шовинистов всех мастей, которым очень по душе ими же провоцируемые беспорядки.

Грешно в предвыборной платформе перефразировать Петра Аркадьевича Столыпина и утверждать в финальном лозунге: «Нам не нужны великие потрясения. Нам нужна Великая Советская Россия!» Наслышались мы этих призывов к величию... Но даже в шутливом студенческом плакате «Догоним и перегоним Африку!» смысла, кажется, куда больше, чем в призыве к территориальной перекройке российских границ.

«Люди мучились, оттачивали формулировки, а вы их вышучиваете!» — возмутятся некоторые читатели. Есть, бесспорно, в предвыборной платформе «патриотов России» и вполне приемлемые места. Я бы, например, подписался под всем, что касается экологии. Согласен и с мыслью о разграничении столиц СССР и России, если уж будет решено умножить чиновничество. Российское чиновничество пусть остается на берегах Москвы-реки, а всесоюзное, приближающееся к сотне тысяч, пусть подумывает о переселении на берега Невы или Волги. Или наоборот. И тогда канал «Добрый вечер, Москва!» будет транслировать заседания российского парламента, а ленинградское, скажем, или горьковское телевидение — Верховного Совета СССР... Или наоборот. Было бы что транслировать!

Кстати, о городе Горьком. Именно там, еще в ссылке, Андрей Дмитриевич Сахаров начал, видимо, обдумывать свой проект «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии». Опубликована эта незаконченная работа в последнем номере «Нового времени» за прошлый год и еще в нескольких изданиях. Вчитайтесь, с каким достоинством звучит, например, статья 13 сахаровского проекта:

«Союз не имеет никаких целей экспансии, агрессии и мессианства. Вооруженные силы строятся в соответствии с принципом оборонительной достаточности».

Или 15-я статья:

«В Союзе не допускаются действия каких-либо тайных служб охраны общественного и государственного порядка. Тайная деятельность за пределами страны ограничивается задачами разведки и контрразведки».

Сахаровская конституция чем-то напоминает Всеобщую декларацию прав человека. И там, и здесь речь идет не столько о сегодняшнем состоянии человеческого общества, сколько о задачах на ближайшее будущее. Об идеале, если хотите. Россия, возможно, еще не примет сегодня сахаровскую конституцию как руководство к действию. И тем не менее Конституционная комиссия, созданная первым Съездом народных депутатов СССР, еще не раз будет обращаться к политическому завещанию великого ученого.

Конституция, которую Андрей Дмитриевич не успел дописать, дает ключ и к решению такого болезненного вопроса, как границы между республиками, которые, по мысли Сахарова, «являются незыблемыми первые 10 лет после Учредительного Съезда. В дальнейшем изменение границ между республиками, объединение республик, разделение республик на меньшие части осуществляется в соответствии с волей населения республик и принципом самоопределения наций в ходе мирных переговоров с участием Центрального правительства».

То есть речь идет о *перезаключении* Договора 1922 года! Тогда и решится, сколько республик в соответствии с правом на самоопределение, которое никто не отменял, будет в нашем Союзе. Возможно, это произойдет к 1992 году, когда объединятся западноевропейские страны Общего рынка (но и в этом случае они будут уступать нам и по территории, и по количеству республик, входящих в Союз).

Сегодня чрезмерно оптимистичным выглядит пророчество о том, что России суждено стать самой яркой демократией Земли. А завтра?! Федерации, подобной СССР, «народу ста народов», по словам польского поэта Юлиана Тувима, больше нет нигде в мире. Это совершенно уникальное для нашей планеты государственное образование. Сохранить бы и упрочить нашу федерацию! Распада СССР можно избежать лишь при условии полной демократизации общественно-политической жизни народов, его населяющих.

Но вернемся к предвыборной платформе россиян. Не стоило бы спорить о частностях, если бы не один «идейный источник», из которого торчат все те же имперские уши. Утверждается (не без игры слов), что «затирание «белых пятен» истории до «черных дыр» направлено на то, чтобы внушить русским, всем советским людям стойкий комплекс неполноценности».

Постойте, где же все это уже читано? Кажется, недавно, минувшей весной... Да это ж цитата из С. Куняева, из его интервью «Вологодскому комсомольцу», где прелюдия к платформе была развернута без экивоков! «Мы живем в такое сложное, в такое драматическое время, когда наряду с силами созидания и творчества в нашем обществе подняли голову и во весь голос говорят о своих правах и другие силы: силы разрушения, разложения общества, силы, культивирующие распад нашего национального культурного и государственного бытия. Эти силы, скопившиеся во многих газетах и журналах («Огонек», «Московские новости», «Юность», «Московский комсомолец», «Знамя»), формируют у читателя, у общества, у народа многими своими публикациями комплексы национальной и государственной неполноценности. И культурной тоже. Если он сформируется — это самое страшное, что может произойти. Тогда народ из духовно-цельного, здорового и сознающего себя организма превратится в закомплексованную аморфную массу, в полуроботов, с которыми можно делать все что угодно, проводить любые социальные и экономические эксперименты. Осознав для себя эту опасность, я в последние годы сознательно сменил «поэтическое» перо на прозаическое...»

«Как же так, Станислав Юрьевич,— хочется ответить поэту,— зачем такие жертвы?» Все обстоит как раз наоборот: это при Сталине и Брежневе мы были «винтиками», полуроботами. Лишь сейчас превращаемся в здоровый, сознающий себя организм. Сознающий, между прочим, и опасные декларации ваших единомышленников в предвыборной платформе: «Россия всегда была и останется мировой державой!»

Декабрьский митинг у ВДНХ запомнился мне лозунгом «От империи — к союзу свободных народов». У этого лозунга есть будущее. Оно — за союзом свободных народов, решивших объединиться не только из-за экономической необходимости и культурной общности, но прежде всего в силу перспективы большей политической свободы.

* * *

Так кто же идет к власти? Не претендую на разговор обо всей Российской Федерации. Но вот меня выдвинули кандидатом в народные депутаты РСФСР по Кировскому территориальному избирательному округу № 21. Оглянулся — семь соперников! Кто они? За исключением двух еще молодых ученых, остальные — начальство. Ни одного рабочего, ни одной женщины. Предвыборные платформы прямо-таки перенасыщены пересказом экономической программы правительства, за которую проголосовал второй Съезд народных депутатов СССР. И ни слова — о правах человека. Как, впрочем, и в декларациях «патриотов России». Единственное, сквозь зубы, упоминание связано с «этническими выходцами из Советской России». «В случае дискриминации,— обещают нам,— Советская Россия окажет политическое и экономическое давление для защиты своих соотечественников и их интересов».

Но разве права человека важны только для «этнических выходцев»? Разве граждане и учреждения России не обязаны действовать в соответствии с принципами Декларации прав человека?

Юмор, отчасти горький, заключен в самой нумерации статей сахаровской конституции. В отличие от брежневской 6-я статья здесь звучит совершенно иначе: «Конституция Союза гарантирует гражданские права человека — свободу убеждений, свободу слова и информационного обмена, свободу религии, свободу ассоциаций, митингов и демонстраций, свободу эмиграции и возвращения в свою страну, свободу поездок за рубеж, свободу передвижения, выбора места проживания, работы и учебы в пределах страны, неприкосновенность жилища, свободу от произвольного ареста и не обоснованной медицинской необходимостью психиатрической госпитализации».

Андрей Дмитриевич, к счастью, не успел прочесть предвыборную платформу россиян. Легко представить, однако, как бы он реагировал на пункт о «политиканах», которые «развернули кампанию за легализацию частной собственности, фальшиво называя это «народизацией» средств производства, чтобы стать хозяевами страны»... Сахаров понимал, что атаки на собственность (от которой мы так прочно отвыкли, что и привыкнуть не в силах) есть явное нарушение Декларации прав человека. Ибо статья 17 этой Декларации, подписанной и Советским Союзом, гласит:

«1. Каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими.

2. Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества».

Как нам все же не хватает Андрея Дмитриевича в этой предвыборной борьбе... Как мог он помочь... Помощь нужна всем нам, кандидатам и избирателям, потому что делаем мы общее дело, которое куда важнее и значительнее любого из нас в отдельности.

РЕПОРТАЖ С НЕОБЫЧНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

ЗАВОД ПОД СЕНЬЮ ХРАМА

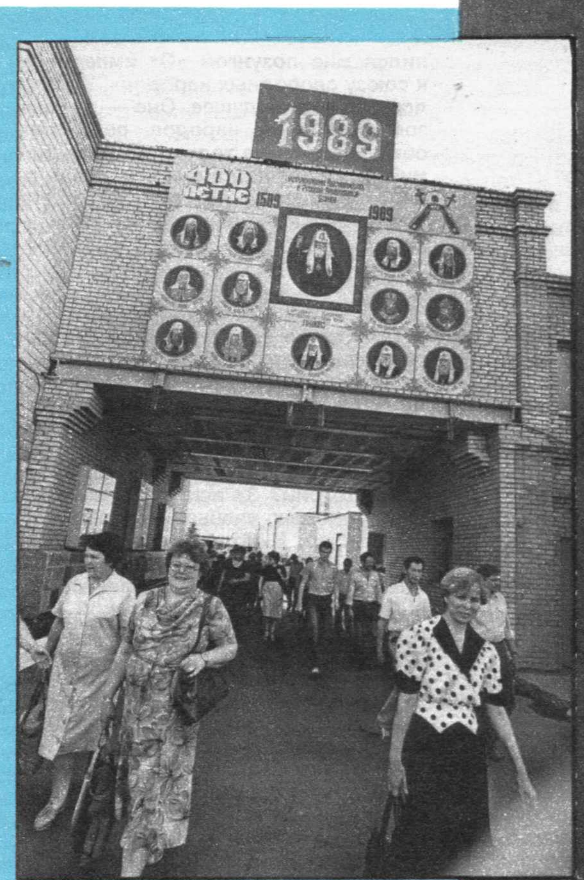

Фото
Павла КРИВЦОВА

Вывески на проходной этого завода в подмосковном Софрино нет. Ориентиром для впервые попавших сюда служит множество личных автомобилей, теснящихся на обширной стоянке вдоль всей заводской территории. В глубине ухоженного, с голубыми елями и резными беседками двора, где обычно висит лозунг «Слава труду», витиеватая надпись: «Христос воскресе!»

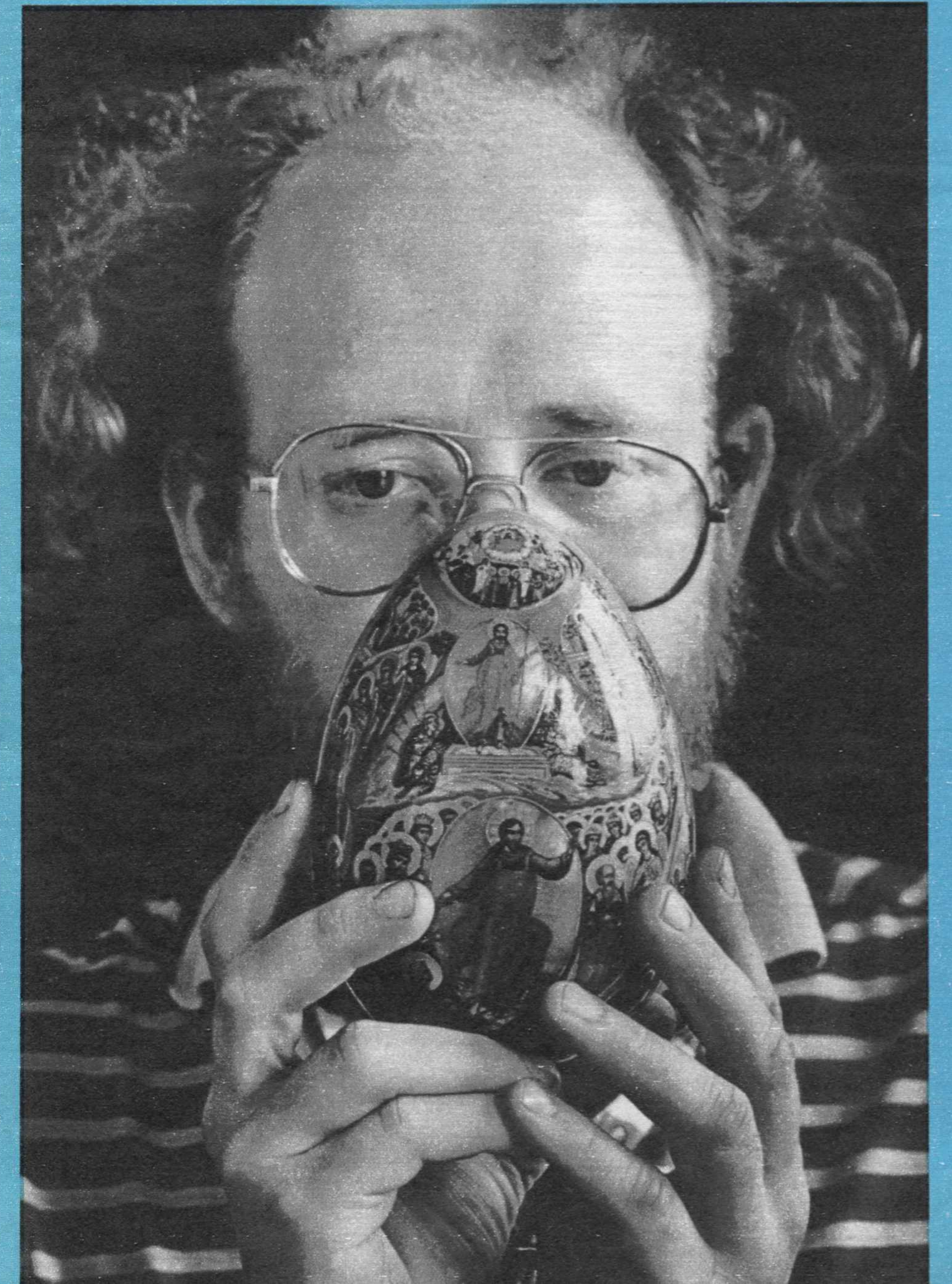
Мы попали на завод хозяйственного управления Московской Патриархии, он обеспечивает жизнедеятельность Русской Православной Церкви в нашей стране и за рубежом. Работает здесь около тысячи человек. Все они — члены профсоюза работников местной промышленноси и коммунального хозяйства. Есть здесь и своя «Доска почета», только называется иначе: «Лучшие рабочие завода».

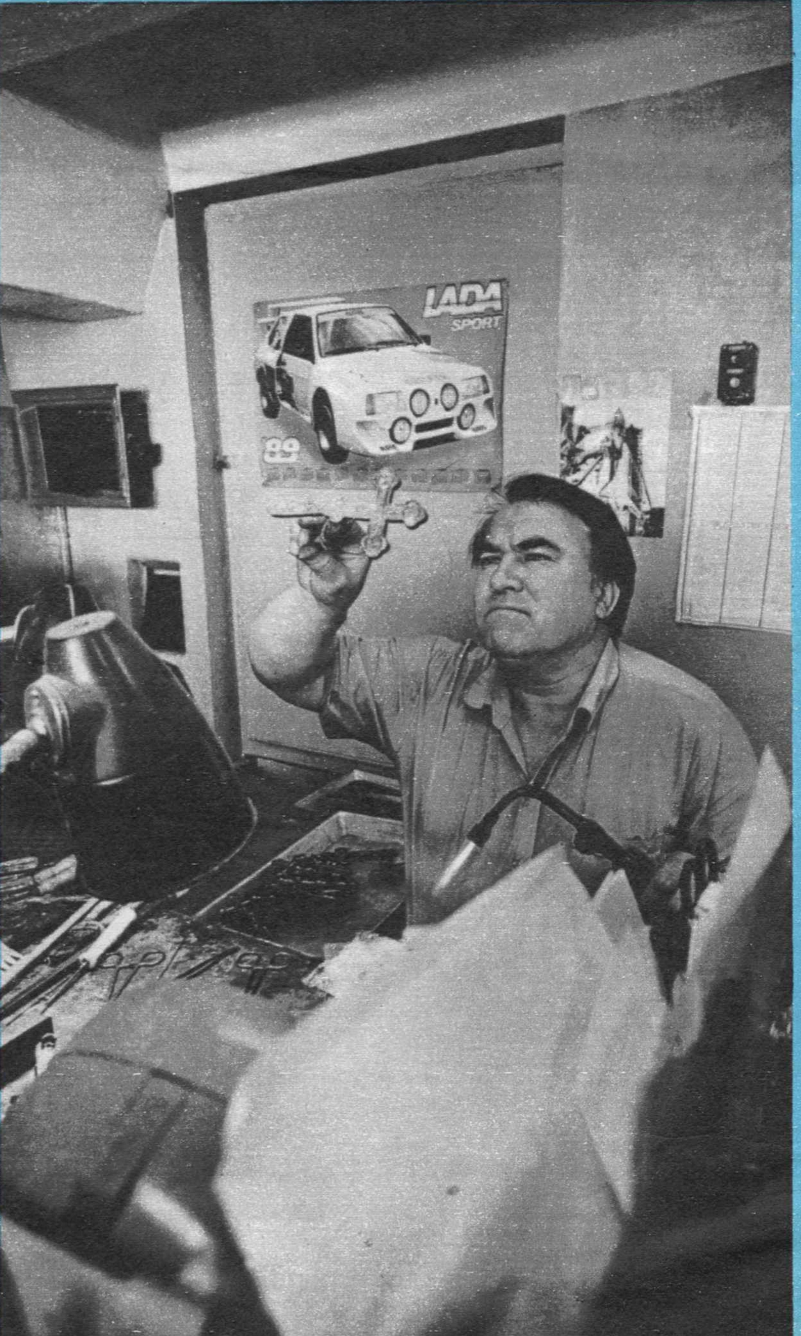
Цехи в основном небольшие: литейный, стекольный, ювелирный, а золотошвеи, художники, мастера художественного промысла, для творчества которых не требуется специального оборудования и громоздких приспособлений, работают на дому.

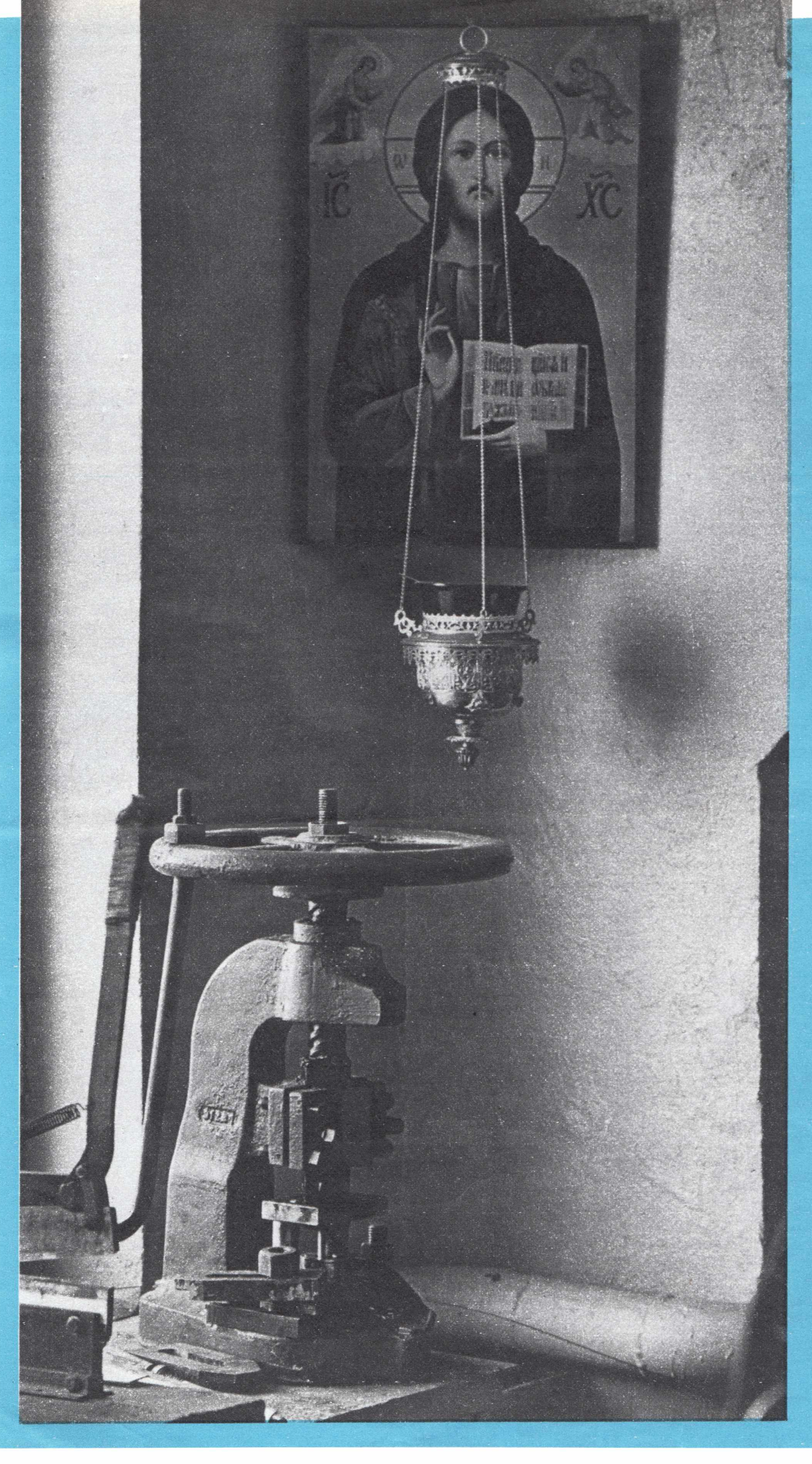
Продукция завода разнообразна: от миниатюрных крестиков до роскошных купелей. Недавно мастера завода освоили фарфоровое производство с росписью кобальтом, делают лампады «под Гжель», панагии для епископата и кресты для священников, украшенные тончайшей росписью и полудрагоценными камнями.

— Почему же в церковных киосках чаще можно увидеть аляповатую, дешевую, низкопробную штамповку, а не эмаль, скань, финифть, роспись «под Палех» и другие творения ваших мастеров художественного промысла?

— Мы думали над этим,— согласился со мной главный инженер завода Валентин Петров.— Решено повысить требовательность к художественному исполнению изделий. Постарались забыть, что у нас нет конкурентов, что мы — единственный

LADA
SPORT
'89

в стране завод, выпускающий подобную продукцию.

Производство у нас,— продолжил рассказ В. Петров,— достаточно гибкое. Это позволило в кратчайший срок перевести его на выпуск высокохудожественных изделий. Но сначала создали пробные образцы, составили иллюстрированные каталоги, узнали мнение церковных старост. Потом часть изделий сняли с производства, выпуск других значительно сократили. Взамен стали производить новые. Теперь наши изделия пользуются повышенным спросом и у нас в стране, и за рубежом.

Самое рентабельное, доходное производство завода — свечной цех. Оборудование тут самодельное. В день выпускают десять тонн продукции. На ювелирном же участке возрождается старое, исконно русское искусство.

Восемнадцать лет работает здесь мастер Татьяна Панова, а ее ученица Татьяна Баранова — шесть лет. Работу свою любят. Зарабатывают хорошо — 400 и более рублей в месяц. После художественного училища пришла на завод Ольга Синельникова. Ее зарплата достигла уже 500 рублей, а монтировщик ювелирного участка Борис Яковлев в среднем в месяц получает в два раза меньше бывшей учащейся, хотя работает на предприятии более двадцати лет.

Дело в том, что заработная плата и производительность труда на заводе в Софрино не планируются. Отсюда и заработок. Кто получает 150 рублей, а кто и тысячу в месяц. Нормы выработки меняются, когда внедряются принципиально новое оборудование и технологии. Помогает работать с прибылью и отсутствие понятия коэффициент сменности оборудования. Тут оно недорогое, отечественное. Можно позволить недоиспользовать его, а в итоге быстро перестроиться на другой вид продукции.

Не планируются и нормативные запасы сырья. Их определяют сами, а потому могут в любой момент учесть запросы рынка и удовлетворить заявки приходов. Сырье приобретается из государственных фондов и за наличный расчет. Все это дает возможность хорошо платить рабочим, получать значительную прибыль. Не бывает и скопления неходовой продукции.

На заводе умеют считать деньги, на ветер их не бросают. Именно потому не раздуты инженерные штаты. Если надо, приглашают высококвалифицированных специалистов и заключают договор. Они получают наличные деньги за конкретную работу в установленный срок, а завод таким образом значительно сокращает процесс проектирования, внедрения и освоения серийного выпуска. Если на это на государственных предприятиях уходят годы, здесь же всего два-три месяца.

Мастер-стекольщик Михаил Пряничников тридцать лет отдал стекольному производству на государственных предприятиях. Сюда пришел на сдельную работу, меньше 500 рублей в месяц не зарабатывает. Верит ли в бога? Нет. И таких на заводе немало.

— Мы не делаем различий между верующими и неверующими,— замечает В. Петров.— Нет преимуществ у верующих и при приеме на работу. Нам прежде всего нужны специалисты. Однако для верующих созданы все условия. Есть при заводе и небольшая церковь, но ходить туда никого не принуждают. Завели свое подсобное хозяйство: теплицы, небольшую свиноферму. Мясо, овощи и зелень сотрудникам предприятия отпускают по государственным ценам. Стараемся жить как люди.

Е. ИСАКОВА

ПОД НАДЗОРОМ

Дмитрий ЗАХАРОВ,
ведущий программы «Взгляд»

ПРОШУ СЛОВА!

«Я не знаю, почему хвост у коровы висит сверху вниз. Я просто констатирую факт».
Джек ЛОНДОН

Вынесенный недавно на обсуждение проект Закона о печати, бесспорно, интересный документ, но, ознакомившись с ним, невольно задаешься вопросом: для кого он? Если для журналистов, то в нем, наверное, следовало бы зафиксировать ряд положений, способных хотя бы отчасти защитить работников СМИ — средств массовой информации — от... список этот столь длинен, что для одного перечисления потребуется объемистый том.

Сегодня мы еще нередко становимся свидетелями того, как тот или иной журналист оказывается в опале. Чаще всего — на периферии, где местные партократы сохраняются десятилетиями в нетронутом состоянии, несмотря на процессы, происходящие в центре. Однако в последнее время потрясения переживают и центральные издания. Можно ли представить, что главный редактор «Ридерз дайджест» был снят по решению Вашингтонского обкома партии или пленума писателей округа Колумбия? Предположить это так же нелепо, как и допустить мысль, что кто-то из членов администрации президента США недреманным оком следит и лично отвечает за то, что делают сотрудники сотен телеканалов и десятков тысяч изданий. И ведь что интересно: несмотря на отсутствие такого соглядатайства и надзирателей в высоких кабинетах, ничего страшного с американскими да и прочими зарубежными СМИ не происходит.

У нас же, несмотря на политические и экономические условия, требующие перемен, отечественные хозяева печатных станков и телепередатчиков явно не хотят отказываться от монополии на контроль. Более того, везде, где журналисты позволяют себе чуть-чуть «повольничать», наиболее реакционные «контролеры» немедленно переходят в контратаку.

Телевидение, едва ли не с момента создания, тоскует по руководителям-профессионалам. За годы перестройки работники ЦТ начали было отвыкать от ситуации, когда личные вкусы администрации Гостелерадио или отсутствие таковых могут влиять, например, на музыкальную палитру экрана. Однако в последний год все вернулось на круги своя. Говорить о том, что с эфира стали сниматься абсолютно беззубые по нынешним временам сюжеты, просто не приходится. Едва ли не каждый «Взгляд» выходил в эфир, как танк Т-34 после дуэли с десятком орудий — весь искореженный и помятый. А 29 декабря этот бой «Взгляд» проиграл. И ведь ничего не возразишь на «аргумент», что передача «не соответствует уровню»,— кто его, этот уровень, определяет?

На телевидении стали появляться новые люди. Главную редакцию литературно-драматических программ возглавил С. Рыбас, хорошо зарекомендовавший себя в «Литературной России». Был переведен из Генеральной дирекции программ ЦТ на другую должность В. Трусов, а на его место генерального директора назначен В. Богданов, долгое время работавший в Госкомиздате. Тон задает бывший работник Института книги, теперь первый заместитель председателя Гостелерадио П. Решетов, который сегодня уже на ЦТ неустанно борется против всяческих происков. Иными словами, идет замена руководящих кадров представителями Госкомиздата и газетно-журнальных изданий. Хочется думать, что идут молодые и сведущие в специфике работы телевидения люди, обладающие необходимыми знаниями. Благо широко распространено мнение, что о работе тележурналистов со стороны судить легче. Да и привыкли мы к перетасовке номенклатуры по горизонтали, когда чиновник, ранее заведовавший например, рыбным хозяйством, может вдруг возглавить театр оперетты или музей изящных искусств. В последнее время на ЦТ многие сотрудники испытывают определенную нервозность: кто следующий — молодежная редакция, музыкальная?..

Безусловно, позитивные идеи у нового руководства есть. В последнее время начала менять привычный облик программа «Время» — появились передачи «Семь дней», «Телевизионная служба новостей». Начали действовать коммерческий канал, телеканал вещания для России. К числу безусловных удач можно отнести телемарафон Детского фонда, «Воскресную нравственную проповедь».

И все же... С приходом нового председателя Гостелерадио М. Ненашева и его первого заместителя на ЦТ утвердился новый, а вернее, давно забытый стиль общения. Если прежде зампреды, курирующие ЦТ, всегда мотивировали те или иные поправки в личных беседах с творческими группами, то нынешние товарищи не находят для непосредственного общения времени. А те объяснения, которые доводятся до сведения журналистов через главных редакторов, как правило, слабо мотивированы. Речь здесь идет не о личных амбициях. Возможно, профессионализм нового руководства в области телевидения превосходит уровень тех, кем они руководят, просто мы чего-то не понимаем. Но если человек называет сюжет абзацем, хорошо ли он представляет разницу между одним и другим?

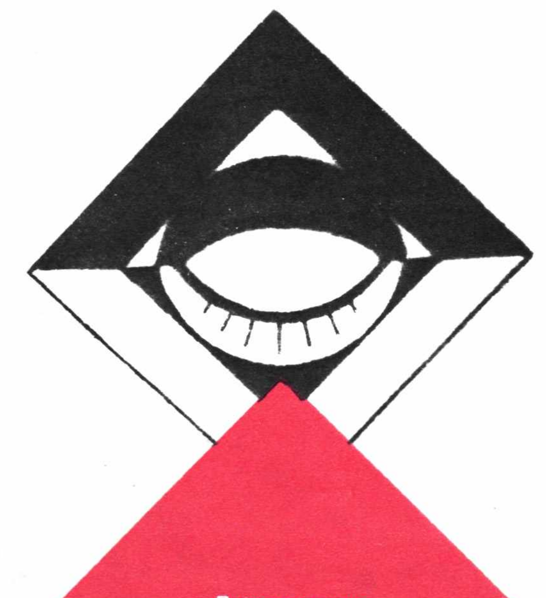
На пятом году перестройки на телевидении начало разрушаться многое, что с невероятным трудом было завоевано у бюрократии с 1985 года. Думается, разрешение ситуации одно: коллективы электронных средств массовой информации, равно как и печатных изданий, должны иметь право выбирать своего руководителя и главных редакторов, причем путем тайного голосования. Необходимо общественное телевидение, возглавляемое не номенклатурным работником, а профессионалом.

Один из важнейших вопросов — рентабельность СМИ. В нашей стране многие органы средств массовой информации находятся на госдотации, хотя во всех развитых государствах нет ничего прибыльней, чем иметь телеканал или газету. Любые из этих органов СМИ сами решают все проблемы финансового обеспечения, заключив контракты на рекламу, а газеты еще и получая дополнительную прибыль с продажи тиража. И у нас, как показывает опыт отдельных органов средств массовой информации, это вполне возможно. Зная тиражи «Аргументов и фактов», «Огонька» или «Нового мира», легко можно подсчитать приносимую ими прибыль, но эти огромные деньги уходят на что угодно, кроме нужд тех, кто заработал их воистину титаническим трудом. Предоставление средствам массовой информации экономической независимости (а это кратчайший путь к истинной свободе печати) упирается в нежелание аппарата расставаться с дармовыми «живыми» миллионами и боязнь потерять политический контроль.

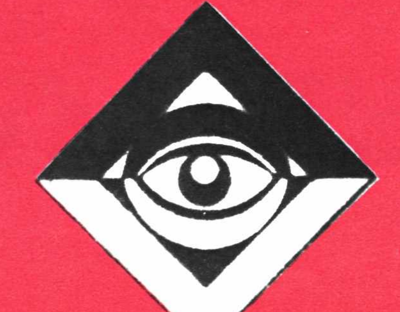
Во всем цивилизованном мире существует правило: журналист либо заключает контракт с издательством, редакцией или студией на какую-то сумму и срок, либо работает «фри лэнс» — «вольным стрелком», продавая свои материалы по мере их создания. В США и других странах хороший «фри лэнс» может сделать в год два-три материала (а если повезет с темой — и один), чтобы обеспечить себя, иногда на всю жизнь. Если же у нас кто-то попытался бы стать «вольным стрелком», можно не сомневаться: очень скоро умер бы с голоду. Но ведь чем больше будет получать журналист, тем свободнее и смелее он будет. Если человек знает, что за очерк о коррумпированном функционере или реакционном номенклатурном работнике он получит гонорар, дающий возможность пережить год или несколько месяцев последующих гонений, он с большей решимостью будет писать правду, нежели в условиях, когда в результате его увольнения семья окажется без средств. Большие деньги? Возможно. Но, платя журналисту крупные суммы, ему тем самым воздают за мужество, за риск, на которые он идет. Это и плата общества за собственную политическую безопасность. Иной невзрачный снимок или фрагмент записи политического совещания могут в один прекрасный момент спасти страну от переворота, наступления реакции или чего-то подобного.

Но, предположим, у нас произошло чудо, и, согласно закону о прессе, средства массовой информации обрели независимость. Это, однако, не снимет вероятности того, что журналиста-«разоблачителя» не могут уволить под давлением политических сил. Кто защитит его тогда? Никто. Ныне существующий Союз журналистов не может призвать органы средств массовой информации выступить в его защиту, не может обеспечить его средствами на время вынужденной безработицы, короче — не может ничего. Пример тому — гробовое молчание СЖ СССР, когда над В. Старковым и А. Ананьевым сгустились тучи.

Нередко, работая над передачей, думаешь: «Зачем все это нужно? Что это даст, кроме неприятностей и испорченных нервов?» Но все-таки делаешь. Не хочется обратно, в застой.

В последнюю предновогоднюю пятницу телезрители вопреки традиционным ожиданиям не увидели всесоюзную молодежную программу «Взгляд». Это не осталось незамеченным, и уже 30—31 декабря некоторые газеты, отвечая на многочисленные звонки в редакции, по мере возможностей прояснили ситуацию. Артур Гаспарян: «...накануне выхода передачи в эфир в студии появились несколько человек в штатском и арестовали весь смонтированный для передачи видеоматериал» («Московский комсомолец»). Анатолий Лысенко, заместитель главного редактора Главной редакции программ для молодежи ЦТ: «В предпраздничные дни руководство Гостелерадио приняло решение сократить число политических программ. Развлекательные программы мы делать не умеем» («Комсомольская правда»). Валентин Лазуткин, зам. пред. Гостелерадио СССР: «...наутро узнал: на предварительном просмотре было много замечаний профессионального толка. К сожалению, бывают и творческие неудачи» («Известия»). В дополнение к сказанному приведем еще один любопытный текст — в день невыхода «Взгляда» газета «Литературная Россия» опубликовала своеобразную предвыборную платформу блока общественно-патриотических движений России, где, кроме всего прочего, заявлено: «Всесоюзные каналы телевидения вненациональны, и пора прекратить оболванивание народов России. Для этого надо ограничить на российской территории союзное вещание, которому оставить время информационных передач...» Надеясь, что все изложенное не звенья одной цепи, воздержимся от комментария. Напомним лишь, что, пока не принят Закон о печати и средствах массовой информации, телевидение подвержено всякого рода давлению так же, как газеты и журналы. И то, что в январе «Взгляд» вновь занял свое место в эфире, проблемы не снимает. Слово — тележурналисту, одному из ведущих этой молодежной передачи.

КАРАБАХ, БОЛЬ МОЯ...

Владимир ИВАНИДЗЕ

«...Еще раз взываем к вам, опомнитесь, искупите совершенные вами ужасы, протяните друг другу братские руки и искренне, от чистого сердца, забудьте случившееся. Возвратите друг другу былое взаимное доверие, восстановите былую мирную жизнь, работайте вновь рука об руку. Искренне простите друг друга и помните, что прощение есть признак величия души. Победите друг друга любовью и прощением, а не оружием и огнем!»

Газета «Каспий», 1905 год, № 138, 16 июля.

«...До нормализации общественно-политической ситуации, в целях защиты и гарантии безопасности населения сохранить в Нагорно-Карабахской автономной области соответствующий контингент внутренних войск МВД СССР с подчинением его Союзной контрольно-наблюдательной комиссии...»

Из Постановления Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 года.

Второй Съезд народных депутатов СССР большинством голосов поддержал предложение не показывать по телевидению дискуссию по проблемам Нагорного Карабаха. Не будем задним числом оспаривать это решение. Кто знает, сколько людей в НКАО, посмотрев дискуссию на Съезде от начала до конца, могли бы в ночь с 13 на 14 декабря оторваться от своих телевизоров и уйти к темным перевалам, чтобы оружием закончить недосказанное депутатами? Съезд проголосовал, но в Нагорном Карабахе мало что изменилось. Там жизнь идет своим чередом. Тупик, в котором оказались два народа, угнетает здравый рассудок своей безысходностью. В таких случаях, как показывает общечеловеческий опыт, остается только методично и терпеливо нащупывать обратную дорогу. Но для этого нужно точно знать, от чего мы хотим уйти...

От Баку до Еревана 600 километров по прямой. Для Аэрофлота это не расстояние, авиалайнер преодолевает его самое большее за час. Но сегодня в нашей стране не найти два других города, которые находились бы так далеко друг от друга. За те почти два года, пока длятся споры из-за Нагорного Карабаха, между ними вырыта огромная пропасть. В водоворот межнациональных распрей втянуты практически все сферы общественной жизни в соседних республиках.

Как могло случиться, что через 82 года армяне и азербайджанцы в очередной раз вернулись к исходной точке? Вновь льется кровь, горят дома и озлобленные люди стремятся использовать любую возможность свести счеты друг с другом.

На отдаленные выстрелы, автоматные очереди и взрывы уже мало кто обращает внимание. Дети 4—5 лет и в Шуше, и Степанакерте уже достаточно твердо знают о том, **чей** Карабах и **в кого** надо стрелять при случае. И, как считают многие местные жители, никто не гарантирован, что в будущем эти дети не возьмут в руки оружие и не продолжат начатое отцами.

Фото Сергея ТИТОВА

1

О вертолете с оружием и взрывчаткой, задержанном в Гадрутском районе, газеты уже писали, и поэтому, казалось бы, нет нужды возвращаться к событию двухмесячной давности. Однако происходившее в последнее время в НКАО и районах, лежащих по обе стороны от армяно-азербайджанской границы, заставляет более серьезно отнестись к тому, что сообщалось в связи с гадрутским вертолетом.

К числу наиболее интересных предметов, обнаруженных на его борту, можно отнести, пожалуй, замок от зенитного орудия. Похоже, пока никто всерьез не брался за систематизацию и анализ вооружений, поступающих нелегальным путем к националистическим группировкам в Нагорном Карабахе. Большинство военных, офицеров, с которыми довелось беседовать на эту тему, не имеют ясного представления о характере таких вооружений. Нет ясности на этот счет и у следователей следственной группы МВД СССР, которая работает в автономной области. Отсюда можно сделать вывод, что предназначение замка от зенитного орудия никто так и не пытался осмыслить, а между тем первое, что приходит в голову,— горные зенитные орудия против града.

Военным в Степанакерте известно лишь, что снаряды изъяты и произведен частичный демонтаж орудий. Какова дальнейшая судьба установок, выяснить так и не удалось. Элементарная логика подсказывает, что замком из гадрутского вертолета собирались не грецкие орехи колоть.

Думаю, что история с вертолетом стала первой вехой на качественно новом этапе эскалации армяно-азербайджанского конфликта в НКАО и приграничных районах. Предыдущий этап, когда шли «война кладбищ» и «каменная война», можно считать, завершился. Надгробные памятники разрушены. В этом я смог убедиться через пятнадцать минут после того, как прилетел вертолетом из Агдама в Шушу.

Вертолетная площадка в Шуше — зеленая лужайка длиною метров в двести, которая с одной стороны ограничивается каменистым обрывом, а с другой — постом Народного фронта Азербайджана. Когда я проходил через пост, меня окликнули азербайджанцы, летевшие вместе со мной, предложили подвезти. По дороге я попросил их показать армянское кладбище, и открылась мрачная картина. Вандалы основательно поработали кувалдами и, кажется, не обошли стороной ни один памятник. Каменные стелы и кресты (хачкары) беспорядочно валялись рядом с могилами. И такое можно наблюдать не только в Шуше.

«Каменная война», похоже, отошла в прошлое. Не то чтобы меньше валяется камней по обочинам дорог, чтоб забрасывать ими проходящие автоколонны. Наступил новый период в жизни Карабаха, который можно охарактеризовать как период хорошо организованных действий по подготовке крупномасштабных столкновений армян с азербайджанцами. Нечто вроде гонки вооружений.

Нередко местные жители предлагают военнослужащим большие деньги за оружие. Я даже составил список цен, по рассказам знакомых офицеров. Самое дорогое оружие — автомат. Цена на него колеблется от пяти до десяти тысяч рублей. Иногда предлагают натуральный обмен: «Калашникова» на «Жигули», а то и на «Волгу». Пистолет Макарова еще недавно стоил около двух тысяч, но за последнее время цена на него сильно упала и колеблется от 300 до 500 рублей. Очевидно, «карабахский рынок», если позволительно так выразиться, быстрее всего насыщается именно пистолетами. Интересно, что магазин от автомата стоит 500 рублей, а патрон — 3 рубля. Лейтенант учебной роты Олег Сулима, которому часто приходится сопровождать колонны и общаться с местными, считает, что «если только захотеть, здесь, в Нагорном Карабахе, военный, забывший о присяге, может за месяц сколотить немалое состояние». Общая сумма взяток, от которых Олегу приходится порой просто отбиваться, могла бы составить несколько десятков тысяч рублей.

2

...В период относительного затишья, когда Народный фронт Азербайджана снял беспрецедентную по масштабам блокаду Армении и Грузии, были задержаны еще два вертолета. Это обычные машины гражданской авиации, которые вовсю используются для нелегальной доставки оружия и взрывчатки в районы боевых действий. Путь по воздуху самый удобный, и не только потому, что вертолеты могут сесть практически в любом месте.

Дело в том, что в районах НКАО и территориях, прилегающих к Армянской ССР, много армянских сел. И поэтому картина здесь в отличие от Армении (практически «очищенной» от азербайджанцев) получается довольно мозаичная. Здесь военным действительно трудно контролировать все населенные пункты. Лучше всего к такой ситуации подготовлены подразделения «спецназа», но не стоит раскрывать их тактические секреты.

В начале ноября в районе Шуши подразделениями внутренних войск, которыми командовал подполковник Владимир Васильев, проводилась проверка паспортного режима. Когда очередь дошла до поселка Киров, военные засекли вертолет. Вот что рассказал об этом лейтенант роты специального назначения Павел Ящук, возглавлявший группу захвата:

— Нам приказали захватить вертолет, который зависал над поселком. Вшестером с солдатами нашей роты провели эту операцию. Наблюдая из-за укрытия, мы дали вертолету сесть и заглушить двигатель. Только когда прилетевшие на нем люди начали выгружать мешки с сахаром, мы выбежали на взлетную площадку. До вертолета было примерно полсотни метров. Так как нас оказалось намного меньше, пришлось воздействовать на психику. Нам удалось заставить их не дергаться, и, пока не подошли основные силы, никто из участников разгрузки так и не сдвинулся с места. Осмотрев вертолет, мы обнаружили разобранное оружие, спрятанное в мешок из-под сахара, военную форму, примерно 50 килограммов взрывчатки, принадлежности для изготовления самодельных взрывных устройств. Пилоты имели при себе нигде не зарегистрированные пистолеты. Всего четырнадцать наименований воинских принадлежностей.

Обыскивая задержанных, а их оказалось 24 человека, мы обнаружили сборник инструкций по особым диверсионным работам на 52 страницах. Все это мы передали милиции, подоспевшей вскоре, и потом отконвоировали задержанных в Шушу, а впоследствии в Степанакерт.

Интересно, что кое-кто из задержанных еще в машине заявлял о том, что через полтора-два часа они будут освобождены. И действительно, через сутки в Степанакерте на многотысячном митинге было выдвинуто требование освободить этих людей. И перевозчики оружия получили свободу — нельзя было допустить нового кровопролития.

Между прочим, когда кировский вертолет уже «потрошили» военные, в небе над поселком появилась вторая машина. Заметив неладное, пилоты не стали садиться, а развернулись и взяли курс на Ереван. Один из офицеров передал по рации: «Именем Советской власти приказываю вам приземлиться!» В ответ эфир донес нецензурную, грязную брань, и «винтокрылая машина» исчезла из глаз.

3

Мы разговаривали с Павлом Ящуком, когда после нового обострения ситуации я вернулся в Нагорный Карабах, так и не улетев в Москву. Это было в деревушке Джагазур, в приграничном Лачинском районе. Деревушку дважды сжигали дотла: в 1905 и 1918 годах во время аналогичных конфликтов между армянами и азербайджанцами.

Недавно на Джагазур кто-то спустил с горы автомобильные покрышки, набитые взрывчаткой и кусками железа. Так и не докатившись до деревни, покрышки уткнулись в неприметный боковой овраг и там взорвались, не причинив никому вреда.

Запомнил я это село еще и потому, что после его посещения жизнь моя вдруг круто изменилась. Я уже не мог точно сказать себе, что буду делать через час и где обрету ночлег в ближайшие сутки. Времени стало тесно от событий, которые накатывали одно за другим. Когда это еще было возможно, я спокойно шел по раскисшему от дождей взлетному полю Агдамского аэропорта, чтобы своими глазами посмотреть на очередной арестованный геликоптер...

10 ноября из Ереванского аэропорта в направлении Мартуни (райцентр в НКАО) вылетел вертолет МИ-8, бортовой номер 21 184. В районе Агдама забарахлил двигатель, и пилот запросил у местного диспетчера разрешения на вынужденную посадку. Добро дали, хотя степанакертский диспетчер требовал дотянуть до «своего» аэродрома. Пилот решил садиться в Агдаме. Судя по всему, вертолет привлек внимание лидеров агдамского отделения НФА, и они потребовали от властей, и новых, и старых, произвести обыск на его борту. В присутствии руководителей района и правоохранительных органов, включая коменданта, вертолет осмотрели. Нашли: две бухты бикфордова шнура, два мешка взрывчатки (упрятанные в большие мешки из-под сахара), картонные ящики с невероятным количеством отработанных аэрозольных баллонов. Часть из них была уже нашпигована взрывчаткой вперемешку с кусочками металла (при взрыве они

выполняют роль осколков). Кроме того, у задержанных в ходе обыска была обнаружена инструкция по минированию какого-то объекта, кажется, моста.

К сожалению, мне так и не разрешили побеседовать ни с кем из них. Только одного удалось рассмотреть за стеклом дежурной комнаты агдамского РОВД. Выглядел он вполне прилично, примет угрызений совести на его лице я не заметил.

Между Агдамом и Шушой тоже курсируют вертолеты. Перед каждым рейсом представитель Народного фронта составляет списки пассажиров по их паспортам. Я дважды летал этим маршрутом, но так и не заметил, чтобы военные проверяли вертолет. Правда, бросилось в глаза другое — продовольствие доставляется в Шушу не вертолетами, а автомашинами и по объездной дороге. Этот путь в десять раз длиннее дороги между Агдамом и Шушой, которой пользовались в «мирные годы», до взрыва моста.

4

Следователи и криминалисты, которые работают сейчас в НКАО, заметили, что любой преступник, задержанный по подозрению в уголовном преступлении, стремится оказаться на территории, контролируемой «своими». Если повезло и он добился своей цели, его либо освобождают «за недостатком улик», либо устраивают побег.

Многие из следственной группы, командированные в НКАО из разных городов, уже разуверились во всем и перестают видеть какой-либо смысл в своей миссии. Им постоянно чего-то не хватает: то специальных бланков, то автомобилей, то оборудования. Частенько расследование, которое ведет следственная группа, скрытно саботируется и армянской, и азербайджанской стороной. Безнаказанность приводит к тому, что уголовный мир усваивает опыт своих безболезненных неудач и затем действует гораздо продуманнее. Опыт, между прочим, помогает им преодолевать и психологические проблемы, связанные со статусом неприкосновенности военнослужащих и «не своих» представителей следственных органов. Свидетельство тому — трагедия, разыгравшаяся в предместьях Агдама. Тогда два следователя погибли в озлобленной суматохе толпы.

В Степанакерте поочередно побывали заложниками два офицера внутренних войск. Полковник Василий Иванович Бабанский был захвачен в больнице и жестоко избит рассвирепевшей толпой. В Шуше в этой роли оказался один генерал (воздержусь называть его фамилию).

В Нагорном Карабахе хватает и «вольных ночных стрелков», которые не боятся обстреливать военные посты, правда, из надежных укрытий. Курсанты Карагандинской высшей школы милиции МВД СССР, которые несли службу на знаменитом (в особом смысле, конечно) тридцатом посту, расположенном точно на границе между Арменией и Азербайджаном, пригнали откуда-то трактор и насыпали целую гору земли с той стороны, откуда постоянно раздавались выстрелы. Обзор теперь сузился наполовину, зато появилась возможность временами расслабиться...

Подразделение внутренних войск (на местном армейском жаргоне «калачи»), расквартированное рядом с шоссе, на полпути из Агдама в аэропорт Степанакерта, тоже норовили превратить в мишень. Однако обстреливали эту «мишень» не очень удачно из чего-то необычного. Как уверяли меня военные, хотя в это действительно трудно поверить, «калачей» обстреливали... из гранатомета.

Психологические барьеры... Возможно, где-то в Нагорном Карабахе разгуливают на свободе настоящие убийцы, на совести которых реальные, а не предполагаемые жертвы. Преступники хорошо проинформированы о том, как им надо поступать в том или ином случае, чтобы обезопасить себя от неприятных случайностей. Главная их опора — отсутствие правосудия в Нагорном Карабахе. Цель — наклеить побольше политических этикеток на флаг НКАО, чтобы под шумок осуществить задуманное. Как сказал Васильев, «мы просто не сможем контролировать ситуацию в регионе, если не научим людей уважать Закон, который нельзя нарушать даже в том случае, если он кому-то кажется несовершенным».

Под «аккомпанемент» карабахских событий, под грохот выстрелов и взрывов убийцы расправились с семьей азербайджанцев. Девять человек были уничтожены и сожжены вместе с домом. Выяснилось, однако, что убили их «свои», азербайджанцы. Мотив преступления — кровная месть.

5

Уже заканчивались полномочия Комитета особого управления, когда «спецназ» захватил еще одну группировку. Она действовала со своей базы в старинном, давно брошенном селе между азербайджанским поселком Фараджан и армянским Спитакшеном. С самого начала операции по захвату основная и наиболее трудная роль отводилась командиру роты специального назначения капитану Валерию Чернышеву. В течение трех дней, предшествовавших операции, группа военных наблюдала за всеми передвижениями группировки. Так, выяснилось, что на базе имеется автоматическое оружие, пистолеты и карабины. В качестве официального прикрытия группировка использовала строительство дома, непонятно для кого предназначенного в этих глухих местах. Примерно за сутки до начала операции один из дозоров капитана Чернышева напоролся на «партизан», и те молниеносно открыли огонь. Патруль спас сильный туман, ему удалось, не отвечая на выстрелы, скрыться.

Операция началась на рассвете. Группа оцепления охватила базу кольцом с четырех сторон. Затем пошли группы захвата и конвоирования. Наша группа захвата, которой руководил непосредственно Чернышев, оказалась без проводника, и мы потеряли немного времени в невероятно трудном двухчасовом переходе. В тот момент, когда наконец вышли на исходную позицию к базе, неожиданно затрещали выстрелы и так же неожиданно смолкли. Капитан сбросил с себя верхнюю одежду, поднял над головой автомат, дал очередь вверх и пошел через поле в направлении базы, и с ним еще двое бойцов.

Мы притерпевались к жизни, когда время нами же было названо героическим. Нежелание видеть правду должно было обернуться трагедией. Мы, казалось, остановились над пропастью. Но пропасть разверзлась — мы увидели, что творили под спудом «счастливой жизни»... наши руки. Смотрите. Слушайте, как больно дышать земле, как трудно. Смотреть не страшно. Страшно привыкнуть смотреть.

Минут через пять мы уже были на базе вместе со второй группой, которой руководил лейтенант Павел Ящук.

В ходе операции было найдено большое количество нестандартных боевых гранат, патронов, несколько пулеметных лент, не считая палатки, радиостанции, ящиков с импортными продуктами питания и даже презервативов.

Кое-кому из этой группировки все же удалось скрыться и прихватить с собой боевое оружие. На самой базе были найдены охотничьи ружья и один карабин. Часть людей задержали на месте, а остальных вылавливали по окрестным горам.

6

...Грустно об этом говорить, но терроризм становится обычной повседневностью в Нагорном Карабахе. От террора страдают ни в чем не повинные люди.

В «Икарусе», выехавшем по маршруту из Тбилиси в Кировабад, террористы «забыли» чемодан со взрывчаткой. Судя по всему, вблизи Евлаха сработал часовой механизм...

Просматривая видеокассету, отснятую через пятнадцать минут после взрыва, я поймал себя на мысли, что все мы живем уже не в той стране, которую знали с детства. Взрыв разворотил весь салон. Искореженное железо валялось вперемешку с человеческими останками по обе стороны дороги на расстоянии до двухсот метров от центра взрыва.

В ста шагах от разрушенного автобуса лежал труп молодой женщины. Во время взрыва у нее оторвало ноги, но до самого последнего мгновения она прижимала к груди маленького ребенка. Она, как объяснили оставшиеся в живых, была русской. Остальные, за редким исключением,— азербайджанцы. Все они оказались на «алтаре священной борьбы», и как только это было сделано, борьба потеряла свой и без того сомнительный смысл. Ни одна идея во всем свете не сможет перевесить изрешеченное осколками тельце ребенка, задыхающегося в агонии, среди пластиковых трубок реанимационного отделения.

Взрыв автобуса стал, к великому сожалению, не единственным актом устрашения и дестабилизации в регионе. Вскоре последовала неудачная попытка подорвать скалу, под которой расположилось армянское село Дашалты. С тех пор на этом месте круглосуточно дежурит подразделение внутренних войск.

После нескольких дней относительного затишья в начале ноября произошли события, которые подтвердили, что взрывчатка, перевозимая вертолетами, находит свое применение.

Первый взрыв из этой серии прозвучал 8 ноября, под вечер. Заряд был не слишком сильный. Автомобиль «УАЗ-469», в котором ехали четверо (два курсанта Карагандинской школы милиции на заднем сиденье и впереди еще двое, местные жители), напоровшись на мину, проскочил несколько метров по инерции и встал. Курсантов контузило, и их отправили домой, зато местным досталось. Особенно тому, который сидел справа от водителя. Осколки прошили пол, сиденье и брезентовый верх машины.

Через некоторое время бортовая машина «ЗИЛ-130», доверху нагруженная тяжелыми строительными блоками, подорвалась на мине, мощность которой превышала первую в несколько раз. В кабине находились пять человек, включая детей...

Как заявил подполковник Вячеслав Шинкаренко, сила зарядов некоторых мин означает только одно — началась охота за тяжелой военной техникой. Один из специалистов по минированию, прошедший Афганистан, высказал предположение, что мину установил бывший «афганец»: весьма характерен почерк — мина неизвлекаемая.

Вот что говорят специалисты: минирование, как правило, происходит в два этапа. Вначале по дороге проезжает трактор с бурильной установкой. Конусообразный бур большого диаметра вырывает необходимое отверстие в полотне дороги и удаляется.

Через некоторое время подъезжает закрытая автомашина и «саперы» быстро и профессионально устанавливают соответствующий заряд.

Военным уже надоело ловить пустоту, когда наблюдатели (снова, как в Афганистане) сидят чуть ли не на каждой вершине и сообщают «своим» о приближении любого солдата в радиусе километра. Частенько военные радисты замечают, что их переговоры кем-то прослушиваются. Эти «кто-то» часто выходят в эфир. Именно по этой причине спецназ вынужден шифровать переговоры.

Как на войне, человеческая жизнь в НКАО постепенно теряет цену. Один из моих знакомых сказал: «Ты, конечно, напиши, что, скажем, погибло два человека. Но пойми, эти двое умерли!»

* * *

...Мы переживаем время странных и страшных нравственных мутаций. Надрывный плач ребенка за стеной, крик избиваемой в подъезде женщины, жалобы бездомного старика, потерявшего надежду на справедливость,— так ли уж часто все это вызывает во многих из нас всплеск милосердия? Чаще сугубо биологический порыв устранить «раздражитель»: захлопнуть форточку, наглухо задраить двери, выключить телевизор, зашвырнуть подальше газету, пройти мимо... Нам не просто порой не жаль друг друга: недовольство все легче подогревается лукавой подсказкой тех, кто не без умысла любит покрасоваться перед многотысячной толпой: «Это все евреи виноваты!», «Да нет же, армяне!», «Азербайджанцы! В них все зло!». Или: «Мафия всесильна, она рвется к власти!»

Нравственная глухота и глухота политическая. Соединение двух этих пороков рождает мощную разрушительную энергию. Одним не жаль соседа, другим — целого народа.

Много месяцев накалялась обстановка в Нагорном Карабахе «и вокруг него» (как пишут газеты), где разочарованные деятельностью Комитета особого управления, уставшие от обещаний Баку, Еревана, Москвы люди оказались в кипящем котле, в блокаде. Самые плохие прогнозы в отношении судьбы Нагорного Карабаха сбылись, полумеры центра, полагавшего, вероятно, что карабахский вопрос «рассосется» сам собой, затыкание ртов народным депутатам на первом Съезде, дипломатические игрища то с руководителями Азербайджана, то Армении — все это не прошло и не могло пройти даром. Разгул преступности, терроризм в Нагорном Карабахе перерастает в гражданскую войну на межнациональной почве.

И армяне, и азербайджанцы втянуты сегодня в глубокую и многослойную инерцию вражды. В затянувшееся противостояние, от которого уже не отмахнешься и не отведешь глаза...

Нагорный Карабах

Сердце разрывается от того, что столь любимый мной Кавказ, как будто самим Богом назначенный быть раем, стал адом, где люди убивают людей вместо того, чтобы любить друг друга и жить в мире. Мне кажется, что все мы виноваты в этой кровавой междоусобице, потому что упустили момент остановить это кровопролитие. Винована — наша половинчатость. Так называется мое стихотворение, предлагаемое читателям «Огонька». Прошу не искать в нем намеков ни на какие конкретные имена, ибо во всем, в чем я обвиняю других, я виноват сам. Наша главная задача — избавиться от половинчатости, осуществляя перестройку.

Евг. ЕВТУШЕНКО

ПОЛОВИНЧАТОСТЬ

Смертельна половинчатость
порывов,
когда,
узду от ужаса грызя,
мы прядаем,
все в пене,
у обрывов,
но полуперепрыгнуть их
нельзя.
Тот слеп,
кто пропасть лишь
полуувидел.
Не полупяться,
в трех соснах кружа,
полумятежник,
полуподавитель
родившегося полумятежа!
При каждой полумере
полугодной
полународ остатный полурад.
Кто полусытый —
тот полуголодный.
Полусвободный —
это полураб!
Полубоимся,
полубезобразим...
Немножко тот,
а все же полутот
партийный
слабовольный Стенька Разин
полуидет на полуэшафот.
Определенность фронда
потеряла.
Нельзя,
шпажонкой попусту коля,
быть и в полугвардейцах
кардинала,
и в полумушкетерах короля.
Неужто полу-Родина возможна
и полусовесть может быть
в чести?
Свобода половинная —
острожна,
и Родину нельзя полуспасти.

ПИСЬМО В НОМЕР

Снова противникам перестройки удалось спровоцировать очередной межнациональный конфликт с человеческими жертвами.

Снова катастрофически медленно преобразующаяся партийно-государственная машина продемонстрировала свою неспособность защитить благородное дело перестройки от крови и насилия. Погром шел на глазах ЦК и Совмина, органов внутренних дел, госбезопасности и правопорядка Азербайджана. Об опасности взрыва хорошо знали центральные учреждения в Москве, но тоже не нашли эффективного выхода.

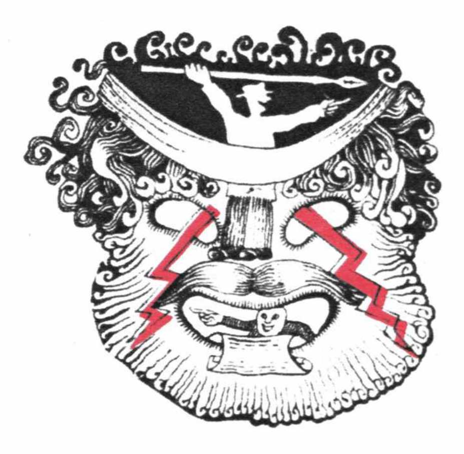
Конфликт не нужен ни простому азербайджанцу, ни рядовому армянину. Но, видимо, кого-то в стране очень не устраивает наметившаяся в результате поездки М. С. Горбачева в Литву перспектива трудного, но мирного компромисса. Бакинские события как будто заказаны к предстоящим Пленумам ЦК КПСС по Литве и по XXVIII съезду партии, а также к проходящим выборам. Не исключено, что кто-то просто не видел для себя иного выхода, кроме создания ситуации, когда военное положение в стране стало бы неизбежным.

Многих очень радовало, когда азербайджанский народ — первый в мусульманских республиках — создал свою организацию. Появлялась надежда: национальный конфликт будет освобожден как от влияния местных бездарных и коррумпированных бюрократов, так и от их московских покровителей и станет сферой народной дипломатии. Тем более что Азербайджан первым среди мусульманских республик создал Народный фронт.

Мы обращаемся с призывом к азербайджанскому и армянскому народам, особенно к их интеллигенции. Нельзя позволить консервативным силам превратить Закавказье в мину, подложенную под перестройку. Нельзя в этом случае рассчитывать на уважение народов мира и народов нашей страны.

Мы верим в здравый ум и добрую волю народов Азербайджана и Армении. Еще есть альтернатива братоубийственной межреспубликанской войне, которая ничего не решит во взаимоотношениях двух народов.

Народные депутаты СССР
А. М. АДАМОВИЧ,
Ю. П. ВЛАСОВ,
А. М. ЕМЕЛЬЯНОВ,
И. И. ЗАСЛАВСКИЙ,
Ю. Ф. КАРЯКИН,
Д. С. ЛИХАЧЕВ,
Г. Х. ПОПОВ,
С. Б. СТАНКЕВИЧ,
А. В. ЯБЛОКОВ

Игорь ДВИНСКИЙ

«Перестройка, перестройка, а я ма-а-аленький такой!» — напевал он на мотивчик эмигрантских «Небоскребов» и раскладывал любовно на кухонном столе чтение на сегодняшний вечер: последний «Огонек», «Московские новости» и «Вторую книгу» Надежды Мандельштам — перехватил у Жана прямо под носом у Юлии Арамовны. Кайф!

Виктор Михайлович Голицын обожал такие, как он их называл, «холостые» вечера. Нет, Боже упаси, Светку и обеих дочурок он любил больше всего на свете; доказывал это ежегодно и ежечасно старомодной нынче супружеской верностью, и приличными заработками — безо всяких «заначек», и набитыми сумками из магазинов, и мытьем посуды, и субботним жужжанием пылесоса, и массой других вещей, дающих основание жене искренне говорить про него «золотой». Но! Когда выпадали ему из колоды будней два туза и жена с детьми уезжала погостить к матери во Владимир, он с удовольствием переводил дух от забот и некого напряжения, которым ему давалась счастливая законопослушная жизнь.

В его понимании свободы не было ничего криминального: ни загульных походов по кабакам с непутевыми друзьями, ни рисковых женщин, готовых показать в койке «небо в алмазах», ни лихорадочного ипподромного румянца. А были уютный ночной преферанс с испытанными товарищами, ленивые утра, когда все можно послать и проваляться в постели до часу дня, забыв о тарелках в мойке и накопившихся носках; гангстеры, драки, Брюс Ли, маньяки и крутые шерифы, за которыми можно иногда закатиться к славным ребятам с дымящимися «видаками»... И еще — чтение. О, это — особь статья! Виктор Михайлович обожал книги с детства, в нем жила генетическая любовь к печатному слову, и высшим наслаждением всегда было, не дергаясь, всласть начитаться. Ах, сколько интересного обнаружилось в прессе за последнее время!

Гласность!

Платонов, Бухарин, Набоков, Бродский, Гроссман — он восхищался мудростью вождей, устроивших для народа этот праздник ума. Он начал выписывать «Правду»! Газету, от одного вида которой раньше скукой сводило скулы, и шла она, случайно попав в дом, на всякие мусороуборочные работы. Теперь там иногда печатали правду — и от этого нельзя было оторваться. Впрочем, как и от многих других изданий. Но были любимые. Те, которые будоражили, щекотали потаенные синапсы мозговых извилин, давали ощущение причастности и высоко поднимали в собственных глазах.

Голицын любовно перелистал свои сокровища и поставил чайник. Кресло в ярком конусе торшера — это не для него, это расслабляет и баюкает. А вот кухонная табуретка, не дающая покоя заду и этим поддерживающая активность всего тела, бесконечный чаек вперемешку с изюмом, печеньями и орешками — это, будьте любезны, это по-нашему!

Но прежде чем засесть, он поддался причуде и решил побриться. И разглядывая в зеркале интеллигентное, чуть полноватое лицо сорокатрехлетнего мужчины с умными глазами и красиво сложенным ртом, он в который раз себе очень понравился.

...И не знал, не ведал, что все сейчас в один миг перевернется и жизнь его повиснет на волоске...

Двое мужчин в одинаковых коверкотовых пальто и старомодных серых шляпах прошли по ночному двору, и тугая дверь подъезда ударила за их спинами. Один сверился с адресом в крошечной записной книжке, другой зафиксировал время: без четырех минут двенадцать. Первый кивнул на лифт, второй чуть заметно отрицательно покачал головой, и они дружно зашагали по лестнице, пересчитывая ступени добротными подошвами. Чувствовалось, что здесь понимают друг друга с полужеста; была в их фигурах пружинистая сила и та особая выправка, свойственная кадровым сотрудникам известных учреждений. Лица у обоих были молодые и непримечательные; разве что усы и затемненные очки одного из них смотрелись отклонением от установленной для таких людей формы. На четвертом этаже они остановились у двери с номером «27».

Это была квартира Голицына. Ровно в 12 часов ночи, игнорируя звонок, в дверь постучали...

Виктор Михайлович удивленно поднял лицо от безумно интересной публикации, развенчивающей очередной авторитет, и пошел открывать. Мужчины как-то очень профессионально, в одно движение, оказались в квартире и вежливо поздоровались.

— Будягин Николай Львович? — спросил тот, что без усов.

— Н-нет,— запнувшись, ответил Голицын.— Голицын Виктор Михайлович. С Будягиным мы поменялись год назад. У меня где-то был телефон...

Безусый вопросительно посмотрел на усатого.

— Не надо,— ответил тот.— Мы пришли к вам. Вернее, за вами.

И оба с какой-то жуткой слаженностью показали Виктору Михайловичу внушительные служебные удостоверения. Но он их толком даже не разглядел, потому что чужой отчаянный голос, затопляя все тело ужасом, крикнул у него внутри: «Не может быть!!!» И тотчас из-под мышек потекли горячие капли пота.

— Вы один здесь проживаете?

— Сейчас — да, а вообще жена с дочками во Владимир уехали... Девичья фамилия — Чечеткина,— почему-то добавил Виктор Михайлович, пытаясь унять противную дрожь.

— Сходится! — кивнул усатый, заглянув в записную книжечку.

— У нас к вам, Виктор Михайлович, есть несколько вопросов,— внушительно сказал безусый.— От ваших ответов на эти вопросы зависит, останетесь вы дома или пойдете с нами.

— У вас должен быть ордер! — вспомнил Голицын.— Сейчас не тридцать седьмой год! Вы не имеете права...

— Имеем, Виктор Михайлович, имеем. И такое начало беседы — уже не в вашу пользу. Куда удобнее пройти?

— На кухню,— тусклым голосом ответил Голицын.— Там у меня чай.

Усатый, не снимая шляпы, уверенно прошел на кухню, второй пропустил Виктора Михайловича вперед и как бы проконвоировал его. На кухне они усадили Голицына за стол — подальше в угол,— а сами расположились напротив, аккуратно направив настольную лампу Виктору Михайловичу в глаза.

И сразу такая знакомая, такая родная кухонька, где дорог был и панцирь гигантского краба, и засохшая лепешка из Самарканда, украшающая стену, и коллекция из пятнадцати старинных купюр в застекленной рамке, и каждая царапина на холодильнике,— эта кухня, отсеченная стеной холодного света — из своей же лампы! — стала чужой и безжалостной, точно казенная камера. Голицын часто моргал воспалившимися глазами, ловя выражение лиц у страшных своих посетителей, надеясь, что случилась ошибка и вот сейчас все объяснится... Но и одновременно понимая, что он пропал.

«Пропал! Пропал! Пропал! Пропал!» — стучал в висках чужой пульс.

Безусый вынул из бокового кармана и положил перед собой листок, на котором Голицын, щурясь, уловил слово «протокол».

«Протокол! Протокол! Протокол! Протокол!» — тотчас подхватил пульс.

— Где вы работаете? — спросил безусый.

— В патентном бюро. Заведующий отделом...

Опять усатый посмотрел в крохотную книжечку и опять сказал:

— Сходится.

Что-то подсказало Виктору Михайловичу, что этот — главный и именно его надо уговаривать, упрашивать, убеждать, что он ни в чем не виноват и чтобы отпустили скорее. Однако дальнейшее перечеркнуло его надежды.

— Ну, что ж, начнем! — сказал усатый.

Голицыну показалось, что ему будут выкручивать руки, и он спрятал их за спину.

— Интересный у вас подбор литературы,— усмехнулся усатый.— «Огонек», «Московские новости», Надежда Яковлевна.— Он открыл «Вторую книгу».— Издательство имени Чехова. Нью-Йорк. Вы знаете, что это запрещенная литература? Враждебная пропаганда, порочащая наш строй, подрывающая идеологию,— статья «Уголовного кодекса». Ваша книга?

— Не важно, чья,— храбро ответил Голицын.

— Нет, важно,— со зловещим спокойствием сказал усатый.— Лишние три года.

— Три года... чего? — сглотнул слюну Виктор Михайлович.

— Лагерей, конечно. Лагерей! — весело встрял безусый.— Знаете, какая любимая игра у наших прокуроров? «Пятнашки»!

— Но, позвольте! Надежду Яковлевну Мандельштам печатала наша «Юность», восьмой номер,— заторопился Голицын.— Правда, «Воспоминания» и то — частично, но печатала!

— А вы эти «Воспоминания» целиком читали? — поинтересовался усатый.

— Конечно! — ответил Голицын и прикусил язык...

— И это была ваша книга?

— Нет, не моя... Мне давал ее Жан Борисович Янкельсон.— Он помедлил, давая возможность безусому записать.— Телефон 752-21-11. «Вторая книга» — тоже его... Но я вам ничего не говорил — пусть это останется между нами.

— Конечно, конечно,— повеселел усатый.— Обещаю твердо.

Виктору Михайловичу показалось, что усатому понравилось.

— Ну, хорошо, с книгой разобрались.— Безусый брезгливо тронул журнал и газету.— А это что?

— «Огонек» и «Московские новости».

— Вот я и спрашиваю: откуда у вас эта запрещенная литература?

— Какая запрещенная! — Виктор Михайлович даже улыбнулся.— «Огонек» я купил сегодня в киоске, а «Новости» выписали на отдел через одну сотрудницу — у нее там муж работает.

— Адрес киоска, пожалуйста, фамилия киоскера, фамилии всех сотрудников вашего отдела.— Ручка безусого летала по бумаге с фантастической скоростью.

— Киоск? Киоск наш, на площади Братьев Академиков, у дома № 6, киоскера зовут Александр Егорович, я ему трешку в месяц даю — он мне дефицит и оставляет. И другие ему дают... Только не говорите, что это я сказал.— Голицын умоляюще сложил руки.— Он такой славный старичок, и жена у него болеет... А сотрудников — пожалуйста.— И он перечислил.

— У вас-то фамилия какая,— хмыкнул усатый.— Го-ли-цын... Из благородных, что ли? Белая кость?

— Ну, что вы.— Виктор Михайлович искренне обиделся.— Потомственный пролетарий! Рвань, дрань, голь перекатная! В детстве недоедал. А фамилия — это по дурости! «Пиголицын» была моя фамилия — жена уговорила «Пи» отнять, чтоб из меня аристократа сделать. Я и поменял — есть документ!

— До чего гнильца в нашу интеллигенцию въелась! — вздохнул безусый.— Так и тянет к чуждому элементу... Но ничего — сейчас со всеми разберемся!

— А почему сейчас? — осторожно спросил Голицын.

— Потому что сейчас, уважаемый Виктор Михайлович,— бархатно заговорил усатый,— точнее, несколько часов назад, началось то, что давно должно было начаться,— перепестройка. И все «огоньки», «московские новости», «юности», «комсомольские правды» и прочая идеологическая мерзость перестали существовать в том виде, в котором они являлись читателям до сегодняшнего вечера. Хранение и чтение этих изданий приравнено к распространению порнографии. Пока разрешена к употреблению только одна газета и то — один-единственный ее номер, со статьей Нины Андреевой. Эта статья стала манифестом нашей перепестройки, ее горячим сердцем!. Сотни тысяч патриотов сплотила вокруг себя новая сильная рука, и наша ночь войдет в историю, как праздник очищения нации строителей светлого завтра от буржуазной накипи.

Мозг Виктора Михайловича отказывался верить этой информации, но голос усатого парализовал способность не только мыслить, но и, казалось, дышать. Сам усатый выдохся от пламенной своей речи и слегка обмяк, зато безусый поправил лампу, поймав в фокус остановившиеся зрачки ее владельца, и подытожил:

— Сами понимаете, кто не с нами, тот против нас!

Мир Виктора Михайловича тихо рухнул. Еще носились в нем обломки идеалов, привязанностей и убеждений, но надо было выбирать. И выбирать быстро...

— Я с вами! — почти убежденно сказал Виктор Михайлович.— Я мог ошибаться, но я патриот. Меня подло обманули... И я готов доказать и, если понадобится, смыть.

Повисла томительная пауза.

— Вот и хорошо, вот и славно,— наконец сказал усатый.— Поговорим теперь как единомышленники.

— Господи, конечно, единомышленники... Единомышленники! — Голицын с удовольствием еще раз прокатал по небу это спасительное слово.

И словно подтверждая новый статус Виктора Михайловича, безусый потянулся через стол и отвел в сторону слепящее жало лампы.

...И тогда Господь открыл ему вежды и молвил: «Зри!»...

Виктор Михайлович внял гласу, проморгался и уже в новом свете узрел в дом к нему вошедших. Нормальные молодые ребята. В чем-то даже симпатичные. Вон у усатого очки дымчатые, видно, что без диоптрий — значит, глаза устают, работы много. Ему бы, может, хотелось с девушками в дискотеке повеселиться или с удочкой посидеть, а он вот вынужден по ночам не спать, возиться со всякими, правду вытрывать, зрение тратить... Бедолага! А безусый, конечно, менее интеллигентен. Но такой волевой подбородок, глаза

широко поставлены — открытое русское лицо, сильное, правильное, безо всяких там жидомасонских асимметрий. Да, с такими ребятами можно идти в разведку... А можно и в контрразведку.

Теплое чувство к этим парням, которые годились ему если не в сыновья, то в младшие братья, заполнило Виктора Михайловича. Он придвинул гостям тарелочки с изюмом и орешками и сказал:

— Угощайтесь! Небось с утра маковой росинки,— и, заметив колебания, пошутил: — Не волнуйтесь, не отравлено.

В доказательство клюнул по щепотке и оттуда, и отсюда и, закинув голову, засыпал себе за нижнюю чувственную губу.

Усатый кивнул и положил в рот орешек. Безусый огреб жменю.

— Так вот, Виктор Михайлович,— заговорил усатый.— Нам нужна информация о людях. Полная информация! Мы должны знать, с кем строить в царство свободы дорогу, а кем, извиняюсь, ее мостить... Ошибки нам дорого обходятся — история это показала. Сегодня мы вооружены компьютерами, индикаторами, анализаторами, вычислительными центрами, но вся эта гениальная техника вторична; первичен же человек. Именно человек должен дать пищу для механического ума: такой-то такой-то сказал, сделал, продал, купил, подставил, а уж потом закрутятся, завертятся колесики и винтики; пучки, импульсы, биты, потоки информации. И всяк сверчок получит свой шесток.

— Или свою «вышку»,— вставил безусый.

— Хорошая шутка, смешная.— Усатый внимательно посмотрел на коллегу и позволил себе улыбнуться.

Виктор Михайлович тоже одобрительно хмыкнул, хотя шутка отозвалась в нем холодком, пробежавшим на мягких лапках от спины к затылку.

— Я вас понимаю,— сочувственно сказал он.— И готов... Готов помочь вашей электронике окупить вложенные средства.

— Эк вы ладно округлили! — Усатый покрутил головой.— Впрочем, хоть горшком назови...

— Начнем! — бодро сказал безусый и положил перед собой чистый лист обычной бумаги.

И словно по команде часы из спальни пробили час ночи.

— Час пик,— пробормотал Виктор Михайлович.— Час пик и ножей...

Круговым движением погладил ладонью лоб, сдвинул ее к носу и собрал лицо в горсть. Подумал.

— Пишите! — Он энергично сбросил руку на стол.— Чечеткина Светлана Александровна, моя жена...

Борзая ручка безусого словно споткнулась о невидимую преграду.

— Пишите, пишите.— В голосе Виктора Михайловича прорезались командные нотки.— Я хочу начать с самого дорогого для меня человека, чтобы между нами сразу установилась атмосфера полного доверия. Ведь мы же — единомышленники!

...«Аз, буки, веди, глаголь, добро...» И обнялись Кирилл с Мефодием над чудом разума своего — кириллицею...

И побежала ручка «единомышленника» по бумаге, хладнокровно регистрируя, как Виктор Михайлович вторично лишал невинности свою подругу жизни. На этот раз бескровно, хотя со всей страстью своего зрелого темперамента. Но если в провинциях старой доброй Италии результаты этого мужского труда — красноречивые простынки — вывешивались на обозрение соседям, то эти листки, запятнанные сложносочиненными и подчиненными предложениями, призваны были остаться тайной для смертных. Зато герои этих посланий получали шанс сделаться небожителями...

Так из биографии гражданки Чечеткиной С. А. среди прочих мелких грехов выплыло, что отец ее, Чечеткин Александр Григорьевич, в войну попал в плен, в лагере его вербовали в армию Власова, он отказался, хотя «был момент, до того замучили, гады, что хотел для виду согласиться, чтобы передых получить». Хотел все-таки, папаша! Но... Бежал, партизанил, потом сидел уже у нас, реабилитирован, конечно, награды вернули... Но ведь — хотел же! А вообще мужик он неплохой и праздничные заказы по ветеранской карточке всегда нам переправляет, для внучек... А сама Светка, простите, гражданка Чечеткина С. А., моя в данный момент жена, самое дорогое для меня, так сказать, существо, девятого июля в один час двенадцать минут ночи, извините, значит, было уже десятое, после того, как подвели под сокращение ее подружку, завкафедрой в институте — такую, знаете, правдолюбку, горлопанку-перестроечницу, известный нынче тип; так вот Чечеткина, лежа рядом со мной — но под разными одеялами! — сказала: «Знаешь, Витенок, боюсь я за наших дочек: иногда так подступит... Подхватила бы их, родненьких,— и подальше отсюда. Нет, не в Америку и не в Израиль, а куда-нибудь в Канаду или в Австралию, и не ради сорока сортов колбасы, а... вообще. Детям, говорят, легче привыкать...» Не в Америку и не в Израиль — это отметьте как смягчающее... И так далее на четырех страницах.

А вот — Жан Борисович Янкельсон... Отказник со стажем, ярый наш противник, просто кошмарный, сейчас, правда, чемоданы пакует, но ведь вызов-то у него «липовый» — нет у него там никаких родственников. А есть у него запрещенная литература на любой вкус. И всегда была: то Авторханова предложит, то Леонарда Шапиро, сейчас — вот эту отщепенку Н. Я. Мандельштам... А родственников нету — я за эту информацию отвечаю... Циник! Когда Савелий Крамаров в Америку уехал, он про него так выразился: «Ну вот, началась и у нас «утечка мозгов». Это я так вспомнил, может, пригодится...

Сюда же можно и Юлию Арамовну Манукян, этакая фрондирующая особа, оригинальная весьма. Ее конек — мистика, экстрасенсы, Шандала, мадам Блаватская с ее посланиями; соберет иногда своих придурков-медиумов, и начинают блюдце крутить, духов вызывать. Но ладно бы каких второстепенных, а то норовят — Сталина, Берию и даже тех самых... основоположников. Блюдце ходуном ходило, чуть не разбилось. Основоположники-то в ошибках признавались — даже диктовали некоторые затерянные документы, не вошедшие в полное собрание... Тексты, если надо, я раздобуду... И все это, держитесь крепче за табуретки, не мешает Манукян Ю. А. занимать должность старшего преподавателя истории КПСС для иностранных студентов. Каково?! А у нее-то как раз родственники на диком Западе есть! В Нью-Йорке и в Лос-Анджелесе! Но об этом она ни в одной анкете не пишет... Вот человеческая комедия: один себе родственников зарубежных выдумывает, другая — скрывает. Воистину «сум квикве» — каждому свое... И еще, извините, будь у нее зарплата хоть 500 в месяц, но даже на такие деньги невозможно иметь антиквариат, картины, золото, зимнюю двухэтажную дачу в Малаховке, не считая мелких брызг. Всегда полный дом заезжих армян, Карабах-Барабах, гости, тюки с барахлом, Светка у нее по мелочам покупала, извините, Чечеткина С. А. ...

В этом месте безусый попросил Виктора Михайловича сделать перерыв.

— Брейк! — сказал он, уронив ручку.— Что у нас, у боксеров, значит: на минутку разойдись. Пальцы свело...

Он принялся восстанавливать кровообращение, а усатый попросил согреть чайку.

— А скажите, Виктор Михайлович,— заговорил он, когда чашки уже дымились на столе.— Сколько стóит ваша уважаемая знакомая Юлия Арамовна Манукян?

— Не понял?..

— Ну, сколько денег поступило бы в государственную казну, если бы имущество Ю. А. Манукян мы конфисковали?

— Вместе с дачей в Малаховке?

— Да. Вместе с дачей.

— Я думаю...— Виктор Михайлович действительно задумался.

— Хотя бы приблизительно,— мягко поторопил усатый.

— Тысяч триста — триста пятьдесят, пожалуй... Но это — мои предположения.

Безусый присвистнул и снова занялся орешками. Виктор Михайлович щедро подсыпал из пакета, спросил:

— А это что, имеет практическое значение или вы так, интересуетесь?

— У нас сейчас что на дворе? — вопросом на вопрос ответил усатый.

Голицын дисциплинированно выглянул в окно: на дворе стояла глубокая ночь, моросил дождь, и ветер налетал на черные деревья, было темно и бесприютно...

— А на дворе у нас сейчас социализм! — подсказал усатый, освобождая Виктора Михайловича от гаданий.— В свою очередь, социализм — это учет. Учет всего: людей, идей, урожая и поголовья, духовных ценностей и так далее, и тому подобное, в том числе — учет ценностей материальных. И не только учет, но и их перераспределение. Да, да, тот самый принцип, который заболтали, затерли, как монету, от частого употребления: «От каждого по способности, каждому — по его труду». Этим принципом мы не поступимся! Отсюда следует: если от одного человека, допустим, Юлии Арамовны, убудет триста тысяч, а государству соответственно прибудет, то тот, кто этому способствовал, должен быть вознагражден. По его труду.

Разговор принял неожиданный для Виктора Михайловича оборот, и нельзя сказать, чтобы этот оборот был ему неприятен. Напротив. Всего лишь два... нет, уже три часа назад он мечтал ничего не потерять: жизнь, свободу, работу, имущество... Теперь же открывалась перспектива что-то приобрести. Очень даже приобрести. Виктор Михайлович был слишком интеллигентен, чтобы задать вульгарный вопрос: «Сколько?» Но в то же время он не был таким идеалистом, или попросту идиотом, чтобы следовать рекомендациям Воланда: «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, в особенности у тех, кто сильнее вас». Поэтому, выждав приличествующую паузу, он осведомился:

— Ну и как вы себе это мыслите?

— Вот уж не знаю,— произнес усатый.— Мне кажется, тут может быть применен еще и кооперативный принцип. Нет, все, что творили так называемые кооператоры до сих пор,— это криминально и в настоящий момент,— он взглянул на часы,— искореняется...

И опять Виктора Михайловича слегка тронуло ознобом.

— ...Но сам принцип,— усатый поднял указательный палец,— правильный! А назвать кооператив можно так: «Слово и дело». Я понимаю, было! Но ведь история развивается по спирали; будем считать, что витки этой спирали в данный момент удачно сблизились... Но положа руку, название отражает? Сказал слово — знай, что за ним последует «Дело». А то мы привыкли слишком много болтать: слова потеряли смысл, превратились в абстракции.

Тут он поймал остекленевший взгляд безусого, который набил рот орешками да так и остался, завороженно покачиваясь на табуретке, как кобра перед дудкой факира. Очевидно, усатый послал ему молчаливый импульс, потому что тот сделал гигантский глоток и подсевшим голосом задал долгожданный для обеих сторон вопрос:

— Я думаю, надо уточнить, сколько ваш кооператив будет получать за каждого... за каждый факт.

— Предлагаю обратиться к истории,— с готовностью подхватил Голицын.— Если вы знаете, в первом веке до нашей эры в Риме был диктатор — великий человек! — Луций Корнелий Сулла. Он тогда нашел способ укрепить экономику Римской империи с помощью проскрипций. То есть списков, куда заносились неблагонадежные граждане. А их личное имущество — поскольку было им уже не нужно — отходило в казну, минус одну десятую, которую

получал тот, кто, выражаясь вашим языком, выполнял функцию предлагаемого кооператива... Хотя можно, конечно, расценивать и как заклад, сданный государству.

— Заклад? — Усатый поднял бровь.

— За клад — «за» отдельно... Тогда уже идет двадцать пять процентов.

— Четверть многовато,— задумчиво сказал усатый.— А вот одну десятую... Что ж, справедливо... Продолжим?

Безусый сжал ручку отдохнувшими пальцами, но тут же и выронил при следующем произнесенном имени.

— Арманд Хаммер,— произнес Виктор Михайлович,— так называемый друг нашей страны...

— Извините, я вас перебью,— вмешался усатый.— Я понимаю, что вам хочется одним махом решить все свои материальные проблемы, но Хаммер — гражданин США, а наша организация, к сожалению, не располагает такими широкими полномочиями. Вот если бы вам удалось уговорить его принять советское подданство, разговор был бы предметным. Но, боюсь, вам будет трудно: пожилые люди, как правило, консервативны в своих политических взглядах. Особенно если на родине у них в наличии пяток-другой миллиардов. Не обижайтесь, но давайте оставим в покое Ротшильдов, Дюпонов и Рокфеллеров и займемся нашими грешниками. Итак?

Если Виктор Михайлович и огорчился, то это никак не отразилось на его памяти. Имена, фамилии, телефоны, даже детские клички противников перестройки плавно ложились на бумагу, и к пяти часам утра она неожиданно кончилась.

— Все! — сказал усатый, поднимаясь с табуретки.

Безусый потирал мозоли на пальцах и болезненно морщился.

Оба они выглядели гораздо хуже, чем в начале этой встречи. Бессонная ночь проявила мешки под глазами, заострила носы; в холодном свете, пришедшем с улицы, кожа на их лицах отливала нездоровой серостью.

Голицын же, напротив, сидел, пылая щеками, свежий и помолодевший лет на десять; глаза его набрали особый магнетический блеск — он был красив в эту минуту!

— Ах ты, незадача какая! — сетовал он.— Как же я... Если бы вы предупредили...

Он трижды перевернул тумбочки и шкафы, но бумаги, кроме дочкиных тетрадей в клеточку, не нашел.

— В клеточку пока не надо,— отверг усатый.— Но вы не огорчайтесь. Мы славно поработали, пора и отдохнуть немного. Надеюсь, еще продолжим... А вот это,— он брезгливо тронул «Огонек» и «Московские новости»,— можете читать — я выпишу вам разрешение: врага надо знать в лицо!

— Конечно, конечно! Жаль, что с бумагой так получилось, но с ней вообще у нас тяжело, вы же знаете.— Виктор Михайлович проводил гостей до лифта и крепко, по-мужски, пожал их вялые руки.

В лифте оба ночных гостя бессильно откинулись на стенки...

Первым, кто встретил их у раскрывшихся дверей на первом этаже, был Виктор Михайлович Голицын. У безусого дернулась щека.

— Извините, совсем забыл,— чуть задыхаясь, сказал Голицын.— Фу... Всетаки возраст уже не тот, с четвертого на первый с лифтом наперегонки... Там вот Липский Андрей Евгеньевич, посмотрите...

Безусый дрожащими руками достал из-за пазухи толстую пачку листков. Пальцы Голицына цепко пробежали по ней и извлекли нужный.

— Вот... Он ко всему своему букету гитарой развлекается, О'Хару из себя изображает — их сейчас развелось... Но не в этом дело. У него такая песенка есть — я два куплетика набросал, больше, к сожалению, не помню, но это восполнимо...— И Виктор Михайлович протянул страничку из записной книжки. На страничке сверху было вроде эпиграфа: «Из песен Липского А. Е., приложение к «Делу» А. Е. Липского»,— и дальше шел текст:

Меня пугают все мои знакомые,
Нас одолеют скоро насекомые.
Погибнут все — одни они останутся,
И будет править нами Тараканий царь!

Припев:

И чтобы я подох,
Они стараются —
И Тараканий Бог,
И Тараканий царь!

У них зеленые бегут фургончики,
У них заботы есть и выпивончики,
Они на черных, рыжих разделяются —
Евреи есть у них — они скитаются.

Припев.

— Аллегория весьма прозрачная,— улыбнулся Голицын.— Это ведь мы с вами тараканы, а значит, и надо нас — дустом, дустом!..

— Да зайдем мы еще, зайдем! — раздраженно ответил усатый.— Отдыхайте, Виктор Михайлович, мы представим вас к ордену «Патриот III степени».

— О! Спасибо...— Виктор Михайлович потупил глаза.— Простите, а у вас как эти ордена идут по степеням: ну, как ожоги, или в другую сторону? Первая степень почетнее или третья?

— Да успокойтесь, наоборот они идут, Господи! Третья — самая почетная. До свиданья!

— Только пораньше приходите,— лукаво предупредил Голицын.— А я уж бумагой запасусь!

Они поменялись местами: коверкотовые пальто из лифта вышли, Голицын туда зашел. И через мгновение кабина унесла вверх его доброжелательное кивающее лицо.

Двое убедились, что лифт доехал до четвертого, чутко уловили деликатный хлопок квартирной двери и только тогда устало потянулись на выход. В подъезде, не сговариваясь, закурили. Сделав по две затяжки, так же синхронно сняли шляпы — впервые за все это время. На лбу у каждого отпечаталась глубокая бордовая полоса. Безусый принялся ее исследовать, а усатый медленно отклеил усы и тоже стал безусым. Усы он положил в карман — туда же последовали дымчатые очки. Покурили. Первым нарушил молчание бывший усатый:

— Ничего себе — пошутили... будто в дерьме вывалялся.— Он зябко повел плечами.

— Это была твоя лучшая роль, старик,— отозвался безусый.— Я просто балдел!

— Я — тоже... особенно от твоих шуточек.

— А все этот критик вонючий — Константинов! Дался ему наш спектакль: «Поступились системой Станиславского!.. Клевета на сегодняшний день!.. Разгул параноидальной фантазии!.. Подражательство!.. Ах, Бэкетт!.. Ах, Ионеско! Совершенно оторвано от жизни!» Что там еще?

— «Не соответствует духовным задачам перестройки!»

— Вот-вот! Помяни мое слово: это первая ласточка будущей травли самодеятельных театров-студий; сначала дали поднять голову тем, у кого она еще стоит, а потом — рубанут!

— Ладно тебе каркать! — Бывший усатый докурил и бросил чинарик на кафельный пол.— С дядей моим, конечно, получилось... Страшно живем: друзьям не звоним, родственников не видим — только по делу, только по делу! Любимый племянничек два года не звонит единственному дяде и даже не знает, что тот год, как переехал... А ведь когда-то: «Дядя Коля, я к тебе на минуточку, так проголодался, что переночевать негде...» И еще девочек водил! И на такси для них брал! Какая же я свинья... Вспомнил, когда понадобилось. Тоже мне, врачи-герои, холеру себе привили... Хотите, чтобы театр был ближе к жизни? Получайте!

— Ближе уж не бывает.— Безусый забычковал сигарету.— Слушай, а на что ты все-таки надеялся?

Бывший усатый пожал плечами:

— Я же говорил: давно не виделись... Потом маскировка: шляпа, усы, очки... У дяди Коли тоже зрение не очень. Он у меня мужичок с юмором: думал, узнает — нальет по стопарю, молодость вспомним... А нет — значит, поломаем немного комедию, поиграем в сталинских сов... Когда эту рожу сладкую увидел, просто шок со мной случился.

— Я-то не знал! Я действовал, как договаривались... А что же ты не извинился, не ушел, когда чужого увидел?

— Черт его знает... Понесло! Помнишь, ты после «Отелло» рассказывал: когда Яго играю, я только первые пять минут помню, что я актер, а потом — как понесет! Его язык, его мысли, его страсти... А иначе бы мы не были актерами! А с этим Голицыным... Во-первых, уже настроился, а во-вторых, что-то в нем такое увидел... Конечно, жестоко на живых людях такие эксперименты ставить. Но как все повернулось... Мне самому сейчас жить не хочется.

— Ладно, ладно, нечего теперь стебаться.— Безусый похлопал напарника по плечу.— Во всяком случае, мы знаем, что были правы и что наша пьеса — не «параноидальные фантазии», а нормальное предупреждение. Всем! Люди, мол, будьте бдительны...

Сзади ударили двери лифта, и подъезд наполнился визгливым лаем и старческим ворчанием: и для шавки, и для ее хозяйки эти ранние выходы, видимо, давно стали ритуалом. Двое в подъезде нервно надели шляпы и вжались в стенку. Болонка подозрительно обнюхала их ботинки, старуха так же подозрительно обшарила глазами, проскрипела, скорее себе под нос, чем для публики:

— Шляются по подъездам, грязь разводят. То хоть противоположного полу обжимались, а нынче взяли моду — мужик с мужиком! Прости, Господи!

Болонка злобно взвыла, блестя снизу красными глазами, и старуха выпихнула ее довывать на улицу.

Актеры перевели дух и вышли следом. Тугой утренний ветер рванул им легкие, заслезились глаза. Придерживая шляпы и пригибаясь, выбрались мимо помойки в переулок. Зажатый коробками домов, ветер неожиданно стих, и благостным показался путникам этот оазис абсолютной тишины и безлюдья. И, словно долгожданный мираж, выплыла навстречу фундаментальная урна, маня измученную плоть, обещая принять на себя грязь вселенскую и людскую подлость.

Торопливыми руками рвал бывший усатый липкие листки и заталкивал их в цинковое чрево, приговаривая:

— Мерзость! Мерзость! Мерзость...

Туда же полетели и бутафорские удостоверения.

На следующий день всех...

Борис БРАЙНИН

ФРАЗЫ

Юмор — это сатира с выбитыми зубами.
Плечом к плечу — плеча не увидать.
Продавщица кричит на очередь: вас много, а курица одна!
Пора уже сделать окончательные выводы из ГДР, Венгрии, Чехословакии...
Если вы хотите накопить деньги,— постарайтесь сделать это сегодня, не откладывая на завтра.

Игорь ИРТЕНЬЕВ

ПРО ФЕДОТА

Был Федот хороший слесарь,
Им гордился весь завод,
«Вечный двигатель прогресса»
Называл его народ.

В цех придя без опозданья,
Он трудился день-деньской
И за смену три заданья
Выполнял одной рукой.

На Доске висел почета,
Был по шашкам чемпион
И с идеей хозрасчета
Всей душой сроднился он.

Если б так и дальше длилось,
Стал бы он герой труда,
Но однажды приключилась
С нашим Федею беда.

Как-то раз в конце недели,
А точней под выходной,
Он смотрел программу теле
На диване в час ночной.

И хоть ту программу кто-то
Окрестил невинно «Взгляд»,
Оказался для Федота
Этот «Взгляд» страшней, чем яд.

Охмурили неформалы
Трудового паренька,
Стал читать он что попало,
Начиная с «Огонька».

Из семьи уйдя рабочей,
Позабыв родной завод,
На тусовках дни и ночи
Он проводит напролет.

За версту бывает слышно,
Как подкуренный Федот
С диким криком «Хари Кришна!»
Вдоль по улице идет.

От его былого вида
Не осталось ничего,
Он вот-вот умрет от СПИДа
И не только от него.

И не зря в народе люди
Меж собою говорят:
«Так с любым Федотом будет,
Кто программу смотрит «Взгляд»!»

И. М. Губерман родился в 1936 году. В 1979 году он в силу ряда обстоятельств решил выехать с семьей за границу, но был посажен в тюрьму по сфабрикованному уголовному обвинению.

Освободившись в 1984 году, Губерман больше уезжать не хотел, но через три года его вызвали и сказали так: «Министерство внутренних дел приняло решение о вашем выезде». Пришлось покориться обстоятельствам, и теперь автор публикуемых ниже стихов — эмигрант.

В сентябре этого года радиостанция Би-би-си познакомила своих слушателей с новой книгой Игоря Губермана «Прогулки вокруг барака», страшной и смешной одновременно. Поражает огромный запас жизнелюбия и душевных сил автора. Эти качества характеризуют и его поэзию. Афористичные, полные печали, юмора и житейской мудрости, четверостишия Губермана передавались из уст в уста, хотя не все знали имя их создателя.

Г. ЛЕССКИС

Игорь ГУБЕРМАН

* * *

Сейчас не спи, укрывшись пледом,
Сейчас эпоха песен просит,
За нами слава ходит следом
И дело следственное носит.

* * *

Кошмарней лютых чужеземцев
Прошлись по русскому двору
Убийцы с душами младенцев
И страстью к свету и добру.

* * *

Изнасилована временем
И помята, как перина,
Власть немножечко беременна
И по-прежнему невинна.

* * *

То наслаждаясь, то скорбя,
Держись пути любого,
Будь сам собой, не то тебя
Посадят за другого.

* * *

Очень многие дяди и тети
По незрелости вкуса и слуха
Очень склонны томления плоти
Принимать за явления духа.

Рисунки Виктора КОВАЛЯ.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 9. Краткое изречение, народный афоризм. 10. Люди, объединенные общей работой, общими интересами. 11. Садовый душистый темно-лиловый цветок. 14. Свободное, обширное пространство, раздолье. 15. Сооружение для зрителей на стадионе. 18. Южное вьющееся растение. 19. Внимание, попечение, уход. 20. Река в Канаде, впадающая в Гудзонов залив. 21. Крепость-герой. 22. Искусство, отражающее действительность в звуковых художественных образах. 24. Пустые пчелиные соты. 27. Подземный городской транспорт. 29. Герой оперы М. И. Глинки. 31. Ученый, мыслитель, занятый разработкой вопросов мировоззрения. 32. Певучее исполнение на музыкальных инструментах. 35. Литературовед, изучающий творчество родоначальника новой русской литературы. 36. Птица семейства ибисов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Сказка М. Горького. 2. Выдающиеся, общепризнанные произведения литературы и искусства. 3. Кровельный материал. 4. Один из Малых Зондских островов в Индонезии. 5. Снасть на судне для управления парусами. 6. Англо-американский поэт. 7. Барабанная машина для промывки полезных ископаемых. 8. Народный артист СССР, актер МХАТа. 11. Спортсмен, занимающийся зимним спортом. 12. Способы украшения вокальных и инструментальных мелодий. 13. Большевистский легальный журнал, выходивший в канун Октябрьской революции. 16. Река на юго-востоке США. 17. Вязкая смесь от смешивания цемента с водой. 23. Писательница, автор драмы-феерии «Лесная песня». 25. Наибольшая горная вершина Урала. 26. Драгоценный камень. 28. Газетно-журнальный жанр. 30. Рассказ А. П. Чехова. 31. Растительный мир. 33. Надпись в фильме. 34. Спортивное единоборство.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Чина. 5. Концертмейстер. 9. Комо. 11. Бандура. 12. Вторник. 13. Хара. 15. Глава. 16. Горох. 17. «Киев». 18. Уруп. 19. Аккра. 21. «Порог». 23. Нура. 24. Предлог. 25. Одиллия. 26. Штаб. 28. Естествознание. 29. Адан.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Чирок. 2. «Алеко». 3. Молодогвардейск. 4. Четырехугольник. 6. Цвирка. 7. Скутер. 8. Партитура. 10. Дискуссия. 13. Хасан. 14. Агала. 20. Кнорре. 22. «Радуга». 26. Шутка. 27. Бизон.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

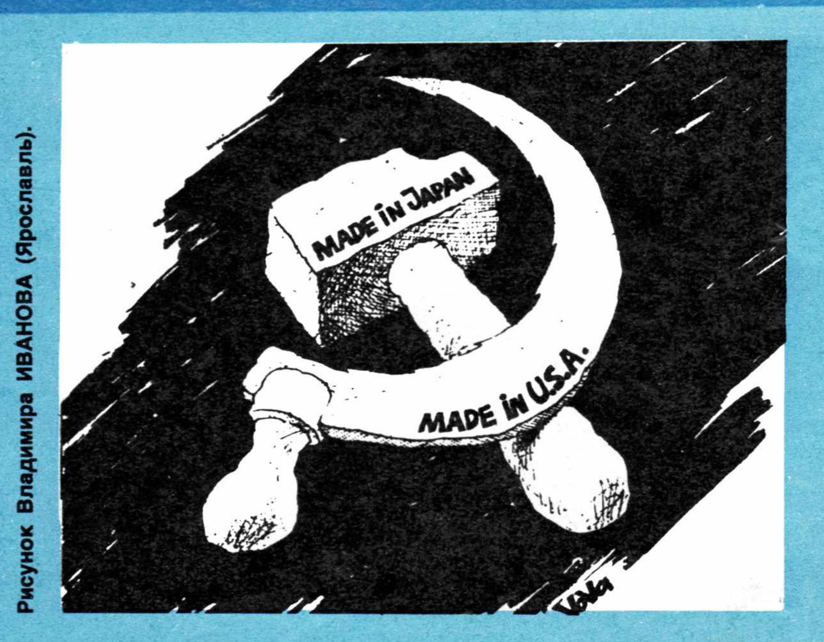

Рисунок Владимира ИВАНОВА (Ярославль).

40 коп. Индекс 70663